

Тюменское музейно-просветительское объединение tiamz.ru

Реликвариум

Губолевский историко-архитектурный музей-заповедник

№2(8)
2018

СОХРАНЕНИЕ • ПРЕДСТАВЛЕНИЕ • ПРИОБЩЕНИЕ

Уважаемые читатели журнала «Реликвариум»!

Укрепление исторической памяти, восстановление забытых имен и событий, формирование «экологии культуры» – важные аспекты проводимой в Тюменской области работы по сохранению и популяризации культурного и исторического наследия России, развитию ее уникального духовного потенциала.

Музей семьи Императора Николая II, открытый в г. Тобольске, – культурный символ происходящего в нашей стране восстановления связи времен и бережно хранимой памяти народа о Царственных Страстотерпцах. Мемориальный музей, основанный на документальных и материальных свидетельствах о пребывании в тобольской ссылке Императора и Его Семьи, дает возможность погрузиться в эпоху императорской России, познать духовный мир Царской Семьи.

Не сомневаюсь, что представленное издание будет способствовать постижению истории Российской империи XIX–XX веков, росту гражданской ответственности, станет существенной составляющей духовно-нравственного развития и культурно-исторического образования новых поколений россиян.

*Владимир Владимирович Якушев,
Губернатор Тюменской области*

Дорогие друзья!

Когда я посетил Тобольск и увидел белые стены Кремля, увенчанные золотыми куполами собора, этот великолепный вид произвел на меня глубокое впечатление. Восстановленные памятники внушают мне чувство уверенности в будущем не только Тобольска, но и России. Богатство культуры проявляется, прежде всего, в заботливом отношении к ее сокровищам, представлении их на всеобщее обозрение для всех своих граждан и туристов. Это наполняет нас чувством гордости о достижениях наших предков и вдохновляет на великие свершения во имя будущего нашей Родины. Мы чтим наше наследие в память о наших предках и во славу ныне живущих! Наше культурное наследие – основа любви к Родине.

В 2018 году Тобольск заставляет меня задуматься о том, что произошло 100 лет назад, когда здесь были мои родственники. С 13 августа 1917 года по 13 апреля 1918 года Царь Николай II и Его Семья содержались в плену в Доме губернатора. Горожане были вежливы с Ними, выражали сочувствие, часто передавали свежие продукты и подарки и приветствовали Их с уважением. Теперь Дом губернатора восстановлен и превращен в музей, посвященный пребыванию в нем Императорской Семьи. Я с уважением отношусь к тому, что люди в Тобольске неравнодушны к печальным страницам нашей истории. Этот мемориал повышает статус Тобольска, как исторически важного места, и демонстрирует честное отношение к нашей истории.

*Павел Эдуардович Куликовский,
Правнук Великой Княгини Ольги Александровны,
сестры Царя-Мученика Николая II
Москва*

Глубокоуважаемые коллеги!

Сердечно приветствую Вас от Фонда содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество» (Фонд ЕСПО), содействовавшего изучению темы пребывания царской семьи в Тобольске. Результатом совместных трудов тобольских историков, музейных сотрудников, специалистов и экспертов Фонда ЕСПО стала постоянная музейная экспозиция в Губернаторском доме, посвященная семье последнего российского Императора Николая II.

Этот музей уже включен в Национальный проект «Императорский маршрут» как опорная точка в Тюменской области для изучения 200-летней истории Российского Императорского Дома.

Выражаем искреннюю признательность и глубокую благодарность губернатору Тюменской области В.В. Якушеву и первому вице-губернатору

Н.А. Шевчик за постоянное личное внимание и неизменную поддержку тобольских проектов по увековечению памяти семьи Императора Николая II.

Мы призываем всех объединить силы и возможности, чтобы новый музей стал мощной просветительской площадкой для реализации творческого потенциала тобольских историков, краеведов и архивистов. Ваш профессиональный опыт и любовь к своему делу позволят многим тысячам туристов и паломников взглянуть на историю последнего царствования с новым пониманием созидательной роли Императора Николая II, духовной жертвенной высоты, христианской любви и милосердия, которые отличали всю его семью.

Ваша научно-исследовательская работа, достойным плодом которой, является регулярный выход уникального издания - журнала «Реликвариум», дает широкие возможности для осуществления общегосударственной просветительской программы по противодействию фальсификации истории, искажениям исторических фактов, политизированным трактовкам и намеренной дискредитации Императора Николая II.

Тематический выпуск журнала «Реликвариум» выходит в знаменательный и печальный день 26 апреля, когда царская семья была насильственно разделена большевиками и отправлена на Екатеринбургскую Голгофу. Материалы этого номера дают нам новые свидетельства подвига царской семьи и всех приближенных, добровольно с ними пострадавших.

Научные работы тобольских историков и музейных специалистов открывают новые страницы в изучении подлинной истории России на основе исторических источников и новых архивных документов.

Желаем руководству издания и всему творческому коллективу дальнейших успехов и научных открытий. Пусть высокий пример жертвенного служения, Веры и любви к Отечеству царской семьи, святые молитвы Царственных Страстотерпцев будут для нас опорой и помощью на тернистом просветительском пути.

Анна Витальевна Громова,
Председатель Наблюдательного Совета Фонда содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество», старший научный сотрудник института всеобщей истории РАН, руководитель Центра ИВИ РАН, кандидат исторических наук

Дорогие друзья!

Открытие Музея семьи Императора Николая II, нового музейного объекта Тюменского музейно-просветительского объединения в структурном подразделении «Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник», безусловно, является крупномасштабным культурологическим событием не только для Тюменского региона, но и для всей России.

Создание музея в мемориальном здании, вошедшем в историю как дом Сибирского генерал-губернатора, один из путевых дворцов Царственных путешественников - настоящий партнерский проект принесший свои плоды, благодаря тесному социокультурному взаимодействию. Это результат многолетнего труда большого количества людей: строителей, реставраторов, исследователей, историков, музейных сотрудников, духовенства, научного сообщества, предпринимателей.

Музей во многом уникален, проект позволяет нам по-новому взглянуть на давно известные факты российской истории, расширить границы сведений о частной жизни и государственной деятельности Семьи Императора Николая II и верных им людей. Проект призван показать примеры постоянной заботы Государя и Государыни о просвещении и благополучии Российской державы, продемонстрировать образцы глубокой преданности лучшим традициям дела милосердия и благотворительности, личного благочестия и христианской святости. Музей является наилучшим доказательством того, что истинное величие и благородство определяется не происхождением человека, а его способностью направить свое жизненное служение на благо Отечества.

Безусловно, данное музейное произведение - новый уровень нашей профессиональной деятельности, это достижение целей путем использования опыта теснейшего сотрудничества крупнейших российских музеев, государственных архивов, частных коллекционеров и общественных организаций с привлечением зарубежных партнеров. Верится, что концептуальные решения, давшие неординарные приемы организации экспозиционного пространства, помогли нам подготовить особую экспозицию, открывающую миру ту силу веры, воли и любви, которые составляют нашу российскую гражданственность и утверждают нашу национальную идею.

Мы благодарны Губернатору Тюменской области Владимиру Владимировичу Якушеву за патронирование проекта, за доверие и поддержку наших идей.

Выражаем искреннюю признательность председателю наблюдательного совета Фонда содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевского просветительского общества» Анне Витальевне Громовой (г. Москва) за проникновенное курирование, за масштаб открывшихся перспектив и направление приоритетов, что способствовало более глубокому раскрытию тематического содержания. Благодарим за предоставленную возможность совместного участия в деле возрождения традиций российской государственности.

Светлана Юрьевна Сидорова,
Генеральный директор ГАУКТО «Тюменское музейно-просветительское объединение»,
доктор музейного дела (МАОАК), кандидат философских наук

Апрель 2018 г. № 8

Содержание

● Музейный ансамбль Архитектура интерьера - свидетель мамориальности «Музея семьи Императора Николая II». <i>Л.Н. Жучкова</i>	8
Обитатели дома купца Корнилова. <i>Е.Л. Малышева</i>	12
● Юбилейный экскурс Провинциальное радушие ссыльного края. <i>И.В. Балюнов</i>	16
Пребывание Семьи Императора Николая II в Тобольске. События и факты. <i>И.В. Балюнов</i>	18
Рождество Христово. Романовы. Тобольск. <i>З.А. Бакиева</i>	20
Последний царский святой (к истории канонизации митрополита Иоанна Максимовича). <i>Г.В. Лепова</i>	22
● Сокровищница музея Предметная память об Узниках дома Свободы. <i>Л.Н. Жучкова</i>	26
«Въ память чудеснаго спасения...». <i>Т.А. Сучкова</i>	32
Шелесты эпохи монометаллизма. <i>О.В. Батькина</i>	36
Дар из Сан-Франциско. <i>Л.Н. Жучкова</i>	38
● Тобольская звонница Духовная святыня. <i>Е.О. Михайленко</i>	40
● Архивариус Молитвами и стараниями женской обители. <i>В.С. Туташева, Э.Г. Бурнашев</i>	42
Музейное дело в Тобольске (1917 - 1918 годы). <i>Ж.Б. Праскунова</i>	46
● Мемориалы и мемории Сибирские схроны царских драгоценностей. <i>Л.З. Каримова</i>	48
История ковра из Тобольска. <i>Л.В. Андреева</i>	50
● Отражение времен Революционные будни древней столицы. <i>Э.Г. Бурнашев</i>	52
Записка в куполе киота. <i>Я.Г. Загваздина</i>	56
«Тобольский период» Романовых в Тюменской фильмографии. <i>В.В. Лагутин</i>	60
● Служители Жизнь в служении музею. <i>И.В. Сергеева</i>	62

12+

Правительство Тюменской области
Департамент культуры Тюменской области
ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение»

Журнал учрежден
ГАУК ТО «ТМПО»
структурное подразделение
«Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник»

Главный редактор
С.Ю. Сидорова
Шеф-редактор
В.В. Дронова
Дизайн и верстка
О.С. Зольникова
Фотографии
Аверин Ю.Г., из фонда Тобольского музея-заповедника
Редколлегия:
И.В. Балюнов, Э.Г. Бурнашев, Г.В. Лепова, Ж.Б. Праскунова

Адрес редакции и издателя:
г. Тобольск, Красная площадь 1, стр. 4.
Телефоны:
(3456) 26-41-60;
(3456) 22-37-13;
E-mail: tgiamz@mail.ru
Сайт: tiamz.ru

Отпечатано: ООО «РГ «Проспект»,
Адрес: г. Тюмень, ул. Республики, 211.
Телефон: +7 (3452) 27-37-00

Тираж: 2000 экз. Цена свободная.
Дата выхода в свет: 25 апреля 2018 г.

Журнал «Реликвиум»
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ72-01491 от 30.11.17.
Журнал зарегистрирован как культурно-просветительское издание в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу - Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу.

Архитектура интерьера - свидетель мемориальности «Музея семьи Императора Николая II»

1

Сохранение культурного наследия все чаще осознается нами как одна из самых важных проблем, стоящих перед обществом.

Сегодня в нижнем посаде Тобольска обрел свое историческое лицо дом купца первой гильдии Ивана Терентьевича Кукулина (фото 1). Особняк является образцом каменного зодчества периода классицизма конца XVIII века. С начала XIX века из-за долгов собственника он поменял свой статус с частного владения на казенное учреждение. В здании размещалась резиденция генерал-губернаторов Западной Сибири, тобольских гражданских губернаторов и Исполнительный комитет Временного правительства. А с начала августа 1917 г. по май 1918 г. здесь в заточении находилась Семья Императора Николая II.

2

0 - дерево
1- слой масляной краски
2- слой масляной краски
3 слой масляной краски

3

4

Л.Н. Жучкова,
главный научный сотрудник

сыщения экспозиции мемориальными раритетами, так как к мемориальному максимуму не всегда удается приблизиться. А через подлинные вещи-аналоги мы можем создать только стиливой образ представляемого периода и то не всегда полный. В этом случае нашу задачу – наибольшее погружение посетителя во внутренний мир Царской Семьи, проживавшей в доме, можно решить не только через сохранившиеся мемориальные вещи, но и через мемориализацию архитектурных элементов с учетом будущих экспозиционных маршрутов.

Музейными реставраторами проведены натурные исследования исторических интерьеров, благодаря которым выявлено множество подлинных деталей, фрагментов, раритетов. Они подверглись стиливому и хронологическому анализу, выделены те из них, которые органично вольются в общую экспозицию музейного показа.

Согласно имеющейся исторической справке, планировка дома в значительной степени не изменилась.

0 - изразец
1-7 слои записи масляной краской

5

Впечатляет коридорная система с анфиладным расположением комнат. В структуре интерьеров - центральная парадная и служебная узкая лестница. На парадной лестнице сохранились подлинные ступени (фото 2), по которым когда-то ходили многие исторические персоны, проживающие и бывавшие в этом доме.

При раскрытии и исследовании контрольных участков на балясинах и поручнях деревянной лестницы выявлено многослойное красочное покрытие (фото 3). Исторически же они были пропитаны только олифой. Подтверждена их подлинность. В ходе реставрации сохранен верхний слой черной краски, существовавший на период пребывания в доме Царской Семьи.

7

8

6

На узкой служебной лестнице, расположенной с северной стороны внутреннего пространства, подлинные балясины сохранены на 2-м и частично 3-м этажах, остальные в процессе эксплуатации помещений в советское время заменены на более грубые формы. Разница форм и пластики балясин дореволюционного и советского периода привлечет особое внимание публики.

В помещениях обращает на себя внимание множество сохранившихся вьюшек на стенах – это выходы каналов-дымоходов (воздуховодов), проходящих внутри кирпичной кладки. Каналы служили для обогрева неотапливаемых комнат и коридоров. Система печного воздушного отопления в доме была устроена при его строительстве.

Подобная, как известно, была придумана русским архитектором Н.А. Львовым. Из документальных источников известно, что в XVIII – начале XIX веков строительство печей по русской технологии было распространено не только в России, но и за ее пределами - в Англии, Франции, Германии и других странах.

При восстановлении границ исторических площадей в центре Большого зала раскрыт необычайно интересный архитектурный элемент интерьера – кирпичный воздуховод в виде квадратной колонны с вьюшкой и печной фурнитурой, который служил для обогрева помещения, что придает залу неповторимую атмосферу.

По расположению печей в Губернаторском доме можно предположить, что самым отапливаемым и теплым помещением была Красная гостиная Александры Федоровны. Здесь устроены две печи – угловая и стенная (фото 4). Под несколькими слоями краски, которой они покрыты, выявлены подлинные поливные изразцы с кракелюрами, характерными для 1-й половины XIX века (фото 5). Это наиболее распространенный материал отделки печи до сих пор, он повышает ее теплоемкость, декорирует поверхность, украшает интерьер и очень удобен в эксплуатации.

Всего в первоначальном виде отреставрированы семь печей в разных помещениях дома, из них три – изразцовые и четыре облицованные

9

10

железом, так называемые голландские. Демонтированная печная фурнитура заняла свои прежние места (фото 6).

В Красной гостиной сохранены лепные потолочные украшения. В советское время они были частично раскрашены по выпуклому контуру

12

орнамента (фото 7). В процессе реставрации раскрыт для показа фрагмент подлинной лепнины, а оставшаяся поверхность покрыта белой краской (фото 8).

Известно, что в России лепниной стали украшать здания только на рубеже XVII – XVIII вв. В дальнейшем она стала излюбленным приемом декорирования интерьера. Барочный декор на потолке в виде причудливо переплетающихся листьев южного растения аканта выполнен вручную профессиональным мастером, что подтверждается высоким качеством работы.

Лепниной в Красной гостиной украшены и печи (фото 9). Все это делает интерьер необычайно ярким и создает

13

особую атмосферу уюта, располагающую к отдыху.

Во многих комнатах сохранены потолочный профиль и розетки (фото 10).

Кроме того, хотелось бы обратить внимание и на аутентичную кирпичную кладку. После расчистки стен от старой штукатурки оказалось, что многие кирпичи отмечены клеймами, причем совершенно разными. Встречаются клейма в виде русских и иностранных букв «А», «И», «R», «N», анималистических символов – лапы птиц, волка и другие знаки (фото 11). Расшифровка их подлежит дальнейшему исследованию.

Согласно имеющимся сведениям, в России кирпичи стали клеймить к середине XVII в. Это были стилизованные изображения животных. В дальнейшем на кирпичах появились клейма с одной буквой, под которой была зашифрована фамилия владельца кирпичного завода. При изучении кирпичных кладок Москвы сделан вывод, что однобуквенные клейма просуществовали до 1730-х гг. С конца XVIII века число букв на клеймах увеличивается, достигая 2-3-х и более, обозначая имя, отчество и фамилию владельца. В Петербурге клеймение кирпичей одной буквой продолжалось намного дольше, а в Сибири, где производство кирпича было развито слабо, – еще продолжительнее.

В XVIII в. клеймение кирпичей производилось по требованиям Архитектурной экспедиции. Это был специальный надзорный орган, контролировавший качество кирпича.

Регламентировались и размеры кирпича. Во время правления Петра I они должны были составлять в длину 28,0 см, в ширину 14,0 см, в толщину 7,0 см. В 1833 г. были определены другие габариты: 26,5 x 13,3 x 6,7 см. Этим

параметрам должен был соответствовать свежесформованный материал. Во время сушки и обжига размеры кирпичей уменьшались и даже на одном заводе получались разными. Разница могла достигать 1-2 см. Таким образом, все предпринимавшиеся попытки стандартизации кирпича не могли обеспечить постоянства размеров обожженного товара. В кирпичной кладке Губернаторского дома разброс размеров кирпичей составляет от 25,5x13x7 см до 29,7x15x7,5 см. Они не только разных размеров, но и не идеально ровными формами - с деформированными углами, мятыми рёбрами. Причина этого явля-

ния кроется не только в ручном изготовлении кирпичей, но и во времени.

В отдельных комнатах 1-го этажа, где проживала прислуга, реставраторами демонтирована подлинная филенчатая обкладка межкомнатных дверных проемов и сохранившаяся историческая дверь, закрепленная на старинные кованые гвозди (фото 12). После реставрации часть филенок установлена на прежние места.

Благодаря натурным исследованиям выявлены подлинные половицы и старинный паркет, фрагменты которых представлены в экспозиции (фото 13).

В стене исторической столовой, расположенной на первом этаже, сохранился и восстановлен спуск в цоколь-

ный этаж, где размещалась кухня. По этой узкой лестнице в столовую поднимали пищу.

Реликвии, выявленные в процессе реставрации Губернаторского дома, заняли свое особое место в экспозиции наряду с предметами тематических комплексов.

В результате проведенных мероприятий каждая подлинная деталь архитектурного мемориала сохранена в ходе реставрации независимо от ее технического состояния и степени сохранности.

В этом контексте архитектура интерьеров является равноправным элементом мемориальной экспозиции «Музея семьи Императора Николая II».

11

Обитатели дома купца Корнилова

В тобольскую ссылку вместе с Романовыми прибыло 39 человек личного сопровождения, а также 337 человек охраны с 7 офицерами (Отряд особого назначения). Чуть позже к свите присоединились еще 6 человек. Красивейший особняк купцов Корниловых (фото 1), в котором перед Февральской революцией находился окружной суд, предназначили для расселения сопровождающих Императорскую Семью и представителей Отряда особого назначения.

Требовалось много помещений, и для разрешения этой проблемы большую гостиную разделили тонкими деревянными перегородками, что создавало определенные неудобства для обитателей. С некоторыми в Тобольск приехали семьи и проживали также в предоставленном доме. Подробности быта размещенных лиц сохранились в опубликованных дневниках и воспоминаниях отдельных участников событий. В Государственном архиве г. Тобольска почти нет документов о пребывании Романовых в ссылке. В

фондах Научной библиотеки сохранилась городская газета «Сибирский листок», в которой опубликованы некоторые материалы о Царских Узниках.

Царской Семье разрешили единственный раз, 26 августа, посетить дом Корниловых, чтобы посмотреть, как разместили их приближенных.

Из светского персонала, прибывшего в Тобольск, в доме Корниловых проживали следующие лица.

Татищев Илья Леонидович (1859-1918) - генерал-адъютант Николая II, к числу придворных не принадлежал,

Е.Л. Малышева,
научный сотрудник

по приглашению Императора добровольно последовал в ссылку. По словам генерал-майора Дитерихса М.К., руководившего расследованием екатеринбургского убийства, Татищев - «глубоко преданный и предельно честный с христианской душой стал общим любимцем среди заключенных в Тобольске. Он умел быть всегда спокойным, ровным, внося бодрость в окружающих и стараясь различными рассказами и воспоминаниями сокращать томительные дни заключения».

Долгоруков Василий Александрович (1868-1918) - генерал-майор Свисты Его Величества, гофмаршал, князь, для Государя он был просто «Валя», постоянный спутник и давний друг, его преданность была исключительной (фото 2).

Гендрикова Анастасия Васильевна (1888-1918) - с 1910 г. фрейлина Императрицы Александры Федоровны, попросту «Настенька», личный друг (фото 3).

Шнейдер Екатерина Адольфовна (1856-1918) - гофлектрисса Императрицы, лютеранка, обучавшая ее русскому языку, для всех была «Трина» (фото 4). После окончания обучения, став подругой, осталась при Дворе и последовала в ссылку.

Буксгевден София Карловна (1883-1956) - баронесса, фрейлина Импе-

ратрицы, «Иза». Прибыла в Тобольск спустя некоторое время. Едва оправившись от операции, добилась разрешения присоединиться к Царской Семье. Её на несколько дней разместили в доме Корнилова, но ни разу не позволили выйти на улицу. Софье Карловне пришлось снять квартиру в городе. Каждый день она приходила к придворным, но видела Семью только из окон Корниловского дома. Через Анастасию Гендрикову Императрица передала, что в условленный час Она хотела бы видеть баронессу из окна. Письма, которыми они обменивались в Тобольске, опубликованы в воспоминаниях фрейлины. Из них видно, что баронесса Буксгевден была близкой подругой Императрицы.

В числе сопровождающих были два доктора, которых тоже поселили в доме Корниловых. Вместе с узниками прибыл Боткин Евгений Сергеевич (1865-1918) - лейб-медик и семейный врач, приват-доцент Военно-медицинской академии (на фото 5 с детьми). Беспредельно добрый, обладавший «чеховской внешностью», при этом был человеком незаурядной храбрости. На приказ солдатского комитета снять погоны, ответил отказом и продолжал носить форму: генеральское пальто и погоны с вензелями Государя. В дальнейшем уже по просьбе комитета, опасавшегося за его жизнь, переоделся в штатское. В сентябре к нему сначала приехала дочь Татьяна, позднее сын Глеб, дочери было 19, сыну 17 лет. Татьяна надеялась, что ей разрешат видеться с узниками, однако этого не случилось. Баронесса Буксгевден С.К. в воспоминаниях пишет, что они «не были допущены в губернаторский дом под предлогом, что они не являлись товарищами Императорских детей по играм». Также всему виной был приезд в сентябре Маргариты Хитрово, друга Семьи, которая ухаживала за Великими Князьями во время их болезни как медсестра и стала их искренней почитательницей. Не получив разрешения на поездку в Тобольск, не осознавая серьезности положения Узников, она поехала, создав обстановку «освобождения и заговора», открыто сообщая об этом. В Тобольске случайно встретила Анастасию Гендрикову, которая сердечно встретив ее, взяла к себе в дом Корниловых. Через несколько минут примчался полковник Кобылинский и отдал приказ арестовать Маргариту. Из-за нее у персонала и Царской Семьи провели обыски, а девушку отправили в сопровождении охраны в Петроград. Этот приезд усугубил

положение Узников; приближенным, получившим разрешение на поездку и приехавшим позднее, не разрешили увидеться с Царской Семьей.

Доктор медицины Деревенко (Деревенко) Владимир Николаевич (1879-1936-9), почетный лейб-хирург, лечащий врач Наследника Цесаревича Алексея, последовал в Тобольск добровольно в качестве врача Отряда особого назначения. Он приехал 24 августа с женой и сыном.

Дети докторов вносили некоторое развлечение в однообразную жизнь Узников. Глеб постоянно рисовал альбомы, которые доктор Боткин уносил Наследнику, Татьяна обменивалась письмами и подарками с Князьями. Колю, сына доктора Деревенко, допустили к Цесаревичу Алексею, он был его товарищем по играм, кроме того, они писали друг другу «тайнственные» письма. Все послания и подарки передавались и тайно, и открыто через персонал. Пьеру Жильяру разрешили раз в неделю посещать детей Боткина, он также выступал в роли посредника между ними и Семьей.

Английский подданный Чарльз Сидней Гиббс (1876-1963) - с 1908 г. преподаватель английского языка у Августейших Детей, которого называли Сидней Иванович, ценю невероятных усилий добился разрешения, в октябре прибыл в Тобольск и тоже оказался в этом доме (фото 6). В воспоминаниях дочери Боткина описаны некоторые подробности размещения проживающих лиц. Так, на нижнем этаже находились: «кухня, зал собрания Совета Отряда особого назначения, столовая для офицеров, комнаты моего отца, комнаты офицера по фамилии Зима и комиссаров Панкратова и Никольского», на верхнем жили: «госпожа Шнейдер, графиня Гендрикова, генерал Татищев, князь Долгоруков, учитель английского

языка Гиббс и уборщицы. Доктор Деревенко, его жена и сын занимали две комнаты над комнатой Никольского, выходящие на черную лестницу». У доктора Боткина было две комнаты; одна большая в четыре окна, изолированная, другая была проходная. Дочь он поселил в большой комнате, из ее окон был виден двор, в котором гуляла Царская Семья.

В доме Корниловых часто находился полковник Евгений Степанович Кобылинский (1879-1927), руководивший Отрядом особого назначения. Участник Первой мировой войны, после ранения был признан негодным к строевой службе, вернулся в запасной батальон своего полка. Генерал-лейтенант Корнилов, командующий войсками Петроградского военного округа, назначил его начальником Царскосельского гарнизона, начальником караула и комендантом Александровского дворца в Царском Селе. После ареста Семьи, Кобылинский, обладавший достаточной находчивостью и твердостью, максимально оградил арестованных не только от придира, но и от прямых оскорблений и угроз. В Тобольске Кобылинский и его помощник Макаров постарались превратить дом, предназначенный для Царственных Узников, в уютный и комфортный. Его отремонтировали и купили недостающую мебель. В Тобольском государственном архиве сохранилось письмо, написанное Кобылинским после отъезда Царской Семьи, с просьбой вернуть приобретенную им мебель.

Несколько позже в Тобольск приехала в качестве медсестры Отряда особого назначения Клавдия Михайловна Битнер (1878-1937) и поселилась в квартире полковника. Она была предложена Императорской Семье на должность учительницы русского языка и математики, и эти обязаннос-

ти выполняла до отъезда Узников из Тобольска. Также часто находилась в доме Корнилова, тесно общалась с семьей Боткиных.

Совместно с лицами светского персонала проживала их личная прислуга. Так, с Гендриковой А.В. проживали гувернантка Николаева Валентина Владимировна и прислуга Межанц Паулина, со Шнейдер Е.А. - ее прислуга Екатерина Живая и Мария, с Гиббсом С.И. - его служанка, «беззубая» Анфиса (Физа). В доме был размещен и персонал, обслуживающий Царскую Семью.

Седнёв Иван Дмитриевич (1886 - 1918) - из крестьян, унтер-офицер гвардейского экипажа, проходил службу на Императорской яхте «Штандарт», лакей Детей Николая II и официант Их Величеств. На службу в Царскую семью он попал по рекомендации своего друга Нагорного К.Г., матроса «Штандарта». Седнёв И.Д. был лакеем Великих Княжон, являясь не только помощником, но и телохранителем Царских Детей, везде сопровождая их. За безупречную службу имел множество наград. Вместе с ним в Тобольск приехал его племянник, Седнёв Леонид Иванович (1903-1942). По просьбе своего брата забрать Леонида в Петроград и «пристроить хоть куда-нибудь», Иван Дмитриевич смог устроить племянника помощником повара в Царском Селе. Кроме работы на кухне Леонид (фото 7), почти ровесник Сына Николая II, стал его другом по играм.

Волков Алексей Андреевич (1859-1929) - камердинер Императрицы Александры Фёдоровны (фото 8). В Тобольск приехал с семьей. По поручению Императорской Семьи осматривал дом в Иоанно-Введенском монастыре, в который предполагалось переселить Семью.

6

Трупп Алексей Егорович (Трупп Алоиз Лаурс) (1856-1918) - латыш, католик, на службе во дворце был с 1883 года, лакей 1 разряда при комнатах Её Императорского Величества. Был очень скромным и добросовестным человеком, не уехал из Тобольска, когда была такая возможность.

Харитонов Иван Михайлович (1870-1918) - повар Семьи Николая II. Его отец, чиновник, получивший за заслуги личное дворянство, в 12 лет определил старшего сына на кухню. Поварское искусство он совершенствовал в Париже и хорошо знал французский язык. В Тобольске был старшим среди 10 человек, приставленных к кухне. В ссылку с ним приехали его жена и дочь.

В сентябре 1917 года в качестве комиссара в Отряд особого назначения прибыл Панкратов Василий Семенович (1864-1925) со своим помощником Никольским Александром Владимировичем, проживали в доме Корниловых. У вновь прибывших за плечами был революционный опыт, оба отбывали ссылку в Якутске. Полковник Кобылинский дал им такие характеристики: «Панкратов был человек умный, развитой, замечательно мягкий. Никольский - грубый, бывший семинарист, лишенный воспитания человек, упрямый как бык». Учитель французского языка, Пьер Жильяр, о них вспоминал: «Оба они (Панкратов и Никольский) были главными распорядителями нашей жизни и им подчинялся полковник Кобылинский... Они принесли нам вред бессознательно: своим обращением с нашими стрелками они их разложили».

До приезда комиссара с помощником прислуга и светский персонал пользовались относительно свободой.

7

Из воспоминаний Пьера Жильяра: «Лица из свиты и прислуга пользовались здесь большей свободой, чем в Царском Селе, по крайней мере, первое время и могли ходить свободно в город или ближайшие окрестности». С приездом Панкратова и Никольского все изменилось. Прислуге было разрешено ходить с охраной только в течение часа. Жильяр и Гиббс, как иностранные подданные, пользовались большей свободой. Дочь доктора Боткина вспоминает, что «жизнь свиты была точно регламентирована солдатским Советом, только врачи, согласно статусу, введенному в Царском Селе, имели относительную свободу. Отец и доктор Деревенко получили разрешение обеспечивать врачебной помощью население Тобольска; таким образом, они свободно выходили и входили. Отец со страстью отдался этой задаче, и от двух до трех часов лестницы дома Корнилова были переполнены. Отец проводил прием пациентов, большей частью крестьян и мелких лавочников; потом он до ужина пропадал в городе, делая визиты на дому у других пациентов - лежачих. Он не пропускал ни одного дома, самого скромного и отдаленного, и не отказывался даже зимой, когда было очень холодно».

С приходом к власти большевиков в Отряде особого назначения обострились отношения между Панкратовым и солдатами, проникшими большевистскими идеями. В январе 1918 г. Панкратов написал заявление в комитет Отряда об уходе, из его книги известно, что «24 января последний раз видел царя», сам же прожил в Тобольске еще до 26 февраля.

К весне 1918 г. возникли большие трудности с финансовым обеспечением ссыльных и, по воспоминаниям камердинера Императрицы Волкова А.А., «решили сократить штат служащих. Отпустили нескольких служащих, уплатив им жалованье за 2 месяца и прогоны. На третий день кое-кто из служащих уехали. Другие некоторое время еще оставались в Тобольске». Двенадцатого апреля в Отряд пришло распоряжение, подписанное Янкелем Свердловым: «Долгорукова, Татищева, Гендрикову и Шнейдер считать также арестованными». В город прибыл представитель власти большевиков Павел Матвеев. Дочь Боткина сообщает: «Первое его распоряжение - вся свита должна была жить в одном доме с Царской семьей, то есть генералы Татищев и Долгоруков, учитель английского

языка Гиббс, Настенька Гендрикова, госпожа Шнейдер и две горничные. «Дом Свободы» не был достаточно обширным, чтобы разместить всех этих людей. Нужно было дополнительно поставить перегородки, и генералы должны были соединиться в одной комнате, что их холостяцким привычкам было противопоказано. Гиббс, со своей стороны, отказывался переезжать, пока ему не предоставят отдельной комнаты. Он получил в конце концов то, что хотел: специально для него была сооружена деревянная пристройка к дому». В дневнике Пьера Жильяра записано: «Суббота 13 апреля. - Все жившие в доме Корнилова: графиня Гендрикова, г-жа Шнейдер, генерал Татищев, князь Долгоруков и мистер Гиббс переехали к нам. Только доктора Боткин и Деревенко оставлены на свободе».

Также в доме должны были проживать и другие лица из прислуги, некоторые с семьями, прибывшие в Тобольск с Императорской семьей; помощник камердинера - Макаров Степан, лакей Наследника - Иванов Сергей Иванович, лакеи - Тютин, Дормидонтов, Киселев, Гусев Ермолай, официант Журавский Франц, повара - Кокичев, Верещагин Иван, служители - Карпов Михаил, Смирнов, кухонные служители - Михайлов Сергей, Пурковский Франц, Терехов, писец Кирпичников Александр, парикмахер Дмитриев Алексей Николаевич, гардеробщик Ступель, заведующий погребом Рожков.

Все прибывшие в ссылку из окружения Романовых старались облегчить их положение, даже те, кто не был допущен. Они пользовались полной свободой, помогали переправлять письма и подарки в оба конца через почту и своих знакомых.

Фамилии проживавших в доме солдат Отряда особого назначения неизвестны. В этом же доме несколько дней провел и комиссар Яковлев В.В., прибывший 22 апреля 1918 г. с вооруженным отрядом и приказом о перемещении Царской Семьи из Тобольска.

Судьба бывших обитателей дома Корниловых сложилась по-разному. Светский персонал и часть прислуги вместе с Царской семьей выехали в Екатеринбург, но там их разделили. Гофмаршала князя Долгорукова В.А., генерал-адъютанта Татищева И.Л., камердинера Волкова А.А., графиню Гендрикову А.В. и гофлектриссу Шнейдер Е.А. прямо на вокзале арестовали и увезли в тюрьму. В июне князь и генерал под предлогом, что их освобождают, были отведены за Ива-

новское кладбище и там расстреляны, тела их бросили, даже не зарыли. Камердинер, графиня и гофлектрисса были вывезены в Пермь. Сентябрьской ночью женщин расстреляли на ассенизационных полях, камердинеру удалось бежать, когда их повели на расстрел. Сорок дней он скрывался по лесам, затем пробрался к своим в Тобольск. Как свидетель принимал участие в расследовании гибели Царской Семьи, впоследствии написал воспоминания «Около царской семьи», вышедшие в Париже в 1928 г. После прихода белых войск, трупы женщины были найдены, причем тело Гендриковой А.В. оказалось нетленным.

Матросы Нагорный и Седнёв, находившиеся вместе с Императорской семьей в Ипатьевском доме, не могли терпеть хамства охранников, часто с ними ссорились, и по этой причине 27 мая были арестованы, а спустя несколько дней расстреляны. Поваренок Леонид Седнёв за сутки до убийства был отправлен из Ипатьевского дома, но в 1942 г. расстрелян.

Доктор Боткин Е.С., лакей Трупп А.Е. и повар Харитонов И.М. погибли вместе с Царской семьей в Ипатьевском доме. Дети доктора, Татьяна и Глеб, длительное время не могли поверить в смерть отца. Чтобы обеспечить свое существование, Татьяна Евгеньевна устроилась учительницей французского языка младших классов Мариинской гимназии. Одна из ее учениц Лиза Будишева предложила переехать к ним в дом, чем Боткины и воспользовались. Спустя некоторое время, в Тобольске Татьяна Евгеньевна вышла замуж за Константина Мельника, офицера Белой армии, впоследствии они уехали через Владивосток в эмиграцию. Написала книгу «Воспоминания о Царской Семье».

По прибытии в Екатеринбург В.Н. Деревенко, как и часть свиты, был оставлен под охраной в поезде, после допроса выпущен на свободу. Он - единственный из окружения Семьи, кто мог посещать Ипатьевский дом. После окончания Гражданской войны успешно занимался своей деятельностью в Советской России.

В Екатеринбурге приближенные Гиббс, баронесса Буксгевден, Жильяр, няня Теглева и Эрсберг прожили около десяти дней и каждый день ходили к дому Ипатьева. Затем их отправили в Тюмень. После прихода белых войск Гиббс и Жильяр вернулись в Екатеринбург, активно помогали следователю Соколову.

Английский подданный Сидней Гиббс в 1928 г. в Харбине перешел в

Православие, приняв имя Алексей, в честь Наследника, а в 1935 г. принял монашество с именем Николай. В 1946 г. Архимандрит Николай освятил в Оксфорде храм в честь святителя Николая Чудотворца. В нем он разместил свои святыни: привезенные из России ботинки Николая II, которые вез из Тобольска и не смог передать в Екатеринбурге Императору, иконы, подаренные ему и спасенные из Ипатьевского дома и другие реликвии. Умер, когда ему было 87 лет.

Баронесса Буксгевден покинула страну, написала воспоминания, жизнь ее закончилась в эмиграции.

До 1919 года Битнер К.М. оставалась в Тобольске, вышла замуж за полковника Кобылинского Е.С. и работала учительницей французского языка старших классов Мариинской женской гимназии. После окончания гражданской войны и некоторых мытарств они поселились в г. Рыбинске, в дальнейшем подверглись репрессиям, в 1927 г. был расстрелян полковник Кобылинский, в 1937 г. - его жена.

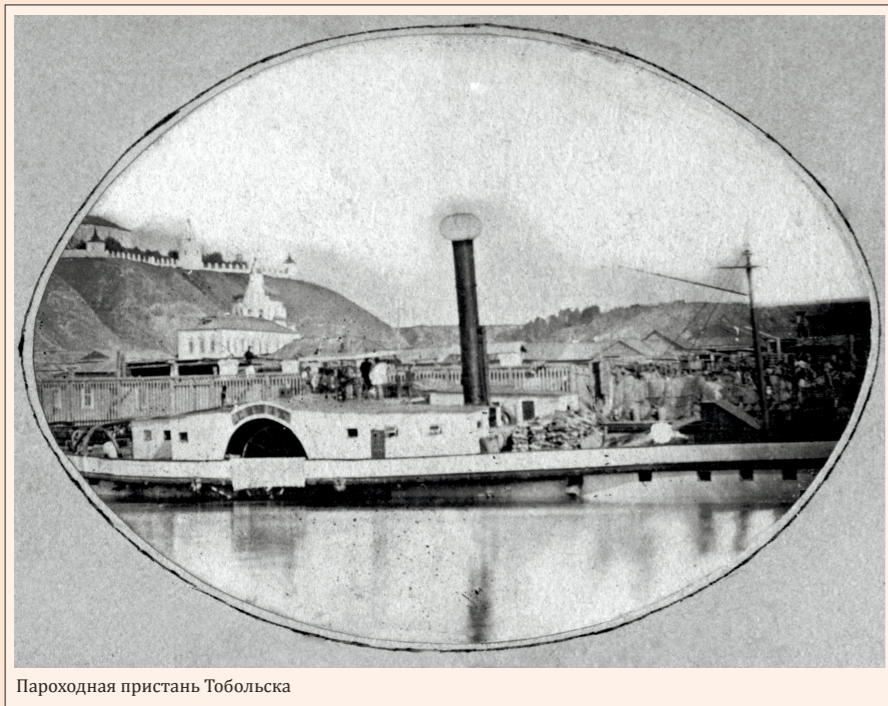
После отъезда свиты дом Корниловых не пустовал, во всех освобожденных комнатах расквартировались латыши, которые были предоставлены в распоряжение Павла Хохрякова, комиссара из Тобольска. По воспоминаниям дочери Боткина, «приличными людьми в нашем окружении были наш сосед Зима и комиссар Матвеев».

В 1981 году все жертвы екатеринбургского убийства были канонизированы Русской Православной Церковью за рубежом. Наряду с семьей Николая II тогда же были канонизированы находившиеся при ней и погибшие слуги, в том числе не только католик Алоизий Трупп, но и лютеранка гофлектрисса Е.А. Шнейдер.

8

Провинциальное радушие ссылочного края

Пароходная пристань Тобольска

Отречение от престола Императора Николая II и последовавшая за этим отправка Его вместе с Супругой и Детями в Тобольск является важным событием сибирской истории, которое продолжает вызывать не только интерес, но и многочисленные споры как специалистов, так и обывателей.

Не претендуя на полноту освещения всех фактов ссылки и пребывания, хотелось бы отдельно остановиться на таком моменте как отношение местного населения к Императорской Семье. Следует отметить, что данная проблема в научной литературе освещалась лишь попутно, когда не производилось сопоставления разных видов источников.

Например, несколько слов о положении Царской Семьи в Тобольске написал Н.А. Соколов, который отмечал, что население участливо относилось к заключенным. «Когда народ, проходя мимо дома, видел кого-либо в окнах, он снимал шапки. Многие крестили узников. Разные лица присылали провизию. Большое участие в жизни Семьи принимал Ивановский женский монастырь. В Тобольске было спокойнее, чем в Царском. Но это было... сибирское спокойствие. Все здесь было однообразно. Необходимо уточнить, что Н.А. Соколов являлся следователем по особо важным делам Омского окружного суда и зани-

мался в 1919 г. расследованием гибели Царской Семьи. Приведенная им характеристика построена на обобщении свидетельских показаний (прежде всего, со слов приближенных к Семье – полковник Е.С. Кобылинский, П. Жильяр, А.А. Волков и пр.), а поскольку эта тема не являлась главной на допросах, то и сведения о ней скупы и однообразны.

Информация, приведенная Н.А. Соколовым, многократно воспроизводилась в публикациях, однако, ее вполне можно дополнить данными целого ряда источников. Кроме материалов следственного дела ценные сведения практически о каждом дне тобольской ссылки можно получить из дневниковых записей Николая Александровича, Его Супруги Александры Федоровны, а также комнатной девушки Императрицы А.С. Демидовой. Важными, но очень субъективными источниками являются воспоминания, написанные очевидцами спустя многие годы после этих событий. Свою деятельность на посту ко-

И.В. Балюнов, к. и. н.,
главный научный сотрудник

миссара Временного правительства в Тобольске описал В.С. Панкратов, занимавшийся надзором за Царской Семьей. Ряд свидетельств оставил П. Жильяр, обучавший Детей Николая II французскому языку и камердинер Императрицы А.А. Волков. Данные вышеназванных источников хорошо дополняют средства массовой информации того времени, например, тобольская газета «Сибирский листок» и некоторые петроградские издания.

Достаточно показательна тему иллюстрирует обстановка, в которой состоялось прибытие Царской Семьи в Тобольск. Бывший Император в своих дневниках 6-го августа достаточно скупно отмечает: «На берегу стояло много народа, – значит, знали о нашем прибытии», и на следующий день добавляет: «Толпа продолжала стоять на шлюпочной пристани, ноги в воде, и убегала под крышу только тогда, когда шёл дождь». Более детальную информацию можно узнать из газеты «Сибирский листок», которая сообщает 13 августа, что чуть ли не весь Тобольск побывал в эти дни у пристани, хотя в заметке от 8 августа обозначено: «...публика состояла в большинстве из молодежи и обычных фланеров...».

Следует отметить, что Губернаторский дом, предназначенный для проживания Царской Семьи, не был готов, поэтому Она неделю обитала на пароходе, старательно прячась от любопытствующих взглядов. В «Новом времени» сообщалось: «...Сколько они ни толклись около пристани, у которых стоял пароход «Русь» с этой семьей, сколько они ни посещали с этой целью приходящие и останавливающиеся рядом с пристанью другие пароходы, заказывая себе чай и даже ужины и занимая столики в общих каютах-салонах, они не могли ни разу увидеть кого-либо из этой семьи». В «Сибирском листке» описывается старушка, которая, по её словам, была растрогана до слез тем, что «удостоилась» увидеть всех «их» в окне каюты. Вместе с тем звучали реплики: «...Дорого нам обойдется это развле-

чение, вот уж яйца стали 1 рубль десяток, а там глядишь, и все прочее вздорожает!». Эти данные можно дополнить записями А.С. Демидовой от 9-го августа: «И сегодня стоим на Иртыше – всё на том же месте: у пристани. Утром ходила в город. Смотрела меховые вещи из оленьей шкуры и валенки. Валенки из оленьей шкуры страшно дорогие, 40 рублей, а меховые пальто с шапкой (в одно) 200 рублей. За всё здесь запрашивают невероятные цены. Уже стали повышать цены на съестные припасы, зная, кто сюда приехал». Забегая вперед, можно привести слова комиссара В.С. Панкратова, который пишет, что местные жители «стали жаловаться на непомерную скупку продуктов обитателями губернаторского дома».

Переезд в дом состоялся 13 августа во время ранней церковной службы, что позволило избежать скопления публики, однако позже вокруг дома появились группы любопытных. Как сообщалось в «Новом времени», тоболяки «только и ищут случая, как бы увидеть кого из этой семьи, потому что буквально изнывают от любопытства, не выдвигая никого из семьи со времени ее приезда». В показаниях Е.С. Кобылинского есть такие свидетельства: «Когда Семья следовала на жительство в Губернаторский дом, чувствовалось, что население хорошо относится к ней. Оно, видимо, боялось открыто тогда проявлять свои симпатии и делало это тайно». В.С. Панкратов пишет, что никакого паломничества со стороны горожан «с коленапреклонениями и без оных никогда не происходило. Все, что можно было заметить и наблюдать, так это простое любопытство, и то в ближайшие месяцы, и вздохи сожаления, нередко с нелестным упоминанием «Гришки Распутина». Напротив, П. Жильяр отмечает: «Вообще, жители Тобольска оставались очень привязаны к Царской Семье, и нашим стражам пришлось много раз не допускать стоять народу под окнами и не позволять снимать шапки и креститься при проходе мимо дома». Капитан С.В. Аксюта (один из руководителей охраны) в газетной заметке сообщает: «...Я приехал в Тобольск 18 сентября и до сих пор ни разу не видел никакой толпы около дома, да никаких толп и не собиралось». И ниже он добавляет: «Настроение населения гор. Тобольска не внушает никаких опасений. Никаких монархических движений, агитаций не слышно, а если бы таковые появились, то будут подавлены самим же отрядом. Никаких демонстра-

ций и даже попыток к ним не было». Тут можно повторить слова В.С. Панкратова о любопытстве горожан «в ближайшие месяцы», и добавить, что до наступления холодов любопытство местных жителей «находило себе удовлетворение в том, что они могли видеть бывшую царскую семью на балконе». Как пишется в «Новом времени» от 17 сентября, «...Публика привыкла уже к этому белому дому, и только поворачивает голову, проходя по другой стороне, видя обычную картину. Есть любопытные, но их уже меньше».

Весьма показателен случай, когда состоялось первое посещение Царской Семьей Благовещенской церкви, стоящей рядом с Губернаторским домом. Бывший Император 8 сентября отмечает в своем дневнике: «...удовольствие было испорчено для меня той дурацкой обстановкой, при которой совершалось наше шествие туда. Вдоль дорожки городского сада, где никого не было, стояли стрелки, а у самой церкви была большая толпа! Это меня глубоко извело». Похожие чувства испытала и Александра Федоровна, которая писала: «Солдаты расставлены на всем пути, толпа там, где переходили улицы. Очень неприятно...». Как следует из слов В.С. Панкратова, «...здесь стояла двойная цепь солдат, а за этими цепями – любопытные тоболяки и тоболячки. Первые молчаливо провожали глазами своих бывших повелителей. Тоболячки же громко оценивали наружность, костюмы, походки». Нескольким иначе это описано в «Новом времени»: «... Вся процессия шла беглым шагом, низко опустив головы, торпливо оглядываясь только временем по сторонам, как будто тревожимая столпившейся публикой, которая хранила мертвую тишину». Характеризуя посещение храма, П. Жильяр пишет: «...На пути туда или обратно мне часто случалось видеть людей, которые крестились или падали на колени при проходе Их Величеств». А.С. Демидова кратко отмечает: «На возвратном пути из церкви собралась толпа - держали себя чинно».

Бывший Император в своем дневнике назвал В.С. Панкратова «цензором нашей переписки», капитан Аксюта также отмечал: «Вся переписка проходит через руки комиссара». Как

писал он сам, просмотр корреспонденции являлся обязанностью неприятной и даже противной, поскольку поступали послания грязного и оскорбительного содержания, поступали письма с угрозами. «Все это были анонимки от разных лиц. Многие письма были местного производства». Доказать или опровергнуть последний тезис не представляется возможным. Если верить В.С. Панкратову, эти послания не доходили до адресатов, большая часть, после просмотра, летела в печку, некоторые были переданы начальнику охраны полковнику Е.С. Кобылинскому. Тот, в свою очередь, прямо об этом не свидетельствовал, но известны его слова: «Вот, когда живешь и имеешь постоянное общение с этой Семьей, тогда, бывало, понимаешь, как пошло и подло обливали эту Семью грязью».

Можно встретить неоднократные упоминания, что в городе ходили разного рода слухи (о хранящихся в доме драгоценностях, о готовившемся побеге и пр.), которые «будоражили население, особенно ту часть его, которая была настроена враждебно». Тобольский городской голова в 1919 г. сообщал: «Среди городского населения возникали только слухи о якобы готовящихся заговорах. Слухи эти доходили и до меня. Особенно слухи усилились в начале 1918 г. (кажется, в январе и феврале). В конце зимы 1918 г. в городе действительно стало неспокойно. Основной причиной этого было поведение солдат, состоящих в охране дома, которые разделились на три враждующих части и вступали в конфликт не только друг с другом, но и с ссылочными. Эти беспокойные дни завершились отправкой Романовых в Екатеринбург. Как сообщал «Сибирский листок» от 22 апреля 1918 г., «Увозили ночью, все было тихо и спокойно, присущие Тобольску покой и тишина никем не были нарушены».

Улица Свободы

Пребывание Семьи Императора Николая II в Tobольске.

События и факты

Даты указаны как по Григорианскому, так и по Юлианскому календарям – новый стиль (старый стиль)

- 19 (6) августа 1917 г. – прибытие Семьи Императора Николая II в Tobольск. Предназначенный для Их проживания Дом губернатора не подготовлен для заселения, Семья живет на пароходе.
- 21 (8) августа 1917 г. – прогулка на пароходе по р. Иртыш до Чувашского мыса.
- 24 (11) августа 1917 г. – прогулка на пароходе по р. Tobол.
- 25 (12) августа 1917 г. – прогулка по р. Иртыш до Сузгунской сопки.
- 13 (26) августа 1917 г. – Семья заселяется в Дом губернатора, часть свиты и прислуга – в Дом Корнилова.
- 31 (18) августа 1917 г. – в Tobольск прибыла М.С. Хитрово, к Семье ее не допустили и после обыска выдворили из города. Это событие стало одним из источников слухов о монархическом заговоре, якобы существовавшем в Tobольске.
- 14 (1) сентября 1917 г. – в Tobольск для надзора за Семьей приезжает комиссар Временного правительства В.С. Панкратов.
- 8 (21) сентября 1917 г. – состоялось первое посещение Семьей Благовещенской церкви.
- 7 января 1918 г.
(25 декабря 1917 г.) – молебен пред Абалакской иконой Божией Матери, привезённой накануне из монастыря. Во время службы диакон провозгласил многолетие (молитва о продлении дней Императорской Фамилии), это возмутило солдат охраны, Семье на два месяца было запрещено посещать храм.
- 8 февраля
(26 января) 1918 г. – решением отрядного комитета солдат охраны В.С. Панкратов отстранен от занимаемой должности.

- 1 марта
(16 февраля) 1918 г. – использование личных капиталов Семьи ограничено выдачей 600 рублей ежемесячно на человека. Это повлекло сокращение рациона и увольнение части прислуги.
- 3 марта
(18 февраля) 1918 г. – состоялись домашние спектакли, в том числе комедия-шутка «Медведь» с участием Императора.
- 20 (7) марта 1918 г. – после двухмесячного перерыва, произошло посещение Благовещенской церкви к Литургии Преждеосвященных Даров.
- 26 (13) марта 1918 г. – в Tobольск из Омска прибыл отряд Красной гвардии.
- 9 апреля
(27 марта) 1918 г. – в Tobольске провозглашена Советская власть. Первым председателем исполкома стал балтийский матрос П.Д. Хохряков.
- 12 апреля
(30 марта) 1918 г. – было объявлено, что Царская Семья считается арестованной; началось переселение свиты, живущей в Доме Корнилова, в Губернаторский дом.
- 14 (1) апреля 1918 г. – отрядный комитет постановил о запрете выхода в город членов Царской свиты.
- 15 (2) апреля 1918 г. – комиссия из офицеров и двух солдат в результате осмотра дома изъяла у членов свиты две шашки, а у Николая Александровича – кинжал.
- 21 (8) апреля 1918 г. – пришло подтверждение постановления отрядного комитета о снятии погон с Цесаревича Алексея и Николая Александровича.
- 22 (9) апреля 1918 г. – в Tobольск прибыл комиссар В.В. Яковлев (Мячин), уполномоченный вывезти Царскую Семью из Tobольска.
- 26 (13) апреля 1918 г. – комиссар В.В. Яковлев вывозит из Tobольска Николая Александровича, Александру Федоровну и Великую Княжну Марию Николаевну.
- 20 (7) мая 1918 г. – отъезд из Tobольска Цесаревича Алексея и Великих Княжон Ольги, Татьяны, Анастасии.

Рождество Христово. Романовы. Тобольск

Большая зала. Губернаторский дом. 1917 г.

Новый год и Рождество - одни из самых любимых праздников для большинства жителей нашей страны. В предновогодние дни городские улицы украшаются миллионами праздничных огней и множеством световых инсталляций – все это создает сказочную и волшебную атмосферу.

На Руси с незапамятных времен существовала традиция празднования Рождества и Нового года. Общеизвестно, что по указу Петра I в декабре 1699 г. произошел перенос начала календарного года с 1 сентября на 1 января, тогда древнеславянский календарь заменил юлианский. Петр I велел украшать дома по немецкому образцу – хвойными ветками, сделав, тем самым шаг к уже привычной для нас сегодня новогодней ели, к массовым гуляниям в череде новогоднего веселья.

В России всегда праздновалось Рождество, поэтому Петровская традиция украшать дома на Новый год первоначально не прижилась. В частности, ставить елку в канун Рождества начали благодаря супруге Великого Князя Николая Павловича – Александре Федоровне, которая будучи немецкой принцессой была с детства знакома с традицией укра-

шения рождественских елей, существовавшей в Германии с конца XVIII в. Рождественские праздники начинались со всенощной службы в храмах, продолжались детскими хороводами вокруг ели, заканчивались всеобщим весельем и народными гуляниями.

Сформировавшиеся рождественские традиции в Царской России мало менялись со временем, но от этого они не становились менее долгожданными как для детей, так и для взрослых.

В Семье Императора Николая II рождественские праздничные мероприятия также традиционно начинались с молебна, на который собиралась вся Семья.

В сохранившихся дневниковых записях прослеживаются упоминания о праздничных рождественских днях. Например, из записей Николая II 24 декабря 1895 г.: «В 6 ½ пошли ко всенощной и затем была общая Елка в Белой комнате... Получил массу подарков от

З.А. Бакиева,
экскурсовод

дорогой Мама и от всех заграничных родственников». Затем 25 декабря: «В 3 ч. поехали в придворный манеж на Елку Конвоя и Сводного батальона. Как всегда были песни, пляски и балалайки. После чая зажгли маленькую елку для дочки и рядом другую для всех женщин, Аликс и детской». 26 декабря «В 2 ½ ч. отправились в манеж на Елку второй половины Конвоя и Сводного батальона. После раздачи подарков смотрели опять на лезгинку и пляску солдат».

В марте 1917 г. Николай II был вынужден подписать отречение от престола, Временное правительство принимает решение отправить Семью в город Тобольск.

В тобольской ссылке Семья стремилась сохранять прежний уклад, что касалось и Рождества, к которому готовились заранее. На протяжении декабря репетировали пьесы на французском и английском языках, даже сцена была обустроена в зале из ширм и разной мебели. Александра Федоровна изготавливала закладки в подарок солдатам, а приближенным вязала жилеты, Николай Александрович по вечерам читал вслух И.С. Тургенева («Накануне», «Дым»). В преддверии Рождества Глава Семьи вместе с Детями во дворе соорудил снежную горку, одно из развлечений у Детей в зимний период ссылки.

По старому стилю Рождество праздновали 25 декабря, а накануне, 24 декабря, украсили елку, на которую были приглашены близкие, последовавшие за Ними в ссылку.

В дневниках Николая Александровича упоминается об этих праздничных днях: «Утром сидел полчаса у дантистки. В 12 часов была отслужена в зале обедница. До прогулки готовили подарки для всех и устроили елки. Во время чая - до 5 час. - пошли с Аликс в караульное помеще-

Ольга Николаевна катает на санках Цесаревича Алексея во дворе Дома губернатора. Тобольск. 1917 г.

ние и устроили ёлку для 1-го взвода 4-го полка. Посидели со стрелками со всеми сменами до 5 ½ час. После обеда была ёлка свете и всем людям, а мы получили свою до 8 час. Всенощная была очень поздно, началась в 10 ½, так как батюшка не успел прийти из-за службы в церкви. Свободные стрелки присутствовали». 24 декабря 1917 г.

В письме своей подруге Маргарите Хитрово Великая Княжна Ольга описывает рождественскую елку, которую Они украшали в Доме Свободы: «Здравствуй, Ритка милая! Вот уже и Праздники. У нас стоит в углу залы елка и издает чудный запах, совсем не такой, как в Царском. Это какой-то особый сорт и называется «бальзамическая елка». Пахнет сильно апельсином и мандарином и по стволу течет все время смола. Украшений нет, а только серебряный дождь и восковые свечи, конечно, церковные, т.к. других здесь нет». Тобольск 26 декабря 1917 г.

Обращают на себя внимание ассоциации Великой Княжны Ольги, вызванные ароматом ели: «Пахнет сильно апельсином и мандарином...». Скорее, они были вызваны воспоминаниями о прежних празднованиях Рождества, ведь набор стандартного подарка в XIX в. обязательно включал в себя пару мандаринов.

Сохранились воспоминания не только Николая Александровича и Ольги Николаевны о рождественских днях в Тобольске, но и Пьера Жильяра: «Так мы дожили до Рождества. Государыня и Великие Княжны в течение долгого времени собственноручно готовили по подарку для каждого из нас и из прислуги. Ее Величество раздала несколько шер-

стяных жилетов, которые сама связала: она старалась таким образом выразить трогательным вниманием свою благодарность тем, кто остался им верен. 24 декабря старого стиля священник пришел служить всенощную на дом: все собрались затем в большой зал, и детям доставило большую радость преподнести предназначенные нам «сюрпризы». Мы чувствовали, что представляем из себя большую семью; все старались забыть переживаемые горести и заботы, чтобы иметь возможность без задних мыслей, в полном сердечном общении, наслаждаться этими минутами спокойствия и духовной близости».

В рождественскую ночь было совершено торжественное богослужение, после которого отслужен молебен иконе Абалакской Божией Матери,

привезенной накануне из Абалакского Знаменского мужского монастыря. Днем Дети занимались рисованием и чтением, а Николай Александрович занимался физическим трудом – убирал снег.

Для солдат «в караулке» Николай II с Семьей устроили отдельную елку. А солдатам 1-го взвода 4-го полка, обеспечивавшим надзор за Семьей, чтобы Они не покидали территорию Дома Свободы, Царская Семья вручила подарки. Это были Евангелие с закладками, расписанными вручную Императрицей.

Семья Николая Александровича отличалась преданностью и верностью друг другу, и светлый праздник Рождества Они всегда стремились отмечать вместе, в тесном семейном кругу, Рождество в Тобольске не стало исключением. Сохранившиеся дневниковые записи, письма повествуют о многом, в том числе и последнем Рождестве в Сибири, которое Они отпраздновали скромно, по-простому, без царского размаха, но в атмосфере душевной теплоты.

Открытки поздравительные «С Рождеством Христовым». Конец XIX - начало XX вв.

Последний царский святой

(к истории канонизации митрополита Иоанна Максимовича)

Последним царским святым называют Святителя Иоанна (Максимовича, 1651-1715), митрополита Tobольского и Сибирского (1711-1715). Действительно, митрополит Иоанн (Максимович) был последним святым, прославленным Русской Православной Церковью в годы существования в России Императорской власти.

История начальной канонизации святых в Русской Церкви делится на ряд периодов: 1) XI в. - 1547 г.; 2) Соборы 1547-го и 1549 гг.; 3) 1550 - 1721 гг.; 4) 1721-1894 гг.; 5) 1894-1917 гг. В первые три периода к лику святых было причислено свыше 70-ти праведников (общецерковного почитания), еще больше - местночтимых. В 1721-1917 гг. в России действует один из высших государственных органов - Святейший Правительствующий Синод. Канонизация святых в синодальный период испытала глубокий упадок в XVIII в., возрождение в XIX в. и явный подъём в конце XIX - начале XX в. Высшим проявлением подъёма стало торжественное прославление прп. Серафима Саровского летом 1903 г. Гроб с честными мощами угодника Божия несли вместе Император Николай II, великие князья, архиереи в окружении многих тысяч людей, собравшихся со всей России.

Именно в царствование Императора Николая II наметился перелом в вопросах канонизации, что было связано, прежде всего, с личным благочестием Государя и его искренним желанием возродить союз православной Церкви и православного самодержавного государства на основах «допетровской Руси».

Глубокая религиозность Семьи Николая II известна, но не всем известна роль Государя в прославлении рос-

сийских святых. А ведь за годы Царствования Императора Николая II было канонизировано семь святых. Знаменательно, что первым в это время был прославлен святитель Феодосий (Углицкий) - предместник Святителя Иоанна на Черниговской кафедре, прижизненный и посмертный его благодетель. Многочисленные случаи исцелений от нетленных мощей Святителя Феодосия, его общенародное почитание, обратили на себя внимание даже гражданских властей. В 1889 году Святейший Синод, по представлению губернатора в адрес Императора, разрешил обследование мощей и чудесных случаев исцеления. Торжественное обретение и перенесение мощей Святителя Феодосия (Углицкого) состоялось в 1896 году.

Необходимо признать, что многие прославления в годы последнего Царствования состоялись, в земном смысле, исключительно благодаря личной настойчивости Царя-Мученика. Митрополит Антоний (Храповицкий), например, вспоминал, «как в одном из заседаний Св. Синода один из иерархов заметил, что нельзя же до бесконечности продолжать прославление святых».

Вопрос о канонизации святителя Иоанна поднимали в разные годы Tobольские Преосвященные: Антоний (Ка-

Г.В. Лепова,
главный библиотекарь

ржавин), Евсевий (Гроздов), Алексей (Молчанов), Варнава (Накропин). Прслеживается особое участие Царской Семьи Николая II в деле канонизации Святителя Иоанна на всем протяжении решения этого вопроса.

В 1912 году, по благословению духовных властей, в Tobольском храме Архангела Михаила началось чтения жизнеописания митрополита Иоанна, знакомство с его творениями. Храм, по свидетельству очевидцев, не мог вместить всех желающих. На первом чтении протоиерей кафедрального собора Димитрий Смирнов озвучил заветное желание священнослужителей и паствы: «Как было бы радостно, если бы мы, почитатели Святителя Иоанна, в торжественный день (200-летия со дня блаженной кончины) смогли бы воспеть Святителю не «вечную память», а «величаем тя, Святителю отче Иоанне...».

В 1913 году в Tobольске была создана Комиссия для разработки вопроса об ознаменовании особым празднеством предстоящего 10 июня 2015 года двухсотлетия со дня блаженной кончины митрополита Иоанна (Максимовича).

В комиссию вошли: гражданский губернатор А.А. Станкевич, вице-губернатор Н.И. Гаврилов, городской голова С.М. Трусов, некоторые уважаемые граждане города; конечно, отец ректор семинарии и некоторые старшие преподаватели, протоиерей А.И. Юрьевский, смотритель духовного училища А.А. Городков, протоиерей Д. Смирнов и весь причт кафедрального собора, секретарь духовной консистории Я.П. Афанасьев, директор народных училищ Г.Я. Маляревский. Приглашались другие лица, желающие поработать в этом направлении. Председателем Комиссии был избран протоиерей Димитрий Смирнов, в ту пору Председатель Совета Братства им. Д. Солунского. Первоначально, мнения членов комиссии по поводу прославления митрополита Иоанна разошлись в сроках, одни стремились успеть к юбилею, другие настаивали на тщательной подготовке, ссылаясь на отсутствие полного исторического жизнеописания Святителя и недоста-

точное обследование записей его чудес, совершавшихся по молитвам его.

Для детального изучения вопроса, собравшихся на первое заседание разделили на подкомиссии: 1) для составления жизнеописания митрополита Иоанна и собирания вещественных памятников, оставшихся после него (председатель - Н.А. Бирюков, преподаватель семинарии); 2) по собиранию записей и обследованию чудесных исцелений, совершавшихся по молитвам митрополита Иоанна (председатель - Н. Грифцев, кафедральный протоиерей); 3) по составлению общей программы чествования двухсотлетия со дня кончины митрополита Иоанна 10 июня 2015 г. в Tobольске, Tobольской епархии и в других местах сослужения. (председатель Д. Смирнов).

Интерес к личности митрополита Иоанна (Максимовича) проявился к середине XIX века, когда обнаружили, что выдающийся писатель Петровской эпохи, воплощение богословского начала в церковной жизни XVII - начала XVIII в., оказался в забвении.

После смерти Иоанна Tobольского (1715) память о его активной и гуманистической, в своей основе, деятельности долгие годы сохранялась в устной традиции жителей Tobольска и губернии, о чем свидетельствовал известный церковный историк и писатель-краевед протоиерей А.И. Сулоцкий. Он сам впервые прикоснулся к теме и опубликовал «Жизнь Иоанна Максимовича, митрополита Tobольского и всея Сибири» (М., 1849), затем продолжил работу в этом направлении. В 1854 году вышло 2-е исправленное и дополненное издание, где он отметил: «К сожалению, нет возможности удовлетворить вполне любопытству чтущих память святителя: современники для себя не имели нужды вести записок о его жизни и делах, преемники довольствовались рассказами стариков, а рассказы в течение 135 лет большею частью забыты. Будем же довольствоваться немногим» [Сулоцкий, 1854].

Спустя десять лет, в 1864 г., А.И. Сулоцкий вновь обращается к личности Иоанна Tobольского. К этому времени он собрал, изучил и сопоставил новые документы. Историк в 1868 г. печатает «Дополнения к биографии митрополита Tobольского Иоанна Максимовича», отмечая такой факт: «В "Страннике" напечатаны уже две биографии многочтимого по Сибири

и по всей России известного митрополита Tobольского Иоанна Максимовича: одна в майской книжке 1863 года Н.А. Абрамова, а другая — в январской 1864 года, мною составленная. Но после того в течение 5 или 6 лет открыто несколько новых материалов, которые или дополняют прежние сведения о названном архипастыре, или исправляют их. Пользуясь вновь открытыми материалами... намерен к прежним его биографическим очеркам сделать дополнения и исправления допущенных ошибок» [Сулоцкий, 2010. С.124]. Историк-краевед, А.И. Сулоцкий, изучая вновь открытые документы, сопоставляя детали, факты, даты, определяет точные годы жизни митрополита Иоанна. Изучая архивные документы Tobольской епархии, он восстановил время пребывания лиц, с которыми встречался митрополит в Москве по пути из Чернигова в Tobольск. По документам Киевской и Черниговской епархий, по воспоминаниям киевских иерархов, А. Сулоцкий уточнил время службы митрополита в Tobольской епархии.

Обращение к образу святителя Иоанна присуще и творчеству тюменского историка Н.А. Абрамова. В «Журнале Министерства народного просвещения» (1850, № 10) он опубликовал очерк об Иоанне Максимовиче, где особо подчеркнул отдельные моменты деятельности митрополита, его заботу о прихожанах, послушниках училища. Стилю Абрамова присуще и восхищение героем, который «через доверенных лиц» творил «тайную милость» в адрес городских богаделен, бедных людей, вдов и сирот, особенно духовного звания.

Наиболее ярко интерес к творчеству и практической деятельности Иоанна Максимовича проявился в изданиях конца XIX - начала XX вв. Его миссионерская деятельность, подвижнический труд оказались востребованы в масштабе страны. Задолго до канонизации вышло в свет издание «Очерк жития митрополита Tobольского и всея Сибири Иоанна Максимовича».

Героический путь подвижника вдохновил многих священников говорить и писать о нем. Протоиерей Tobольской епархии А.М. Карпинский опубликовал очерки о нем (Тюмень, 1899), где показал митрополита Иоанна «достойным преемником блаженного Феодосия Угличского», «просвещенным пастырем церкви», «проповедником, подвижником, почитателем Государя и верным Сыном Отечества» [Карпинский, 1899].

В типографии Епархиального Братства в военном 1915 году отпечатана небольшая брошюра П.В. Остроухова «Жизнеописание Святителя Христова Иоанна, митрополита Tobольского и всея Сибири». К достоинствам ее можно отнести описание трудностей архипастырского служения в условиях начала XVIII столетия в Tobольской епархии: «Тобольская епархия простиралась с юга от Кяхты до Обдорска и Колымы, и с запада — от Уральских гор до Камчатки. Огромные расстояния разделяли населенные пункты один от другого: были и такие уголки, куда не ступала еще нога человека... Умственное и нравственное состояние сибирской паствы было печально; чувствовался недостаток в просвещенных пастырях; идолопоклонство еще крепко держалось вдали от городов и церквей...». [Остроухов, 1915, 13].

Членам Комиссии хотелось иметь историческое, научно-обоснованное жизнеописание. Началось изучение уже имеющихся источников, поиск новых документов. Tobольские архивы были повреждены пожарами в XVIII веке и не содержали документов, связанных с биографическими данными. Дальнейший поиск связывали со старинными делами Сибирского приказа, они хранились в Московском архиве Министерства Юстиции. Но ряд документов нашелся ближе.

Сегодня в Научной библиотеке хранится оттиск из продолжающегося издания «Труды Императорской Киевской духовной Академии». Оттиск представляет документы, обнаруженные протоиереем А.И. Юрьевским среди рукописей Tobольского церковного древлехранилища в 1914 году. В «Трудах...» они опубликованы с его предваряющим вступительным словом «К жизнеописанию святителя Иоанна Максимовича» в 1916 году.

До публикации сведения о находке отражены в «Отчете о деятельности

1. Канонизация Святителя Иоанна в Tobольске
2. Икона. "Святитель Иоанн Митрополит Tobольский". XIX век, г. Tobольск

Архивной комиссии при Тобольском Епархиальном Братстве св. великомученика Димитрия Солунского за 1913-1914 гг.». (ТЕВ. 1915. № 8. Отдел оф. С.113-117). Здесь и подробная информация о докладах, прочитанных А.И. Юрьевским в заседаниях Архивной комиссии по теме каждого из новооткрытых архивных материалов. Публикация содержит шесть документов периода 1696-1710, 1826 гг. Первый документ – «Грамота Патриарха Адриана о посвящении Иоанна Максимовича в сан архиепископа Черниговского»; последующие четыре грамоты «Царя Петра Алексеевича архиепископу Иоанну Максимовичу» выданы по разным поводам: одна «в подтверждение и укрепление Черниговской епархии»; три других как благодарение за «прислание... книг» с перечислением ответных даров Государя. Шестой документ особый – «Секретное дело о переложении в новый гроб и перенесении на другое место останков митрополита Иоанна 1826 года». По сути, он представлен рядом документов: рапорт членов консистории и соборных священнослужителей архиепископу Тобольскому и Сибирскому Евгению по предстоящим работам на кафедральном соборе по выяснению причин трещины, проходящей близ надгробия митрополита Иоанна Максимовича; переписка архиепископа Евгения со Святейшим Правительствующим Синодом по поводу перенесения останков святителя Иоанна на другое место; полученное разрешение; «Дневная записка о перенесении гроба митрополита Иоанна Максимовича 1826 года сент. 6 дня» содержит подробнейшее описание всего процесса и рапорт архиепископа Тобольского и Сибирского Евгения в Святейший Правительствующий Синод об исполнении. Документ засвидетельствовал не только действия людей, но и их чувства, тот трепет, который вызывала необходимость перенесения останков святителя Иоанна: «Общее уважение к сему святителю и даже благоговение народа, яко к святому, приводило нас в затруднение...». (С. 18, 19). Могила митрополита Иоанна в народном почитании считалась исцеляющей сразу после его смерти в 1715 году.

Несколько слов о человеке, явившем миру столь ценные документы. Священник Александр Юрьевский состоял преподавателем епархиального женского училища, секретарём-распорядителем и главным архивариусом Архивной комиссии при Тобольском Братстве св. Димитрия Солунского, хранителем церковного музея - То-

больского церковного древлехранилища. Материалы, связанные с деятельностью ТЦДХ, печатались в «ТЕВ», затем выпускались отдельными книжками (выпусками) - «Тобольское церковное древлехранилище». Большинство статей первых 4-х выпусков написано протоиереем А. Юрьевским.

В 1913 г. епархиальный съезд духовенства и церковных старост, а также жители Тобольского края обратились с просьбой к митрополиту Варнаве и в 1914 году с ходатайством к государю Николаю II о церковном прославлении Иоанна Тобольского. Представление Святейшему Синоду Епископа Варнавы поступает в это высшее церковное учреждение в мае 1914 года. В два этапа проводилось освидетельствование честных останков митрополита Иоанна Тобольского. 13-23 октября и 22 ноября 1914 года местными силами.

В январе 1915 года епископ Варнава сделал доклад в Синоде о результатах работы комиссии, а также о зафиксированных 40 случаях благодатной помощи. Но процесс прославления затягивался. В ходе Первой мировой войны обострились внутренние противостояния деятелей Синода и правящей династии, в некоторых кругах зрели недовольства приближением к Царской семье Г.Е. Распутина и расположенность Семьи к епископу Тобольскому Варнаве. Все эти противостояния в последующие два года вылились в известные исторические события, погубившие Российскую империю. Но в 1915 году, по официально обозначенной причине, отказ связали с Первой мировой войной, и прославление в юбилейные дни Святителя не состоялось.

В ТЕВ 1915 № 23(15 июня) была опубликована телеграмма: «Император Николай II – епископу Варнаве. В день двухсотлетия кончины Святителя Митрополита Иоанна Максимовича да сольются Наши молитвы с молитвами народа Тобольского. Александра, Николай». Материал о праздновании юбилея Святителя в Тобольске, подготовленный протоиереем Григорием Тутолминым, ключарем Кафедрального собора, опубликован в ТЕВ 1915 № 30 (15 июня). Н/о. С. 448-450.

На исходе 1915 года Святейший Синод, по Высочайшему Повелению Государя, принял решение о создании комиссии для выяснения обстоятельств местного почитания, изучения чудес, освидетельствования гроба и останков святителя и предпринятых уже мероприятий ко всецерковному прославлению. В декабре 1915 года в Тобольск прибыл архиепископ Литовский Тихон

(Белавин), будущий патриарх Всея Руси. Вместе с комиссией их 3-х духовных лиц и одного светского, местного вице-губернатора, архиепископ Тихон осмотрел останки и опечатал гроб своей печатью, записал 17 новых рассказов о чудесах, которые должны были войти в житие Святителя, и представил отчет Синоду, где письменно заверил о праведной жизни митрополита, его блаженной кончине, особо отметил глубокое почитание памяти среди мирян, и о чудесных излечениях по его молитвам. «Тщательная проверка дает полное основание для Всероссийского прославления, приспел час для совершения сего светлого праздника», - заверил архиепископ Тихон.

Святейший Синод подготовил Николаю II доклад и решение, которое гласило: «Во блаженной памяти почившего Иоанна, митрополита Тобольского и Сибирского, признать в лике святых, благодатию Божией прославленных, а всечестные останки его - Святыми мощами, оставив их в гробнице, поверх земли для поклонения и чествования, притекающих к ним с молитвою, и торжественное прославление святителя Иоанна совершить 10 июня 1916 г. в день памяти». [Ордовский-Танаевский, 1993, 35].

На всеподданнейшем докладе Святейшего Синода о причислении Святителя Иоанна к лику угодников Божиих и о признании честных его останков святыми мощами Государь Император 21 января 1916 года собственноручно изволил начертать: «Приемлю предложение Святейшего Синода с умилением и тем большим чувством радости, что верю в предстательство Святителя Иоанна Максимовича в эту годину испытаний за Русь православную».

В июньские дни 1916 года в Тобольске состоялись торжества всецерковного прославления Святителя Иоанна, митрополита Тобольского и Сибирского, в 201-ю годовщину его блаженной кончины. Со всей России съехались архиереи, священники и миряне. О масштабе праздника говорит решение Совета Министров от 24 мая 1916 г.: «9, 10, 11 июня 1916 года считать днями непроступными для города Тобольска, а 10 июня того же года - непроступным днем для всей Тобольской губернии». Множество народа стремились очистить себя покаянием – так что на помощь городским священникам с 1 июня пришло епархиальное духовенство. Аналои с крестами и Евангелиями были поставлены на Соборной площади, и более 30 священников ежедневно исповедовали, служили молебны, панихиды, проповедовали пря-

мо под открытым небом. Образы сочинений Святителя Иоанна о трудностях христианского пути оказываются востребованы в условиях кризисного военного времени. Так, протоиерей Иоанн Восторгов, беседуя с народом на площади, говорит, как необходимы задушевные слова святителя «... всегда и везде, во все дни его жизни... как они поучительны и теперь, во дни войны, среди неизбежных, вызванных войной, бедствий и лишений, огорчений и скорбей» [ТЕВ, 581-553].

Паломников было больше, чем жителей города (30 тысяч). Возглавил торжества уважаемый старец, апостол Сибири, Высокопреосвященнейший митрополит Московский Макарий (Невский). На торжествах также присутствовали обер-прокурор Святейшего Синода А.Н. Волжин, множество архиереев, впоследствии пострадавших за веру Православную и прославленных в лике новомучеников. Среди них – еп. Сильвестр Омский, митр. Вениамин Петроградский, прот. Иоанн Восторгов и другие.

Митрополит Макарий Московский характеризует деятельность протоиерея Иоанна Восторгова в докладе об исполнении возложенного на себя поручения: «...много потрудился прот. Иоанн Восторгов, проповедовавший до семи раз, чаще всего на площади, в присутствии десятков тысяч богомольцев». Впоследствии были опубликованы: «Любовь загробная», «Святость», «Духовная радость русского народа», «Наука наук», «Родство святых». Воспоминания И. Восторгова «Тобольские торжества» (М., 1916) передают атмосферу праздника всецерковного прославления Святителя Иоанна, народного ликования.

После празднеств, 10 июня 1916 г., митрополит Макарий от себя и епископа Варнавы отправил в Царское Село телеграмму, отмечая, что прославление митрополита Иоанна знаменательно не только для Сибири, но и для всего русского народа: «...Мы пламенно молим Господа, сил да подает Он Вашему Императорскому Величеству... бодрость и помощь свыше на сокрушение дерзкого врага, поднявшего оружие на мирный христианский народ наш...».

11 июня из Царского Села получены телеграммы от Императора и Императрицы: «Сердцем и душою был сегодня в молитвенном единении со всеми присутствовавшими на светлом торжестве прославления Святителя Иоанна Максимовича; твердо уповаю на молитвы его о спасении Руси православной и о помощи свыше доблест-

ному единству Нашему. Николай»; «В день прославления Святителя Иоанна присоединяюсь к вашим молитвам за всю Святую Русь, испрашивая для всех нас милости Божией. Благодарю Вас, Владыко, и епископа Варнаву за приветствие. Александра».

Во время пребывания Семьи Николая II в Тобольской ссылке Александре Федоровне приходилось не раз прибегать к молебной помощи Святителя Иоанна. Подобные свидетельства сохранились в письмах Александры Федоровны разным лицам: баронессе С.К. Буксгевден из Тобольска 11 декабря 1917 года: «Посылаю тебе этот образок вместе со Своим благословением, от местного святого - Иоанна Максимовича, митрополита Тобольского. Мощи его покоятся в соборе на горе (Увы! Мы так и не смогли побывать там). Повесть образок у себя в комнате, и пусть он оберегает и направляет тебя».

Из письма А.А. Вырубовой (Тобольск, 9 января 1918 г.): «Даю в нашу церковь и в собор, где мощи, записки

за всех вас дорогих»; ей же (Тобольск, 22 января 1918 г.): «Гермоген каждый день служит молебен у себя для Папы (Государя) и мамы (Государыни), очень за них» и (Тобольск, 23 января 1918 г.): «Мы еще в России (это главное), что здесь тихо, недалеко от Раки Св. Иоанна. Не удивительно, что Мы именно здесь».

К святым мощам Святителя Иоанна и сегодня текут людские реки, как и в те дни 1917 года, о которых писал Тобольский протоиерей Григорий Тутолмин: «со своими болезнями, горестями, печальями, невзгодами житейскими богомольцы из разных мест Сибири и Европейской России. В лице праведного Митрополита Иоанна горит светильник Христов, и текут к сему светильнику из мрака греховной земной жизни труждающиеся и обремененные с верою и надеждою и получают исцеление, облегчение и утешение».

Предметная память об Узниках дома Свободы

Овещественная память - это социальная память, запечатленная в культурных реликвиях и объектах. Хранителем ее являются музеи, которые выступают на современном этапе и основными трансляторами материальных ценностей.

Л.Н. Жучкова,
главный научный сотрудник

В Tobolskom историко-архитектурном музее-заповеднике среди богатейшего собрания материалов, несущих в себе информацию об эпохе и человеке, сохранился комплекс предметов, связанных с жизнью в тобольской ссылке Семьи бывшего Императора Николая II (1868 - 1918) в период с августа 1917 по май 1918 гг.

Аутентичность и принадлежность реликвий Царской Семье подтверждена историко-культурной экспертизой и записями в учетных документах музея.

Ссылка Романовых в Tobolsk последовала по распоряжению Временного правительства в августе 1917 года после заключения Их в собственном дворце в Царском Селе, что явилось следствием сложившегося в управлении государством кризиса и отречения последнего Российского Императора от престола.

В Tobolske, в нижнем посаде, сохранился мемориальный объект, несущий в себе память о жизни Царственных Страстотерпцев – это Губернаторский дом, который на восемь месяцев стал местом их заточения (фото 1).

В доме с богатейшей историей на протяжении XIX в. останавливались Августейшие особы во время своих путешествий по Сибири и Востоку.

Сегодня это «Музей семьи Императора Николая II», объект пристального внимания общественности, который, несмотря на более чем двухсотлетнюю историю и частичную смену облика, сохранил дух прошлого. Внутренняя архитектура здания наполнена судьбами многих выдающихся персон и проникнута царившей здесь атмосферой.

Наибольшее погружение посетителя в события жизни Царской Семьи, занимающей во время ссылки второй этаж дома, помогают нам сделать любительские фотографии из семейного альбома Николая II, сохранившиеся в музейном собрании. Факт увлечения членов Императорской Семьи фотосъемками доподлинно известен. Часть снимков из альбома относится к жизни Августейших особ в Царском Селе, а часть к тобольскому периоду их пребывания. Фотографии переданы в музей в 1918 году Василием Николаевичем Пигнатти (1862-1920), который длительное время занимал должность консерватора Tobolskogo губернского музея (1908 - 1917), а в период ссылки Царской Семьи был назначен губернским комиссаром Временного правительства (1917 - 1918), в дальнейшем управляющим Tobolskoy губернией (1918 - 1919). Благодаря этим снимкам восстановлена часть истории жизни Семьи последнего Императора в Губернаторском доме. Мы можем «заглянуть» в будни

Венценосных особ, ощутить атмосферу, окружавшую Романовых в Tobolske. Благодаря фотографиям сохранились образы членов Царской Семьи, виды интерьеров отдельных комнат, которые Они занимали. По сведениям Е.С. Кобылинского, «Из обстановки из Царского не было взято ничего. Дом обслуживался губернаторской обстановкой, но часть разных вещей пришлось приобрести и заказывать уже в Tobolske. Взятые были из Царского для Царской Семьи лишь их походные кровати» (Протокол допроса 1919 г. 6-10 апреля).

Каждая комната имела свое определенное назначение. В «Большой зале», как свидетельствует фотография, (фото 2) стоял походный иконостас, привезенный из Царского Села. По воспоминаниям наставника Цесаревича Алексея Пьера Жильяра (1879 – 1962), здесь совершался обряд богослужения, который объединял и Царских особ и разделивших с ними участь приближенных в одну большую семью. Певчими первоначально были четыре монахи из Иоанно-Введенского монастыря, а с 18 января 1918 года приходил хор одной из тобольских церквей. Иногда певчие в силу своей занятости не могли приходить на службу, тогда Императрица и Великие Княжны пели с дьяконом сами. Августейшая Семья посещала и Благовещенскую церковь, что подтверждает стенограмма допросов следователем Евгением Степановичем Кобылинским в качестве свидетеля: «Богослужения управлялись так: всеночная всегда служилась на дому, причем причт был от

Благовещенской церкви. Служил священник о. Васильев. К обедне семья ходила только к ранней» (Протокол допроса 1919 г. 6-10 апреля).

Кроме службы здесь давали уроки Цесаревичу и двум младшим Великим Княжнам, устраивали игры, забавы, пили кофе, ставили домашние спектакли. Великие Княжны получили классическое музыкальное образование, играли на музыкальных инструментах, Ольга Николаевна обладала «абсолютным музыкальным слухом». В Tobolske по настоянию Павла Михайловича Макарова (1872 - 1922), помощника полковника Евгения Степановича Кобылинского (1879 - 1927), для Императорской Семьи был приобретен рояль, который установили в большом зале Губернаторского дома. В письмах Августейших особ из Tobolska есть упоминание о том, что Великие Княжны Татьяна Николаевна и Анастасия Николаевна играли на рояле и пели. По воспоминаниям эсера Василия Семеновича Панкратова (1864 - 1925), «по вечерам бывшая Царская семья собиралась в зале, куда приходили доктор Боткин, Долгоруков, Татищев и Гендриков со Шнейдер и проводили время в разговорах. Иногда кто-либо читал вслух» (Панкратов В.С. С царем в Tobolske: Из воспоминаний. - М.: СП «Слово», 1990.).

Из большого зала был выход на балкон, с которого открывался вид на Благовещенскую церковь. «Александра Федоровна чаще всего выходила на балкон с вязаньем или шитьем. Усевшись в кресле, она принималась за работу. Она лишь временами любовалась видом города, которого никогда

бы не увидела, если бы не «судьба».

В этом зале Семья Императора Николая II отметила последний в жизни праздник Рождества в 1918 году. Ольга Николаевна писала своей подруге: «Вот уже и Праздник. У нас стоит в углу залы елка и издает чудный запах... Украшений нет, а только серебряный дождь и восковые свечи, конечно, церковные, так как других здесь нет... Всеночная была около 10 вечера, и елка горела. Красиво и уютно было...».

«Красная гостиная» (фото 3) - самая красивая комната в доме. Особую атмосферу уюта, располагавшую к отдыху, создавала изящная мебель, изразцовые печи и потолочная лепнина.

Наставник Цесаревича Алексея Пьер Жильяр вспоминал: «Когда начало становиться очень холодно и большая зала сделалась необитаемой, мы нашли себе приют в соседней, единственной действительно уютной комнате дома, служившей гостиной Ее Величеству. Государь часто читал вслух, а Великие Княжны занимались рукоделием или играли с нами. Государыня обыкновенно играла одну или две партии в безиг с генералом Татищевым, а затем также брала какую-нибудь работу или лежала на своей кушетке. В этой мирной семейной обстановке мы проводили долгие зимние вечера, как бы затерянные в беспредельности далекой Сибири» (П. Жильяр. При дворе Николая II. Воспоминания наставника цесаревича Алексея. 1905-1918. М.: Центрполиграф, 2006).

В кабинете Николая II (фото 4) в тобольской ссылке, по воспоминаниям комиссара Василия Семеновича Панкратова (1864 - 1925), стояло «... два стола: один письменный стол

с книгами и бумагами, другой простой, на котором лежало с десяток карманных часов и различных размеров трубки...» (Панкратов В.С. С царем в Tobolske: Из воспоминаний. - М.: СП «Слово», 1990).

Курительные принадлежности часто дарили Царские Дочери по случаю праздников. Исследователи полагают, что Николай II был самым курящим из всех российских Императоров и Императриц.

В своем кабинете Николай II пил чай «... всегда с Ольгой Николаевной; остальные дети - в столовой. После чая до 11 часов Государь занимался у себя: читал или писал свои дневники».

Спальня Княжон (фото 5) по фотографии была достаточно тесной, меблирована складными металлическими кроватями, привезенными из Царского Села, диваном, стульями. Стены шпалерно увешаны фотографиями, рисунками, иконами. Семья Николая II была очень религиозной, в интерьерах всех жилых комнат находилось большое количество икон.

Девочки не знали, что такое роскошь, спали на жестких кроватях, сами чинили свои платья. У них были простые развлечения. С самого раннего возраста Великие Княжны занимались рукоделием, чтением священных книг.

Дочери Николая II любили сидеть на подоконниках и наблюдать за происходящим во дворе Губернаторского дома, где находилась оранжерея, и где Они ухаживали за цветами (фото 6).

Бывший Государь в Tobolske большую часть дня проводил за распиливанием бревен на дрова (фото 7), что запечатлено на нескольких фотографиях. Это было одно из любимых Его

8

10

13

15

9

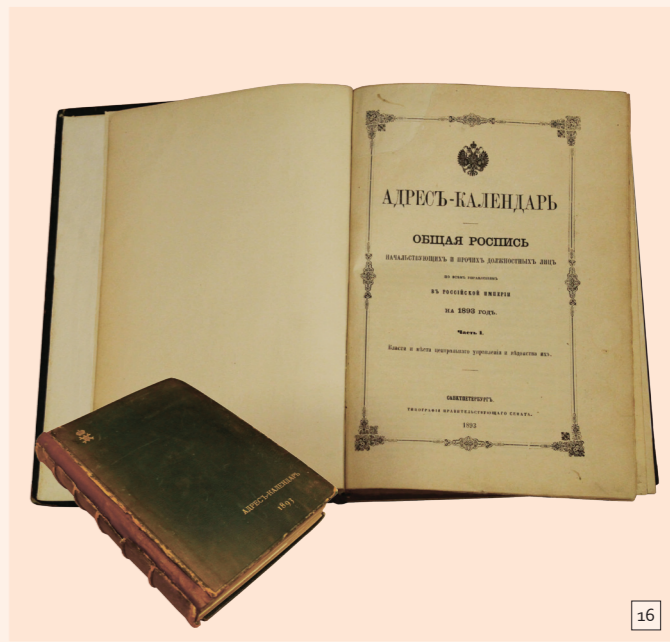
11

12

14

16

17

времяпрепровождений. По воспоминаниям комиссара В.С. Панкратова, «Приходилось поражаться его физической выносливости и даже силе. Обыкновенными его сотрудниками в этой работе были князья, Алексей, граф Татищев, князь Долгоруков, но все они быстро уставали и сменялись один за другим, тогда как Николай II продолжал действовать». (Панкратов В.С. С царем в Tobolske: Из воспоминаний. - М.: СП «Слово», 1990.)

Память о проживании Семьи Императора Николая II во время ссылки увековечена в мемориальных предметах: тарелках из обеденного набора (фото 8), ложках, вилке с двуглавым орлом (фото 10), поступивших в собрание Tobolsкого музея в 1918 году после отъезда Царственных Страстотерпцев из Tobolsка. С этими реликвиями связана память еще об одной исторической личности - полковнике Евгении Степановиче Кобылинском (1879 – 1927), начальнике караула, несшего охрану арестованной Царской Семьи в Царском Селе, а в последствии - командире Отряда особого назначения, состоявшего при охране бывшего Императора Николая II в Tobolsке. Евгений Степанович после отбытия Царских Детей остался на некоторое время в городе. В это время он общался с вышеупомянутым Губернским комиссаром Временного правительства Василием Николаевичем Пигнатти (1862-1920). Вероятно, именно под его влиянием предметы из обеденного набора были переданы в Tobolsкий губернский музей. Хотелось бы обратить внимание на то, что Е.С. Кобылинский был удивительным человеком, в тяжелейших условиях су-

мевшим до конца сохранить контроль над ситуацией в городе. Все это стоило ему огромных моральных усилий и здоровья. Евгений Степанович, по словам следователя по особым важным делам Н.А.Соколова, «в исключительно трудном положении до конца проявит исключительную преданность Царю».

В Tobolsке Е.С. Кобылинский и его помощник П.М. Макаров постарались превратить дом, предназначенный для пребывания ссыльных, в уютный и комфортный. Его отремонтировали, купили недостающую мебель. Кобылинский все силы направил на то, чтобы Царская Семья чувствовала себя здесь защищенной. Он же обеспечил максимальную свободу свите и служащим.

В пополнении собрания Tobolsкого музея реликвиями участвовало и Государственное политическое управление в Tobolsке, из которого в 1924 году были переданы салфетки столовые дворцовые с вытканными именными вензелями Императоров Александра III и Николая II (фото 12), полотенце махровое с вензелем Николая II под короной Российской Империи (фото 11).

В учетных документах музея-заповедника зафиксирована принадлежность Семье Императора Николая II еще трех вещей, поступивших из Tobolsкого музея изящных искусств. Это камерная декоративная скульптура, наволочка и скатерть. Скульптура «Купальщица» выполнена в бисквите на Императорском фарфоровом заводе по моделям Марии Диллон (1858-1932) – первой в России женщины – профессионального скульптора, закончившего Императорскую академию художеств и специализировавшегося на обнаженных женских фигурах. На обороте подставки скульптуры имеется марка штампом «Н II» под короной с

датой «1913» и меткой формовщика модели «А.Лукин», с внешней стороны подставки – авторское факсимиле «М. Диллон». Известно, что подобные скульптуры из бисквита, размером до 70-ти сантиметров, сегодня являются большой редкостью из-за сложности их изготовления.

Скатерть из сукна с вышитым именованным вензелем Николая II и венком из вазонов (фото 14). Она могла быть изготовлена в Tobolsке монахинями Иоанно-Введенского монастыря, с которыми Царская Семья обменивалась подарками. Известно, что Императрица Александра Федоровна вышивала для церкви салфетки, а монахини дарили Августейшим особам иконы вшитых окладах. В феврале 1918 года Александра Федоровна писала А.А. Вырубовой: «вышиваем много для церкви, только что кончили белый венок из роз с зелеными листьями и серебряным крестом, чтобы под образ Божией Матери Абалакской повесить». В Августейшей Семье среди образов, перед которыми молились в изгнании Царственные Узники, были три Абалакских иконы Божией Матери.

Еще один свидетель важнейшего события в истории царствования Дома Романовых - наволочка на диванную подушку «300-летье царствующему Дому Романовых» (фото 15). На оборотной стороне ее вышита памятная дарственная надпись: «От настоятельницы Богуславского Свято-Никольского Общежительного женского монастыря Игуменни Евсталии съ сестрами в память 300-летия царствования Дома Романовых. 21 февраля 1913 года. Лист Богуслав Киевской Епархии». На лицевой стороне атрибуты царской власти. Вышивка выполнена по бархату и шелку.

Возникает вопрос: откуда эти вещи могли поступить в Tobolsкий музей

изящных искусств? Известно, что после отъезда Царской Семьи Николая II из Tobolsка, многие вещи попали в руки горожан. П.П. Чукоин, местный художник и педагог, занявшийся созданием музея в 1924 году, организовал поступление культурных ценностей не только из Государственного музейного фонда, но и от жителей города. Музей изящных искусств, к сожалению, действовал недолго. После его закрытия в 1928 году все художественные произведения были переданы в Tobolsкий краеведческий музей.

Долгие годы в семье Логиновой Марии Пудовны (1906 г.р.) хранился сувенир с орнаментом «Ирисы» производства фабрика «Т-ва М.С. Кузнецова Т.Ф.» поставщика Императорского Двора (фото 13). Учетные документы музея свидетельствуют о том, что эта реликвия происходит из набора посуды, которая использовалась в Губернаторском доме в период проживания в нем Семьи Императора Николая II. А Мария Пудовна находилась в этот период у Них «в услужении».

Часть истории пребывания Царской Семьи в tobolsкой ссылке раскрывают документы. Это сохранившиеся счета из Иоанно-Введенского женского монастыря на продукты питания, выписанные для проживающих в бывшем Губернаторском и Корниловском домах с 12 августа 1917 по 19 мая 1918 годы.

Интересен вопрос финансирования проживания арестованных Августейших особ и охраны в Tobolsке. Изначально это должны были быть средства правительства, но, по словам Е.С. Кобылинского, «Временное Правительство как бы забыло о семье и не посылало пополнений ни на содержание семьи, ни на содержание отряда». Полковник Е.С. Кобылинский не раз обходил город в поисках денег. В дальнейшем он вспоминал: «Пришлось мне обратиться к купцу Янушкевичу, монархисту, имевшему в банке свободные деньги. Под вексель за моей, Татищева и Долгорукова подписями, Янушкевич дал мне 20 000 рублей» (Протокол допроса 1919 г. 6-10 апреля). После большевистского переворота из центра пришла телеграмма о том, что «...у народа нет средств содержать царскую семью. Пусть она содержится на свои средства. Советская власть дает ей солдатский паек, квартиру, отопление и освещение. ...семья не может тратить больше 600 рублей в месяц на человека».

Царская Семья вынуждена была изменить уклад своей жизни, уволить десять человек из служащих. Со стола исчезли сливки, масло, кофе, сладкое. Сахара отпущалось полфунта на человека в месяц.

В этой ситуации всячески пытались помочь Царственным Страстотерпцам сестры Иоанно-Введенского монастыря. Они тайком от стражи, кроме продуктов, оплаченных по счетам, посылали Царской Семье продукты питания, молоко, теплые вещи, передавали записочки.

Несколько лет назад Tobolsкому музею удалось приобрести еще одну реликвию (фото 9), история которой связана с периодом заключения Семьи Николая II в доме инженера Ипатьева в Екатеринбурге. Тяжелобольной Цесаревич Алексей тайно через царского лейб-медика Е.С. Боткина получал здесь медикаментозную помощь и специальное питание от известного в то время Екатеринбургского детского доктора Исаака Сяно. Этот факт подтвержден учениками доктора в их воспоминаниях. Императрица в знак благодарности подарила свою шаль жене доктора. Позже вдова Сяно из-за финансовых трудностей вынуждена была ее продать. Музеем раритет приобретен у последних владельцев, проживающих в Екатеринбурге. Экспертиза историко-культурной ценности проведена Экспертом Министерства культуры.

Библиотеке Николая II принадлежит книга-справочник «Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1893 год»

(фото 16). Об этом свидетельствует характерный для его собрания переплет и суперэкслибрис на верхней крышке переплета.

Еще одна реликвия – книга «Святое Евангелие» (фото 17) 1914 года со штампом и автографом Императрицы Александры Федоровны. На штампе надпись: «От Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны». Наличие его свидетельствует о подарочном назначении экземпляра штату прислуги или нижним чинам армии. Обычно подобные книги дарились на Пасху или Рождество Христово. Указанный год дарения – 1914-й говорит о том, что поводом дарения могло быть начало Первой мировой войны, отправка на фронт или нахождение на излечении в госпитале. Значимость данного книжного экземпляра - в подлинности автографа Императрицы Александры Федоровны, которая также подтверждена технической экспертизой, проведенной в Государственном Эрмитаже.

Бесценные свидетельства пребывания Августейших особ в Tobolsке сохранились благодаря «служителям» музея и сподвижникам, заинтересованным в увековечении памяти об этих исторических событиях. А сегодня все раритеты, к которым прикасалась рука членов Императорской Семьи, через которые транслируется память о взаимосвязи Tobolsка и представителей царствовавшего Дома Романовых, являются базовой составляющей в реализации Музея семьи Императора Николая II. Именно они помогают нам восстановить страницы истории жизни Царственных Мучеников в Tobolsке.

«Въ память чудеснаго спасения...»

Литография. «Провидение божье спасает Государя и его семейство». 1873-1894 гг.

Тобольский музей известен своими уникальными предметами и экспонатами, которые тесно связаны с людскими судьбами или интересными событиями истории нашего края, города, области.

Около 130 лет назад в Российской империи произошло беспрецедентное на тот момент событие: железнодорожная катастрофа. Чем же она так поразила и потрясла тогдашнюю Россию? Дело в том, что в аварию попал императорский поезд и все члены Семьи Императора Александра III.

Авария случилась недалеко от железнодорожной станции Борки на 295-м километре линии Курск - Харьков - Азов южнее Харькова в 14 часов 14 минут. Царская Семья ехала из Левадии - Крымского имения Императрицы, в Санкт-Петербург. Вагоны проработали десять лет без аварий и их техническое состояние не внушало опасений. Вес поезда был в пределах нормы того времени, но скорость движения соответствовала экспрессу. Состав вели два паровоза, поэтому его скорость можно считать высокой, составлявшей примерно 68 километров в час. Погода была скверная: шел дождь, повсюду была слякоть. При таких неблагоприятных условиях произошел сход десяти вагонов. Во время крушения поезд двигался под уклон по высокой насыпи в пять саженей. По рассказам очевидцев, сильный толчок сбросил с места всех ехавших в поезде. После первого толчка последовал страшный треск, затем произошел второй толчок, ещё сильнее первого, а после третьего, тихого толчка, поезд остановился.

Из пятнадцати вагонов, имевшихся в составе, уцелело только пять – два первых, следующих сразу за паровозом, и три задних, которые были остановлены автоматическими тормозами Вестингауза. Практически не пострадали и два паровоза. Сошедшие с рельсов вагоны представляли печальное и жуткое зрелище. От вагона министра путей сообщения остались одни щепки. Сам министр Константин Николаевич Посыет в это время находился в вагоне-столовой, приглашенный туда Императором Александром III. Вагон, в котором располагались придворно-служащие и буфетная прислуга, был полностью разрушен, и все в нем погибли: 13 изуродованных тел было найдено с левой стороны насыпи среди щепы и мелких обломков.

Вот что писала Великая Княгиня Ольга Александровна о самой аварии: «Старый дворецкий, которого звали Лев, вносил пудинг. Неожиданно поезд резко покачнулся, затем еще раз. Все упали на пол. Секунду или две спустя столовый вагон разорвался как консервная банка. Тяжелая железная крыша провалилась вниз, не достав каких-то нескольких дюймов до голов пассажиров. Все они лежали на толстом ковре, находившемся на полу вагона. Первым выполз из-под рухнувшей крыши Император. После этого он приподнял ее, дав возможность

Т.А. Сучкова, организатор экскурсий

жене, детям и остальным пассажирам выбраться из изувеченного вагона». Обсыпанные землей и обломками, из-под крыши выбрались Императрица Мария Федоровна, Наследник Цесаревич Николай Александрович – будущий последний российский Император Николай II, Великий Князь Георгий Александрович, Великая Княжна Ксения Александровна, а вместе с ними и лица свиты, приглашенные в столовую. Большинство лиц, находившихся в этом вагоне, отделались легкими ушибами, ссадинами и царапинами, за исключением флигель-адъютанта Шереметева, которому раздробило палец руки.

Картина крушения, представшая взору уцелевших, была ужасна. Всюду обломки, кровь, крики и стоны раненых, неподвижные тела погибших. Вагон с царскими детьми развернуло поперек главного пути, и он накренился над откосом, а его передняя часть была сорвана. Великая Княжна Ольга Александровна, находившаяся в этом вагоне в момент крушения, была выброшена вместе со своей няней на насыпь через образовавшееся отверстие, а малолетнего Великого Князя Михаила Александровича вытащил из-под обломков солдат при помощи самого Государя. Всего при крушении пострадало 68 человек, из них 21 человек скончался сразу, а один чуть позже в больнице.

Весть о крушении поезда быстро распространилась и помощь пострадавшим была оказана. Император Александр III лично распорядился спасением раненых из-под обломков. Императрица Мария Федоровна, совместно с медицинским персоналом, тоже принимала участие в оказании помощи раненым, стараясь всячески облегчить их страдания. У нее самой была ранена рука чуть выше локтя, было множество синяков и ссадин. Несмотря на это, Императрица активно участвовала в спасательных работах, употребив на бинты все подходящее из своего личного багажа, в том числе нижнее белье, оставшись в одном платье. После того, как наиболее значительные последствия аварии были устранены, а помощь всем нуждающимся оказана, Царская Семья села

прибывший сюда второй царский поезд и отбыла на станцию Лозовую. Тут же ночью на самой станции был отслужен первый благодарственный молебен за чудесное избавление Царской Семьи от смертельной опасности.

Катастрофа вызвала большой общественный резонанс, а спасение Императора и Его Семейства было названо не иначе как чудесным спасением по промыслу Божию: «Неисповедимыми путями Промысла совершилось над нами чудо милости Божией. Там, где не оставалось надежды на спасение человеческое Господу Богу угодно было дивным образом сохранить жизнь Мне, Императрице, Наследнику Цесаревичу и всем Нашим детям» (Высочайший манифест Его Императорского Величества от 23 октября 1888 года). Сегодня трудно представить те чувства, которые питал народ к своему Царю. Повсюду в России люди стремились увековечить чудесное событие постройкой памятных храмов, часовен, написанием икон, отливкой колоколов, открытием приютов, богаделен и монастырей.

В фондах Тобольского музея-заповедника имеются предметы, связанные с этим событием: две глиняные тарелки ТМ-8884 и ТМ-8885 с барельефами на лицевой части, посвященные железнодорожной катастрофе 17 октября 1888 года. Где и когда они были изготовлены пока остается неизвестным. В Книге поступлений музея записано, что поступили они в 1938 году от неизвестного лица. Изготовлены из красной глины диаметром около 23 сантиметров. Клейма изготовителя отсутствуют.

На первой тарелке на слегка выступающем борте есть рельефное изображение лаврового венка в обрамлении зерни. В центре на зеркале дна барельефное изображение ангела с крыльями, перед ним на коленях молящаяся женщина в царской мантии и короне. У ног ангела лежит скипетр, держава и царская корона. Под этой группой рельефное изображение поезда, сошедшего с рельс, и группа людей с вещами. По кругу имеется надпись из Псалом 90. Вторая аналогична первой и изображает барельефную группу из семи человек - Императора Всероссийского Александра Третьего с женой и детьми, ниже имеется надпись: «ВЪ ПАМЯТЬ ЧУДЕСНАГО СПАСЕНИЯ ЦАРСКАГО СЕМЕЙСТВА 17 ОКТЯБРЯ 1888 Г.».

Тарелки «В память чудесного спасения членов Царской семьи 17 октября 1888 года во время крушения царского поезда».

Скорее всего, данные предметы, сделанные в память о чудесном спасении Царского Семейства, являются сохранившимися до наших дней образцами сувенирной продукции, посвященной этому событию. Возможно, они были выпущены очень ограниченным тиражом и вручались по особым случаям. Так как на тарелках нет клейма, то выяснить их историю довольно проблематично. Одна надежда на то, что где-нибудь еще есть подобного рода предметы.

Интересно, что в фондах коллекции «Нумизматика» Тобольского музея есть медаль ТМ-20216 «В память чудеснаго спасения Царского семейства 17 октября 1888 года», переданная в дар от Фонда «Возрождение Тобольска» в 1996 году. Выполнена она из бронзы, диаметр медали 9 сантиметров. Так вот, аверс и реверс этой медали полностью соответствуют изображениям на глиняных тарелках, с той лишь разницей, что по борту тарелок размещен лавровый венок. Медаль изготовлена на Санкт-Петербургском Монетном Дворе медальером Авраамом Авенировичем Грилихесом. За эту работу он в 1889 году получил звание классного художника 1-й степени и орден Святой Анны 3-й степени. Какое число медалей, посвященных событию 17 октября 1888 года, было выпущено доподлинно неизвестно.

Какова же была причина катастрофы? По основной версии крушение поезда произошло из-за ряда технических факторов: плохого состояния пути и значительного превышения скорости поезда. По итогам расследования были уволены с должностей некоторые крупные чиновники, в их числе министр путей сообщения адмирал К.Н. Посыет, главный инспектор железных дорог барон Шернваль, инспектор императорских поездов барон А.Ф. Таубе, управляю-

щий Курско-Харьковско-Азовской железной дорогой инженер В.А. Кованько и другие. Через несколько месяцев незавершенное расследование было прекращено по Высочайшему Повелению. Есть еще одна версия событий, которая изложена в воспоминаниях В.А. Сухомлинова и М.А. Таубе (сына того самого инспектора императорских поездов, который был снят с должности). Согласно ей, крушение было вызвано взрывом бомбы, которую заложили революционеры-террористы. Данная версия не получила подтверждения во время официального расследования. Ее можно отнести к некоторым, своего рода легендам, преданиям и слухам, которыми позже обросло это знаменательное событие. Так, существовала история о том, что когда Царь лично вызволял тех, кто оказался под обломками и кругом раздавались крики: «Какой ужас! Покушение! Взрыв!», Александр III произнес фразу: «Красть надо меньше».

Железнодорожная катастрофа не прошла даром ни для самого Императора, ни для России в целом. Она привела к тому, что от ушибов, полученных 17 октября, у Александра III развилась хроническая болезнь почек, от которой он умер через шесть лет в достаточно молодом возрасте. На момент смерти ему было всего 49 лет. Интересно, что в катастрофе погибла любимая собака Императора по кличке Камчатка, которую в 1883 г. ему подарили матросы крейсера «Африка». Кроме того, данное событие послужило стремительному карьерному росту титулярного советника С.Ю. Витте. Он сделал одну из самых блистательных карьер за время царствования семьи Романовых и сыграл одну из ключевых ролей в истории России рубежа XIX – XX вв.

Шелесты эпохи монометаллизма

Государственный кредитный билет. 100 рублей. 1910 г. Лицевая и оборотная стороны.

О.В. Баткина,
научный сотрудник

В конце XIX и начале XX века в России быстро развивалась промышленность, сельское хозяйство и торговля, в том числе внешняя, в которой экспорт превышал импорт.

Для обеспечения стабильного развития экономики была необходима устойчивая валюта, препятствующая обесцениванию денежных капиталов. Провал попыток стабилизации кредитного рубля в 1860-х и 1880-х годах вынудил правительство полностью отказаться от восстановления прежней покупательной способности рубля посредством изъятия излишней массы кредитных билетов из обращения.

Новая денежная политика предполагала поддерживать курс рубля на прежнем уровне, оградить его от опасности дальнейшего снижения, и по-

сле накопления достаточного золотого запаса ввести размен кредитных билетов на золото по соответствующему курсу. Тем самым в России началась постепенная подготовка к денежной реформе, цель которой: замена инфляционного обращения неравновесных бумажных денежных знаков системой золотого монометаллизма с банкнотным обращением.

Правительство понимало, что обеспечить стабилизацию рубля невозможно при дефицитном государственном бюджете. Поэтому в период подготовки денежной реформы большое внимание уделялось росту государственных доходов. За период с 1881 по 1897 гг. золотой запас России увеличился более чем в 3,5 раза и достиг 1 млрд. рублей, а к 1914 г. составил небывалую сумму – 1,7 млрд. рублей.

Денежная реформа 1895-1897 гг., проведенная министром финансов Витте С.Ю., была осуществлена в несколько этапов. Так как в стране предполагалось введение системы

золотого монометаллизма, правительство предприняло ряд мер по постепенному внедрению золотой монеты в денежное обращение, стремясь при этом обеспечить определенное соотношение между кредитным и золотым рублем.

В соответствии с законом от 8 мая 1895 г. были разрешены сделки на золото. Этот закон предусматривал, что все сделки могут быть заключены на российскую золотую монету, и оплата по сделкам производится либо золотой монетой, либо кредитными билетами по курсу на золото в день фактического платежа, а в случае спора о курсе – по последнему, полученному на месте среднему курсу сделок Петербургской биржи.

Таким образом, первым этапом реформы явилось разрешение в 1895 г. сделок с золотом. При этом для 5-рублевой золотой монеты была установлена цена 7 рублей 50 копеек кредитными билетами, для 10-рублевой – 15 рублей.

Монета. 10 рублей. 1906 г. Лицевая и оборотная стороны.
Монета. 5 рублей. 1902 г. Лицевая и оборотная стороны.

24 мая 1895 г. учреждениям Государственного банка было разрешено покупать и продавать золотую монету по данному курсу. Фактически это означало установление размена кредитных билетов на золото. Каждый желающий мог явиться в учреждение Государственного банка и представить в его кассу кредитные билеты, например, на сумму 30 рублей и получить взамен 20 рублей золотом. 20 июля 1895 г. учреждения Госбанка получили право принимать золотую монету на текущий счет и во вклады также по указанному курсу, а не по ее номиналу. Так, при внесении золотой монеты, например, в виде 100 рублей, сумма вклада составляла 150 рублей в кредитных билетах.

Наконец, 8 ноября 1895 г. правительственными учреждениям было разрешено принимать золотую монету в уплату государственных сборов. Причем с 1 января 1896 г. платежи в казну стали также производиться по курсу 7 рублей 50 копеек за 5 рублей золотом. Стабильный курс рубля сначала был установлен временным распоряжением Министерства финансов, а затем в окончательном виде закреплен указом от 3 января 1897 г.

Завершающим мероприятием денежной реформы 1895-1897 гг. явилось принятие нового эмиссионного закона от 29 августа 1897 г., который регулировал выпуск кредитных билетов в обращение и принципы их обеспечения золотом. С принятием данного закона, предус-

матривавшего размен кредитных билетов на золото, возникла необходимость в помещении нового текста на них. Ранее на банкнотах указывалось, что они размениваются кассой Государственного банка России на серебряную и золотую монету и обращались на территории империи наравне с серебряной монетой. Закон «Об изменении надписей на кредитных билетах» от 14 ноября 1897 г. предусматривал следующий текст: «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНКЪ РАЗМѢНИВАЕТЪ КРЕДИТНЫЕ БИЛЕТЫ НА ЗОЛОТУЮ МОНЕТУ БЕЗЪ ОГРАНИЧЕНІЯ СУММЫ (1 РУБЛЬ = 1/15 ИМПЕРІАЛА, СОДЕРЖИТЬ 17,424 ДОЛЕЙ ЧИСТАГО ЗОЛОТА)» и «...ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕДИТНЫЕ БИЛЕТЫ ИМѢЮТЪ ХОЖДЕНІЕ ВО ВСЕЙ ИМПЕРІИ НАРАВНѢ СЪ ЗОЛОТУЮ МОНЕТОЮ. ...».

Таким образом, в результате денежной реформы 1895-1897 гг. в обращении находились следующие денежные знаки: золотые монеты; кредитные билеты, свободно размениваемые на золото; серебряная полноценная монета; неполноценная серебряная и мелкая медная монета.

Начиная с 1905 г. в обращение страны начали поступать кредитные билеты новых образцов. Это было обусловлено, в том числе и совершенствованием технической базы Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг, повышением мастерства ее служащих, прежде всего художников и гравиров.

Для внешнего вида кредитных билетов, выпускавшихся с 50-х и до середины 90-х годов XIX в., были характерны мозаичность композиции, изолированность каждого ее элемента. В последующем в их оформлении заметно преобладала тяга к эллиптическим, трапециевидным формам, к закругляющимся, мягко изгибающимся линиям, которые присущи стилю модерн в изобразительном искусстве и архитектуре. На бумажных денежных знаках появились многообразные варианты извивающихся, волно- и змееобразных подвижных линий, сужающихся или словно растекающихся книзу, со скругленными или срезанными углами. В оформлении кредитных билетов прослеживалась тенденция избежать геометрических четких форм, прямых линий и углов. «Кривизна» линий позволила устранить сухость в композиции элементов внешнего вида денежных знаков. Формы, изображенные на них, вытекают одна из другой, почти невозможно определить, где кончается одна и начинается другая: каждая из них является одновременно и завершением предыдущей, и началом следующей. Денежные знаки обрели декоративные формы, тесно связанные с обязательными элементами их оформления. В них гибко сочетаются формы, которые выступают «чистым» украшением бумажного денежного знака, и формы, связанные с определенным функциональным назначением.

Государственный кредитный билет 1909 года достоинством 25 рублей продолжил традицию изображения на бумажных денежных знаках парадных портретов российских царей, начало которой было положено в 1860-х гг. В правой части оборотной стороны банкноты, имеющей розово-лиловую окраску, в овальную рамку с барельефами, увенчанную короной и лавровыми листьями, помещен портрет императора Александра III. Под портретом со смещением влево изображена композиция: рог изобилия с разнообразными дарами природы, якорь, пальмовые и лавровые ветви. Левая часть оборотной стороны в основном свободна от рисунков и надписей. На лицевой стороне кредитного билета указаны: наименование, номинал и год образца, его серия и номер. Водяной знак представляет собой повторяющиеся наклонные темные числа «25», окруженные словом «РУБ» по всему полю, справа размещен портрет императора Александра III, повторяющийся портрет на оборотной стороне.

В 1910 году изменился внешний вид кредитного билета нарицательной стоимостью 100 рублей. Новый знак особенно отразил стиль модерн. Обилие на купюре разнообразных форм и линий не создает впечатление их излишества. Внешний вид купюры отличают гармония всех элементов его композиции, органичное переплетение полезных (надписи на знаках, изображения герба, обозначение номинала, года и т.д.) и прекрасных (декоративные узоры, орнаменты и другие рисунки) элементов оформления.

Государственный кредитный билет. 25 рублей. 1909 г.

Лицевая сторона знака содержит обязательные элементы, объединенные в единое целое, которое невозможно расчленить. В левой части лицевой стороны и в правой части оборотной стороны расположено белое поле, на котором размещен локальный водяной знак – портрет императрицы Екатерины II. По всему остальному полю банкноты повторяющиеся числа «100», расположенные перпендикулярно друг другу. Аналогичное изображение императрицы на оборотной стороне билета, композиция которой поражает высоким художественным мастерством. Портрет Екатерины II помещен в овальную рамку из лавровых листьев, над ней держава, под рамкой голова мифологического героя. Слева от портрета расположен полуобнаженный античный воин во весь рост с мечом в правой руке, обвитым лавровыми ветвями. Справа от портрета в квадратной рамке в обрамлении лаврового венка изображен вензель Екатерины II. Над вензелем рог изобилия с плодами, под ним небольшая раковина и номинал в две строки: «100 РУБЛЕЙ». В правой части композиции размещен вертикальный элемент в виде щита-картуша с номиналом купюры, на котором стоит стилизованная ваза. На вазе круг в центре с числом «100». Над кругом две виньетки с кольцами, на которых подвешены ленты с лавровыми ветвями и рог изобилия (на левом кольце).

Композиция лицевой стороны кредитного билета достоинством 500 рублей, имеет много общего со 100-рублевым знаком. На обеих сторонах

билета расположено белое купонное поле, на котором размещен водяной знак в виде портрета Петра I. На оборотной стороне банкноты слева в фигурной овальной рамке, которую венчает императорская корона, изображен портрет Петра I. Император одет в рыцарские латы, его грудь пересекает лента, на плечо накинут плащ. Стыки деталей металлических лат и отдельные части доспехов имеют кривые и округлые линии, что придает легкость и изящество фигуре, создает гармонию портрета и остальных элементов композиции. В правой части композиции находится аллегорическое изображение России в виде молодой сидящей женщины, в ее правой руке скипетр, левая опирается на щит со стилизованным изображением герба Российской Империи, по диагонали щита лавровая ветвь, на голове – диадема и лавровый венок. Если на кредитных билетах XIX века для женских портретов была характерна статичность фигур, их монументальность, то изображение на кредитном билете 1912 г. подчеркивает красоту человеческого тела, его высокую пластичность. Облик женщины передан с глубоким пониманием изящного. В целом оформление денежного знака включает много цветов, лент, фрагментов архитектурных деталей, прочих графических украшений. Их гармония создает объемность композиции и придает ей неповторимый характер.

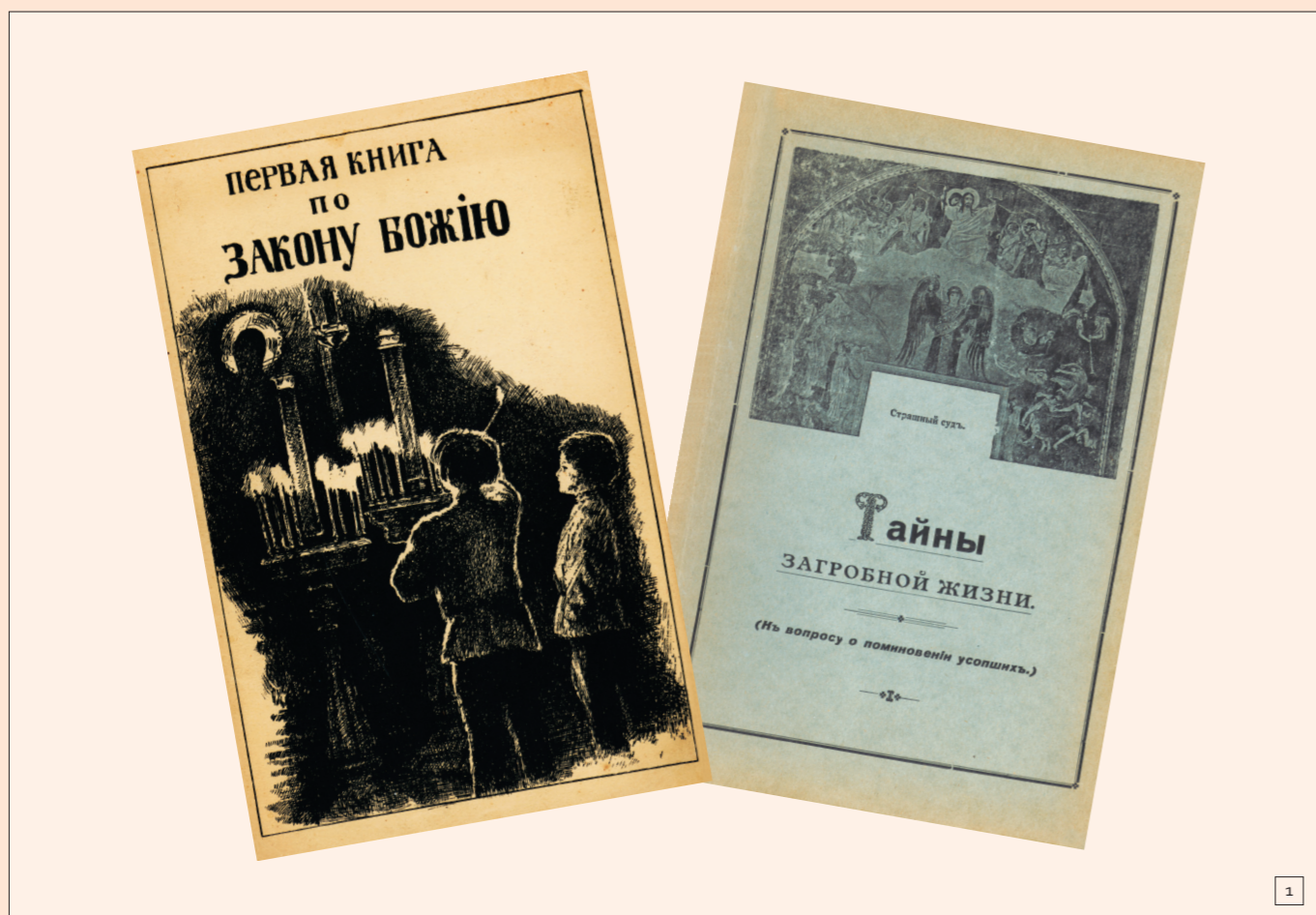
Государственные кредитные билеты достоинством 100 и 500 рублей являются шедеврами отечественного дореволюционного искусства, вершиной творчества служащих Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг. Вызывает сожаление, что период устойчивого обращения великолепно оформленных кредитных билетов новых образцов оказался чрезвычайно коротким.

Конец XIX – начало XX вв. в России были периодом экономического процветания. А в результате денежной реформы Витте С.Ю. кредитные билеты стали деньгами в их классической форме. Размышляя над дальнейшей судьбой нашей страны, задумываешься какой стала бы Россия, если бы ее экономическое развитие не затормозилось двумя мировыми войнами, социальными потрясениями и неэффективным авторитарно-бюрократическим управлением.

Флаг царский, под которым путешествовал Цесаревич Николай Александрович по Сибири и Востоку в 1891 г. Россия. 1891 г. Шелк, шитье.

Дар из Сан-Франциско

Л.Н. Жучкова,
главный научный сотрудник

Для Музея семьи Императора Николая II подарены две книги (фото 1) религиозного содержания протоиерея Леонида Ивановича Колчева (1871-1944), удивительным образом сохранившиеся до сего дня в семье его внучатого племянника Николая Хидченко. На книгах, благодаря которым раскрывается целая история, связанная с Императорской семьей, размещена дарственная надпись «Тобольскому музею-заповеднику от Николая Хидченко. 11/25/17. Сан Франциско. Калифорния. США» (фото 2).

В своем сопроводительном письме даритель пишет: «...с радостью узнал о создании в Тобольске музея в здании, где в ссылке находилась Семья последнего Императора Николая II». Здесь же он рассказывает о себе, своих предках и о том, каким образом эти раритеты оказались в семье.

Николай Хидченко родился в Китае, в Харбине. Его отец Александр был родом из Киевской губернии, жил во Владивостоке, потом в Харбине, где во время учебы в педагогическом институте познакомился с Евфалией Колчевой, которая стала его женой и матерью Николая Хидченко. Евфалия была дочерью протоиерея Николая Колчева, родного брата автора книг. Отец Николай служил священником на Дальнем Востоке. После революции «...вся семья была вынуждена покинуть Россию и ночью по замерзшему Амуру на санях перебраться в Китай и затем в Харбин». Далее Николай Хидченко вспоминает: «После смерти моего отца в 1935 году вся семья переехала в Шанхай. В Шанхае о. Николай служил

в Св. Никольском храме, памятнике последнему царю. Несколько лет затем служил в Свято-Воскресенской церкви до отъезда из Шанхая. По причине гражданской войны в Китае 5000 русских эмигрантов уехали на Филиппины, где мы прожили полтора года в беженском лагере на острове Тубабао, до отъезда в Аргентину. В Аргентине мы прожили 5 лет, где о. Николай организовал постройку храма в честь Покрова Божией Матери в пригороде Буэнос-Айреса, Темперлес. В 1955 году о. Николай переехал в Америку, в Калифорнию, где служил в г. Санта-Барбара, в г. Сакраменто и много лет был настоятелем храма в честь Казанской иконы Божией Матери и памятника по убиенной Царской Семье в Сан-Франциско». Все это время братья поддерживали тесную связь. Книги, изданные в 1932 и 1934 годах, были переправлены протоиереем Леонидом Колчевым из Дании в Шанхай своему брату отцу Николаю. Спустя годы, передаваясь по наследству, они оказались у его внука, Николая Хидченко. В настоящее время

бывший владелец этих раритетов - пенсионер, состоит в приходском совете Казанского храма и сотрудничает с музеем архива русской культуры в Сан-Франциско.

Составитель книг Леонид Иванович Колчев (фото 3) занимал важное место в жизни Царской Семьи в конце XIX - начале XX вв. После окончания Тамбовской семинарии в 1897 г. он как священник Иоанно-Богословской церкви в селе Ново-Александровка Козловского уезда вместе с земским деятелем Тамбовской губернии А.Н.Новиковым приложил много усилий для организации местного начального образования, постройки школы и учительской семинарии. В дальнейшем отец Леонид продолжил служение в Александро-Невской церкви в г. Моршанске и преподавательскую деятельность в местном училище. Здесь произошла его встреча с Великим Князем Дмитрием Константиновичем, который посещал местный конный завод в качестве почетного главы «Общества поощрения коннозаводства рысаков». По его рекоменда-

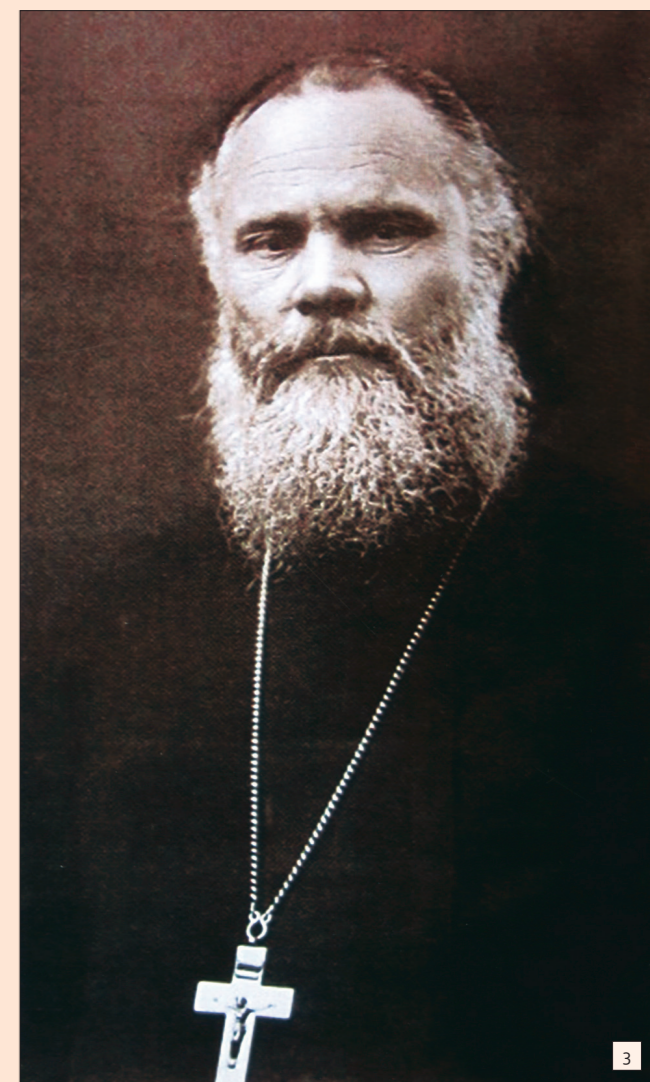
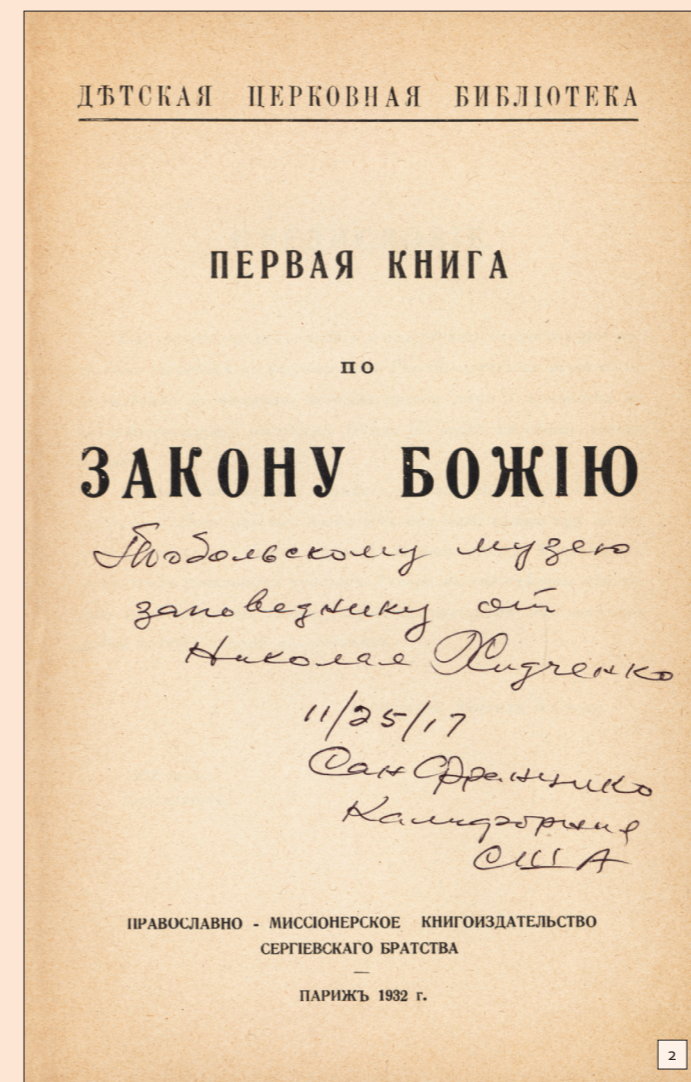
ции Леонид Колчев был приглашен будущим Императором Николаем II священником в Покровскую церковь императорского имени Ореанда в Крыму, а в 1905 году зачислен в штат придворного духовенства, в дальнейшем стал личным духовником Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны (1847-1928), Матери Николая II.

После революционных событий отец Леонид эмигрировал из России. В 1920-1924 гг. был священником в Константинополе, некоторое время служил в Париже, в дальнейшем являлся настоятелем церкви Святого Александра Невского, построенной Императором Александром III для своей супруги, урожденной датской принцессы Дагмар, Императрицы Марии Федоровны. Протоиерей продолжал оставаться ее духовником до конца жизни, а 30 сентября 1928 года вместе с митрополитом Евлогием принимал участие в похоронах Государыни, при погребении читал прощальную речь, которая очень тронула всех молящихся.

После кончины Императрицы отец Леонид стал духовником Ее Дочери Княгини Ольги Александровны и учителем внуков - Тихона и Гурия. Княгиня была лидером датской русской общины и, как художник, принимала активное участие в благотворительных выставках. После окончания Великой Отечественной войны Ольга Александровна с семьей была вынуждена переехать в Канаду.

Отец Леонид умер до ее отъезда - в 1944 году. Княгиня присутствовала на его похоронах в Дании.

В память об этом замечательном человеке Ольга Николаевна Куликовская-Романова, жена внука Императрицы Марии Федоровны, в настоящее время проживающая в Канаде и являющаяся председателем Благотворительного фонда имени Великой Княгини Ольги Александровны, написала книгу «Духовник Императрицы». Автор книги пишет: «...очень знаменательная для меня книга. Это - слово признания в любви к человеку, православному священнику, имеющему непосредственное отношение к нашей семье».

Духовная святыня

Абалакская икона Божией Матери занимает важное место в духовной жизни и истории нашего региона. Этот образ был написан в XVII веке для сельского храма, и уже тогда он начал почитаться как чудотворный. В конце XVIII века по Высочайшему Указу Императрицы Екатерины II был учрежден мужской Свято-Знаменский Абалакский монастырь с чудотворной иконой Абалакской Божией Матери «Знамение». Волею судеб почитаемый образ стал участником важных событий в жизни Императора Николая II и членов Его Семьи.

Е.О. Михайленко,
экскурсовод

Во время Восточного путешествия Наследник престола Цесаревич Николай Александрович первый раз побывал в Тобольске в 1891 году. В день его визита - 10 июня - икона находилась в Софийском соборе, поскольку накануне прошел ежегодный крестный ход, когда этот образ торжественно несли из Абалакского монастыря в город ко дню памяти Иоанна Тобольского (Максимовича). Цесаревич именно тогда впервые увидел подлинный образ одной из самых почитаемых сибирских икон. Подтверждение этому встречаем в «Тобольских Епархиальных Ведомостях», где Н.Скосырев сообщает, что под колокольный звон будущий Российский Император отправился в кафедральный собор, взошел на церковное крыльцо и на паперть собора, где остановился перед Животворящим Крестом в руках архипастыря Иустина, выслушав краткую и проникновенную речь архиерея. После этого благоговейно и коленопреклоненно помолившись, Его Высочество изволил приложиться к Чудотворным иконам Абалакской и Тобольской Божией Матери, ко святому кресту. Затем получил благословение Архипастыря Святой иконой Абалакской Божией Матери.

Между тем, обратный путь будущего Императора России лежал по Иртышу в Омск мимо Абалакской обители. Как известно из «Тобольских Епархиальных Ведомостей», ранним утром 11 июня пароход Николая был замечен с колокольни Абалакского монастыря. Народ, дежуривший пасмурной и холодной ночью на берегу

в ожидании знаменательного события, оживился. Духовенство монастыря ожидало появление царского парохода в полном облачении с хоругвями и иконами. За две версты до монастыря пароход был приветствован звоном во все колокола. Ранним утром обитель резко выделялась на высоком отвесном берегу и от лица своей покровительницы, Абалакской иконы Божией Матери, как бы благословляла дальнейший путь Наследника Российского престола.

В дальнейшем жизнь Царской Семьи еще много раз соприкасалась с почитаемым сибирским образом.

К празднованию 300-летия династии Романовых, когда буквально вся страна жила одним событием, Николаю Александровичу был преподнесен список чудотворной иконы Абалакской Божией Матери в серебряном окладе с золотыми венцами, размером 44,45 смх 53,34 см (12х10 вершков). Икону преподнесла депутация от Тобольской губернии, но по протоколу аудиенции с Государем было предписано только устное поздравление от делегаций. Подношение подарков было запрещено, но тоболяки заручились разрешением Святейшего Синода и непосредственно на церемонии поздравления в Зимнем дворце в Николаевском зале икону подносил тобольский протоиерей Дмитрий Смирнов. Сохранились воспоминания протоиерея об этом событии: «Освящена икона?» – спрашивает Государь. «Освящена, Ваше Императорское Величество», – таков был ответ протоиерея. Затем Государь

1

приложился к образу, но, однако же, вновь спросил от кого икона, и, получив разъяснение, произнес следующие слова: «Передайте всем Мою сердечную благодарность».

Спустя несколько лет вскоре после февральского переворота в августе 1917 года Царская Семья Николая II прибывает в Тобольск на пароходе «Русь» уже в совсем другой обстановке. Свобода их была заметно ограничена, Губернаторский дом требовал ремонта, поэтому первые дни приехавшие были вынуждены жить на корабле возле пристани, но небольшие прогулки по воде Им не воспрещались. Впоследствии эти обстоятельства спровоцировали слухи о том, что ссыльные побывали в Абалакском монастыре, данный факт отражен в воспоминаниях И.Я. Коганицкого, опубликованных в газетной заметке: «После тифа я с румынского фронта эвакуировался в город Тобольск, на свою родину. Я застал тобольский совет, ютящимся в небольшом старом домишке по Рождественской улице, а бывший дом губернатора, по приказу из Питера, приводился в порядок (лучший в городе дом) для бывшего Царя и Его Семьи. Разговоров среди обывателей по случаю приезда было невероятное количество. Наступил долгожданный день, – на рейде остановились пароходы с прибывшими. Не подходя к пристани, они стояли около суток и удалились. Стало известно, что «они соблаговолили поехать» в Абалакский мона-

3

стырь, в 25 верстах от Тобольска, чтобы отслужить молебен и приложиться к чудотворной Абалакской иконе. После возвращения бывшая царская семья поселилась в отведенном для нее доме».

Вероятно, с легкой руки И.А. Коганицкого эта информация оказалась в других публикациях и стала на удивление распространенной и сегодня, так как встречается не только в научно-популярной литературе, но и в серьезных научных изданиях.

По дневникам и другим документам известно, куда именно Царская Семья совершала прогулки по Иртышу и Тоболу. 8 (21) августа 1917 года – прогулка на пароходе по р. Иртыш до Чувашского мыса, через два дня – по реке Тобол, а 12 (25) августа – прогулка по Иртышу до Сузгунской сопки. Это доказывает, что Семья точно не могла посетить монастырь, а значительное количество неточностей, которые можно найти при внимательном прочтении всего текста И.Я. Коганицкого, свидетельствует о том, что автор недостаточно хорошо владел информацией и пробелы в знаниях восполнял слухами.

Испытывая определенные ограничения свободы, Семья увидела подлинный образ только 25 декабря 1917 г. (7 января 1918 г.) во время богослужения, когда икона была принесена к Рождеству в Благовещенскую церковь. Эта служба была омрачена неприятным происшествием. Как показал полковник Е.С. Кобылинский,

1. Абалакская икона Божией Матери
2. М.С. Знаменский. Рисунок «Крестный ход»
3. Абалакский монастырь. XIX в.

«Когда молебен стал подходить к концу, я вышел из церкви, чтобы приказать солдату созвать караул. Больше я в церковь сам не входил и конца молебна не слышал. Когда молебен кончился, и Семья вышла из храма, бывший там Панкратов сказал мне: «Вы знаете, что сделал священник? Ведь диакон отхватил многолетие Государю, Государыне и вообще всем, именуя их так. Солдаты, как услышали это, подняли ропот». Вот из-за этого пустячного, но совершенно никому ненужного поступка о. Васильева и поднялась целая история. Солдаты стали бунтовать и вынесли решение: убить священника или, по крайней мере, арестовать его. Кое-как, с превеликим трудом, удалось уговорить их самим не предпринимать никаких репрессивных мер, а подождать решения этого дела в Следственной комиссии. Епископ Гермоген тогда же услав о. Васильева в Абалакский монастырь, пока не пройдет острота вопроса...».

Николай II об этом инциденте узнал днями позже, о рождественской службе в своем дневнике Он оставил следующую запись: «25-го декабря. Понедельник. К обедне пошли в 7 часу в темноте. После литургии был отслужен молебен пред Абалакской иконой Божией Матери, привезенной накануне из монастыря в 24 верстах отсюда».

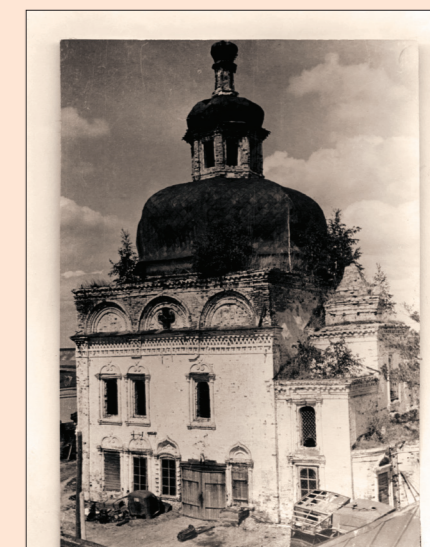
Поскольку в ходе событий, начавшейся вскоре Гражданской войны, чудотворная икона была утрачена, Рождественская служба в Благовещенском храме является одним из последних достоверных свидетельств о подлинном образе Абалакской Божией Матери. Царской Семье в дальнейшем два месяца запрещалось посещать церковь, в это время богослужения совершались в Губернаторском доме, что еще раз подчеркивает высокую религиозность Венценосных Узников. Еще накануне Рождественских праздников члены Семьи готовили подарки друг другу, слугам и солдатам. Вручали, в том числе, и иконки с изображением Абалакской Божией Матери, которую в дни заточения чтити особенно, словно доверяясь сибирской реликвии.

Эти рождественские подарки покинули Тобольск весной 1918 г. вместе с Царской Семьей. Спустя несколько месяцев после трагических событий в Екатеринбурге, началось следствие, и была составлена опись сохранившихся вещей, принадлежавших Романовым.

В этой описи можно встретить такие свидетельства: «Был обнаружен образ Пресвятой Богородицы Абалакская. Внизу справа - св. Мария Египетская, а слева - св. Николай Чудотворец. Среднего размера, чеканен на гипсе на деревянном основании, в красках и, как бы, в золотой ризе. Обратная сторона крашена голубой краской и на ней рукою Государыни начертан крестик, а под ним написано: «Дорогой Татьяне благословение на 12 января 1918 г. Тобольск. Папа и Мама».

Также были обнаружены еще две иконки Пресвятой Богородицы Абалакской, одна маленького размера, чеканенная на гипсе и на деревянном основании, в красках и как бы в золотой ризе. На обороте, рукою Государыни, поставлен крестик и написано: «Т. Спаси и Сохрани. Мама. Елка 1917 г. Тобольск». На другой иконке на обороте, рукою Государыни, начертан крестик и написано: «А. Спаси и Сохрани. Мама. Елка 1917 г. Тобольск».

Образ Абалакской Божией Матери на сегодняшний день (как и сто лет назад) является одной из самых достоимых в Сибири, многочисленные списки, сделанные в разное время, хранятся практически в каждом храме Тобольска. Восстановлен мужской монастырь, возрождены ежегодные крестные ходы, ведутся поиски подлинной иконы XVII века. Важной частью этих процессов, уходящих в историческое прошлое, является память о том, что в Тобольске Венценосные Узники прикоснулись к Образу Абалакской Божией Матери, который в дальнейшем сопровождал их вплоть до момента трагической гибели.

Абалакский собор 1907

4

Молитвами и стараниями женской обители

В фондах Тобольского историко-архитектурного музея-поведника хранятся документальные свидетельства, связанные с пребыванием последнего российского Императора Николая II и Его Семьи в г. Тобольске: «Счета из Иоанно-Введенского монастыря на продукты питания, выписанные в буфет для проживающих в бывшем Губернаторском и Корниловском домах с 12 августа 1917 по 19 мая 1918 гг.».

Как известно, в г. Тобольске с 1917 по 1918 гг. в помещении бывшего Губернаторского дома находилась под конвоем вся Семья Государя Николая II, а свита размещалась - напротив, в доме Корнилова. Местные жители участливо отнеслись к заключённым: приносили пищу; проходя мимо окон, снимали шапки и кланялись; издали крестили Узников. Участие в жизни Царской Семьи принял Иоанно-Введенский (Ивановский) женский монастырь, расположенный близ г. Тобольска.

Иоанно-Введенский женский монастырь был одной из древнейших и крупных обителей Тобольской епархии. Началом его основания считается 1653 г., когда архиепископом Симеоном в селе Ивановском (ранее татарская д. Шанталык) был заложен мужской монастырь и построен деревянный храм во имя святого Иоанна Предтечи. По преданиям, место для создания

обители указала Сама Пресвятая Богородица через чудотворный Свой образ Знамение. Обитель располагалась между двумя возвышенностями и получила название Иоанновская междугорская пустынь. Первый храм просуществовал 99 лет и в результате случившегося в обители пожара был утрачен. В связи с чем, Митрополитом Сильвестром были заложены каменная церковь во имя Иоанна Предтечи и монашеский корпус. В 1811 г. устроена церковь Казанской Божией Матери (Введенская), в которой, до Октябрьской революции, находился особо почитаемый образ Почаевской Божией Матери, привезенный из Почаевской лавры в 1836 г. дьяконом Василием Симоновым.

В хозяйственном плане долгие годы монастырь был беден, земли, которые принадлежали обители, были неплодородными, озера - малорыбными. Нередки были случаи, когда монашествующей братии приходилось отста-

В.С. Туташева,
старший научный сотрудник
Э.Г. Бурнашев, к. и. н.,
главный научный сотрудник

ивать права на монастырские угодья и, соответственно, бороться с неминуемым разорением.

Так, в 1823 г. на высочайшем уровне, с привлечением Министерства Духовных дел и Народного просвещения, Министерства финансов, а также Св. Синода, разбирались непростое дело о землях междугорского Ивановского монастыря. Содержание дела сводилось к следующему.

В 1653 г. при основании Ивановского монастыря покойный Преосвященный Симеон оставил грамоту, в которой описывались земли, отчисленные от архиерейских вотчин на содержание обители. В данной грамоте не были отмечены размеры и количество монастырских вотчин, но было дано описание, из которого следовало, что обители принадлежали угодья, пашенные и сенокосные земли, находящиеся за р. Шанталык и угодья по р. Сузгунке.

В 1762 г. вследствие проведения реформы секуляризации Петром III Тобольская консистория доносила Сибирской губернской канцелярии о том, что «за Ивановским монастырем деревень и крестьян нет», и что «из казны жалования на содержание обители не производилось». Довольствовался монастырь исключительно от пахотных земель, сенокосов и рыбных ловель, а также от двух мельниц, расположенных на р. Шанталык.

В свою очередь, 3-й и 4-й пункты указа 1762 г. предписывали: «Которым монастырям и пустыням из казны дачи не бывало и деревень за ними нет, тем быть на таком же содержании, чем они по ныне довольствовались».

Вследствие содержания этих пунктов Сибирская губернская канцелярия постановила оставить при монастыре две мельницы, по справкам и описи принадлежавших монастырю, а для описания и размежевания земли отправить землемера Рышкова.

1. Открытка фотографическая. Иоанно-Введенский женский монастырь.

2. Письмо открытое - Carte postale. «Тобольск. Ивановский монастырь».

По составленному Рышковым плану было отмечено, что земли у монастыря оказались: пахотной 190 дес., «неудобной» - 1190 дес. с половиною, из которой, по вычистке леса, можно было пахотной земли использовать - 300 дес. и сенокосов - 170 дес. По этому плану размежевания губернская канцелярия утвердила отмеченные земли за Ивановским монастырем.

Однако уже в 1786 г. Преосвященный Варлаам сообщил в Тобольское наместническое правление, что в прошлом 1775 г. губернской канцелярией по распоряжению тобольского губернатора Д.И. Чичерина от междугорского Ивановского монастыря была отмежевана земля, называемая - Борзовая. Губернатор передал эту территорию в вечное владение купцу Кашину для заведения фабрики, но в связи со смертью последнего в 1786 г. земля была выставлена на торги. В связи с чем, Преосвященный Варлаам в своем обращении просил не продавать эту землю, а вернуть монастырю.

Сложившаяся ситуация привела к новому разбирательству по делу о монастырской земле. По требованию нижней расправы, землемер Зверев определил, что отданная купцу

Кашину земля составляет 632 дес. 600 саж. После чего Сибирская губернская канцелярия, определив действия губернатора Чичерина незаконными, приняла решение земли оставить монастырю.

28 июля 1800 г. землемером Плотниковым были произведены новые измерения земель, принадлежавших Ивановскому монастырю. В плане было отмечено 1836 дес. 1862 саж. пахотной земли и 419 дес. 615 саж. «неудобной». Плотниковым также было отмечено, что в окрестность монастырской земли входит деревня Жукова и село Ивановское, на угодьях которых, после незаконного отчуждения земель от монастыря губернатором Чичериным, проживало порядка 20 крестьян, плативших государственную подать. Эти обстоятельства и послужили началу длительного земельного процесса, завершившегося только в 1823 г.

Хотя ранее, в 1808 г., Казенная палата обращалась к настоятелю Ивановского монастыря отцу игумену Гавриилу с просьбой спорные земли, особенно угодья деревни Жуковой, оставить в пользовании живущих там крестьян, во избежание, в следствие переезда на другие земли, полного их разорения. Монастырю взамен выше указанных предлагались земли пустопорожных мест. На это предложение игумен Гавриил ответил, что нет поблизости земель, которые могли

бы заменить угодья с. Ивановского и д. Жукова. Поэтому в своем рапорте в Тобольскую казенную палату отец Гавриил просил крестьян с принадлежащих монастырю территорий съехать или остаться, но при условии выplat обители поземельной пошлины.

Таким образом, не найдя решения данной проблемы на местном уровне, в земельный вопрос вовлекли высшие инстанции. В 1823 г. Св. Синодом, Министерством Духовных дел и Народного просвещения и Министерством финансов, после изучения всех обстоятельств дела, было принято кардинальное решение. На основании того, что в 1803 г. указом Св. Синода Ивановский монастырь был помещен в штат, по которому получал из казны 300 руб. в год на содержание, обители указано оставить в вечном владении только 30 дес. земли, одну мельницу и рыбную ловлю, а в остальном довольствоваться из казны жалованьем. Остальную монастырскую землю было приказано передать в пользование крестьян с. Ивановского и д. Жуковой.

К середине XIX в. численность монастырской братии значительно сократилась, монастырь почти опустел, хозяйство пришло в упадок. В 1854 г. архиепископ Тобольский Евлампий обратился в Святейший Синод с просьбой перевести оставшуюся братию (которой к тому вре-

мени и насчитывалось всего два человека) в Абалакский мужской монастырь, а Иоанновскую обитель преобразовать в женскую. После этого судьба монастыря решалась в различных инстанциях почти 12 лет, и лишь 15 сентября 1864 г. был издан указ Государя Императора об учреждении женского Иоанно-Введенского трехклассного монастыря Тобольской Епархии вместо мужского.

Открытие монастыря торжественно было совершено Преосвященным Варлаамом в присутствии Начальника губернии Деспота-Зеновича и многих почтенных лиц г. Тобольска. 27 декабря 1864 г. с молитвой вступила женская обитель на житейское поприще и при трудных обстоятельствах с первых же шагов определила характер своей будущей деятельности. Благодаря стараниям игумений и сестер, обитель выросла в целый каменный городок: в 1893 г. была построена церковь-усыпальница во имя усекновения главы Иоанна Предтечи, в 1900 г. – двухэтажная трехпрестольная церковь во имя Святой Троицы, ставшая самым большим храмом в Тобольской епархии, в 1916 г. – больница и богадельня.

Вся жизнь монастыря была строго распределена между сестрами: присмотр за чистотою, работы полевые, уход за скотом, наблюдение за мельницей, пасекой – все это исполнялось самими сестрами. Обитель старалась обойтись без наемного труда. С этой целью в монастыре были заведены мастерские: сапожная, столярная, живописная и рукодельная. Иконы, писанные при монастыре сестрами, распространялись и по многим другим храмам епархии. В 1868 г. Великому Князю Владимиру Александровичу, посетившему монастырь, была подарена работа сестер обители – икона Иоанна Предтечи, шитая золотом. Владимир Александрович принял подарок, а монастырю пожертвовал 50 рублей и свою фотографию.

Богослужение в монастыре совершалось чинно, стройно, с соблюдением монастырского Устава. Сестер в обители к концу XIX в. насчитывалось 225 человек. Были из старших сестер и старицы, принявшие великую ангельскую схиму. Все годы своего существования монастырь занимался миссионерской деятельностью, сестры обители не только безвозмездно содержали на своём счету

миссионерскую школу с приютом для детей крестьян из окрестных селений и богадельни, но активно помогали стране в самые трудные для неё времена. После вступления России в Первую мировую войну, которая началась в 1914 г., монастырь активно помогал фронту деньгами, продуктами, одеждой. Многие сестры обители служили в Тобольской губернской общине Красного Креста по уходу за больными. Монастырь делал постоянные пожертвования в пользу Общества Красного Креста, а также в пользу беженцев.

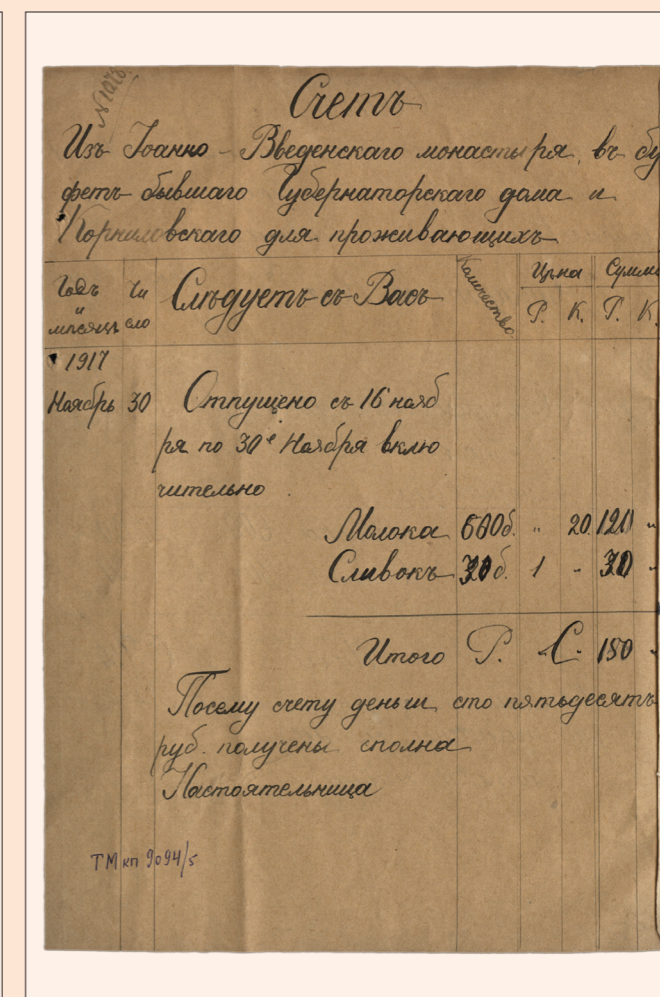
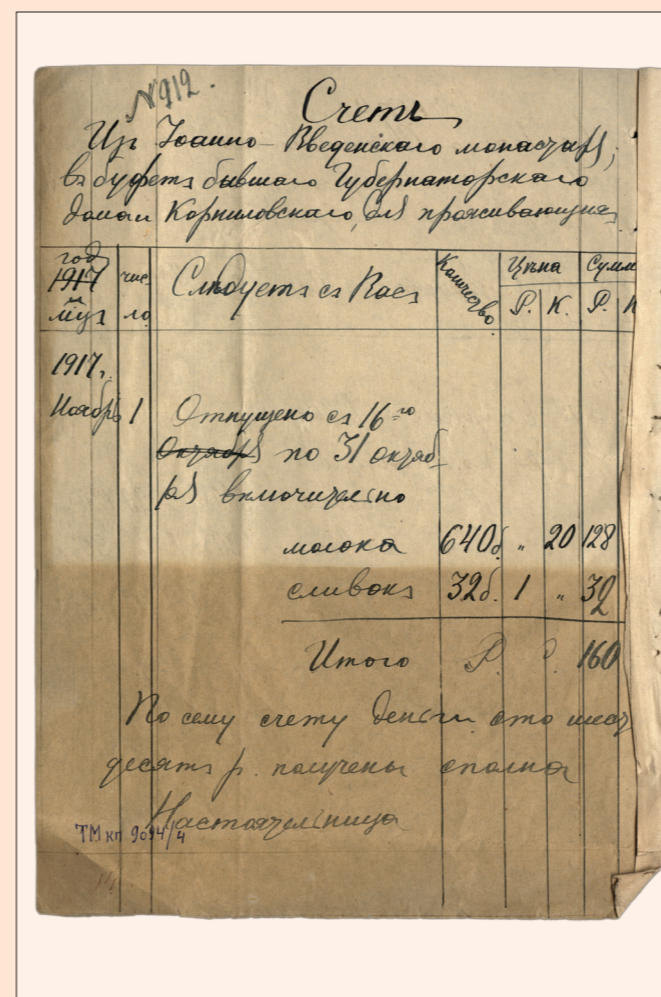
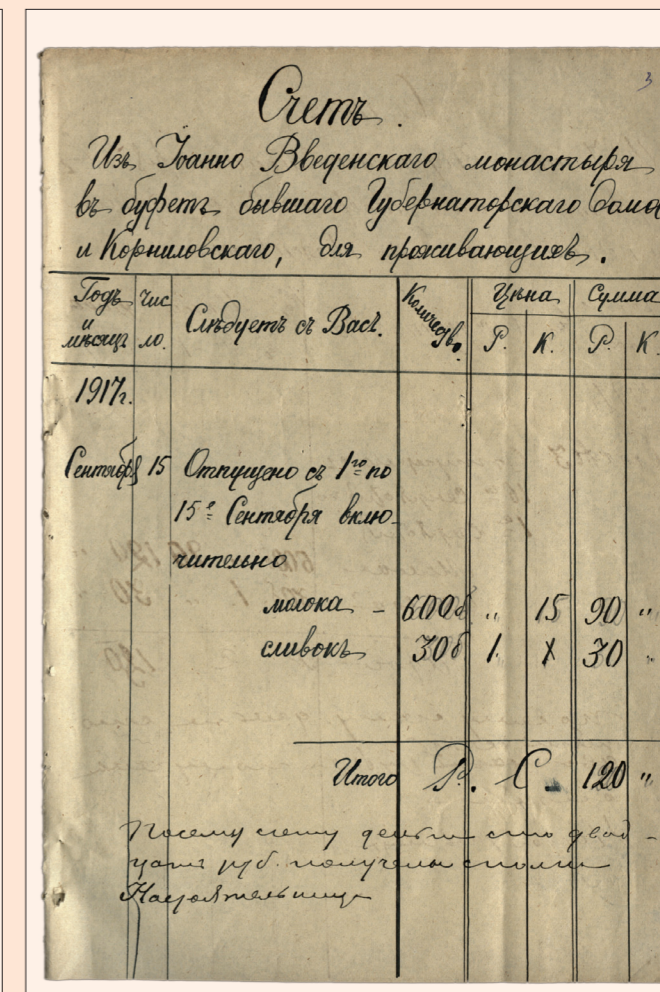
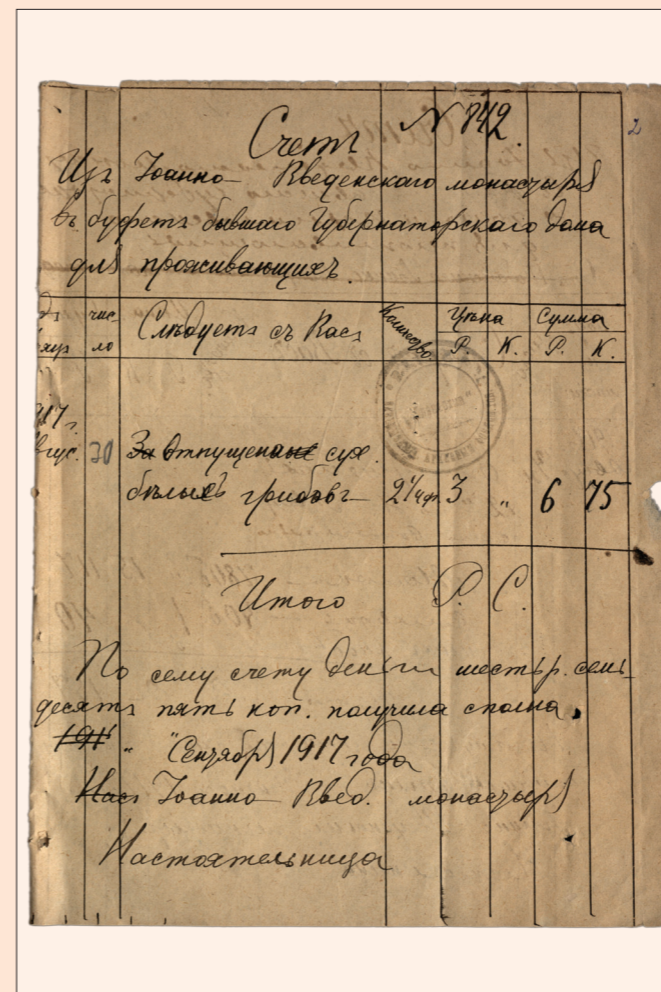
Сестры Иоанно-Введенского монастыря приняли активное участие и в судьбе Царственных Узников, находившихся в тобольской ссылке. 25 октября (7 ноября) 1917 г. в Петрограде произошёл большевистский переворот. С приходом известия о смене власти в столице отношение к Государю, Его Семье и свите резко изменилось к худшему. В Тобольске был организован Солдатский комитет, который стремился ввести всяческие изменения и ограничения. Царской Семье ограничили посещение церкви, разрешили бывать там впредь лишь по большим религиозным праздникам. Солдатский комитет взялся и за рацион питания Царя. В феврале 1918 г. Романовых переводят на солдатский паек, так как новая власть заявила, что не имеет средств содержать Семью Императора и деньги на содержание Августейших Особ выделять перестали. В это время со стола Узников исчезли кофе, сливки, масло, не хватало сахара. За обеспечение Романовых молочными продуктами взялся Иоанно-Введенский женский монастырь. Монастырь присылал все, что мог: молоко, яйца, масло, сливки, мед, муку и другие припасы. При поддержке Иоанно-Введенского монастыря для домочадцев проходили церковные службы. Сестры Иоанно-Введенского монастыря, исполнявшие обязанности певичих во время домашнего богослужения, ухитрялись доставлять Узникам духовные книги, передавая их через прислугу, чем доставляли Им большое утешение. Эти девушки-певичих говорили, что они считали для себя великим счастьем быть в покоях и видеть Великих Страстотерпцев, и всякий раз ощущали непонятное для них трепетное сердечное благоговение, а пели с необыкновенным подъемом духа и воодушевлением: «Мы без слез

умилительного сожаления, – говорили они, – не могли смотреть на этих царственных страдальцев. Поем церковные песнопения, а у самих слезы льются из очей». Нельзя не отметить той великой любви монахинь женского монастыря, которую они оказывали в трудные минуты Государю и Его Семье. «Дары небес», – называла их Императрица. В память об этом внимании и заботе, проявленной сестрами монастыря к Императорской Семье, уже в настоящее время, после Её прославления, специально для монастыря была написана икона Царственных Страстотерпцев. Сейчас она находится в храме св. Иоанна Предтечи, перед ней горит неугасимая лампада.

С приходом советской власти жизнь монастыря практически прекратилась, что было обусловлено помощью бойцам Белой гвардии, временно расквартированным около монастыря в 1919 г., и поддержкой, оказываемой монахинями последнему Императору России Николаю II, отбывавшему ссылку в Тобольске. В 1923 г. монастырь закрыли, вывезли все ценное, а Троицкий собор просто взорвали. Старших сестер вместе с игуменией судили и отправили в заключение, но обитель просуществовала еще 10 лет под видом сельскохозяйственной артели. Наконец, сестер окончательно разогнали, освободив помещение под детский интернат, на смену которому пришла воинская часть. Воинская часть на территории Ивановского монастыря находилась до начала 1998 г. В январе того же года руководство Тобольско-Тюменской епархии обращается в Министерство обороны о выводе воинской части с территории обители, и уже в марте здание передали церкви. Иоанно-Введенская обитель вновь открылась в 1998 г. после масштабной реставрации. Сейчас монастырь действует. Сохранились два храма (Серафима Саровского и Иоанна Предтечи), часть каменной ограды с воротами и угловой башней, многочисленные хозяйственные постройки. В монастырь вернулись некоторые иконы, вывезенные и спрятанные после революции, часть из них признана чудотворными.

На странице справа:

Счета из Иоанно-Введенского монастыря в буфет бывшего Губернаторского дома и дома Корнилова для проживающих. г. Тобольск. 1917 г.

Музейное дело в Тобольске (1917-1918 годы)

Основанный в 1870 году при статистическом комитете Тобольский музей к 1917 году имел высокий общественный статус. Это было не просто хранилище коллекций. Музей успешно сотрудничал с центральными и местными научными, общественными организациями, здесь читались доклады, лекции, велась издательская деятельность.

Ж.Б. Праскунова,
старший научный сотрудник

К этому времени музей принял участие в нескольких выставках, например, во всемирной Парижской в 1900 году, во всероссийских Московской и Нижегородской в 1895 и 1896 годах соответственно. Было организовано множество этнографических, археологических экспедиций для изучения Севера Тобольской губернии. Все это служило важным источником пополнения отделов палеонтологии и геологии, этнографии, сельского хозяйства, кустарной промышлен-

ности, рыбопромышленности, археологии и истории, естественно-исторического. У музея была своя библиотека, в которой к 1918 г. насчитывалось более 25 тысяч томов. Работала Метеорологическая станция, перешедшая в ведение музея с конца ноября 1899 г.

На протяжении 10 лет консерватором музея был Василий Николаевич Пигнатти, филолог, юрист. Но в марте 1917 г. его избирают председателем комитета общественного спокойствия, а позже – губернским комиссаром. С 5 мая 1917 г. обязанности консерватора стал временно исполнять Василий Александрович Ивановский.

Под его редакцией изданы XXVIII выпуск «Ежегодника Тобольского губернского музея», «Путеводитель по Тобольскому Губернскому музею», под его руководством и при его непосредственном участии приводились в порядок коллекции. Смотрителем музея Т.П. Гладышевой и ее помощницей О.А. Куминовой составлены каталоги, указатели, перенумерованы витрины, у предметов появились печатные цифровые ярлычки, кроме того, в витринах теперь можно было увидеть печатные карточки с обозначением названий коллекций. Все было приведено в соответствие с «Путеводителем по Тобольскому

В.Н. Пигнатти. Консерватор Тобольского Губернского музея с 1908 до 1918 г.

Губернскому музею», чтобы он стал настоящим помощником посетителей.

Материалами музея пользовались ученые, исследователи, сотрудники различных учреждений, велась активная переписка. Так, помощник заведующего Землеустройством и Переселением в Тобольской губернии занимался сбором информации для разработки проекта аграрной реформы, делал снимки и копии с диаграмм и документов.

В Научном архиве музея сохранилось письмо Л.А. Шелюшко из Киева, увлеченного энтомологией. С целью собрать в своей библиотеке по возможности полную литературу по бабочкам России, он просит сообщить «... имеются ли в трудах, издаваемых музеем, какие-либо работы по этому поводу...», не согласится ли кто-нибудь уступить ему бабочек местного края.

Сохранилось также письмо из Москвы от 31 января 1917 г., в котором Правление Агрономического кружка изучения Сибири при Московском сельскохозяйственном институте благодарит за присланный «Ежегодник» за 1916 г., «...покорнейше просит выслать еще

«Ежегодник» за 1915 г., так как в библиотеке кружка в ряду других нет таких».

А.А. Павлов из Тифлиса 20 января 1917 г. пишет в Распорядительный Комитет: «Прочитав присланный мне ... «Ежегодник» Вашего Губернского музея спешу выразить мою глубочайшую благодарность за то академическое наслаждение, которое принесли мне...»

А надо сказать, что поначалу издание «Ежегодника Тобольского Губернского музея» было встречено скептически. Но со временем им стали интересоваться не только российские, но и заграничные ученые, ведь в нем публиковалась масса ценнейших материалов о нашем крае.

24 января 1917 г. пришло письмо от А.П. Новикова с просьбой выслать ему, по-видимому, фотографию с картины художника С.В. Иванова «В лесу»:

«Имея намерение в ближайшем будущем издать исследование о первом насадителе христианства на Урале митрополита сибирского и Тобольского Филофея, имею честь просить Вас выслать малый фотографический снимок с картины, находящейся в вашем музее. В ближайшее время я имею честь выслать в дар музею ряд своих трудов о Прикамье и альбомы древностей Пермского края, а также автограф митр. Филофея».

Музей всегда был готов помочь всем, а также всегда был рад новым экспонатам, которые поступали путем обмена, пожертвований, приносились в дар различными лицами и учреждениями, а при наличии средств – закупались.

На начало 1917 г. в фондах музея насчитывалось 6465 предметов, на конец 1918 г. - 6552. Таким образом, за 2 года в музей поступило 88 предметов.

В отчете консерватора музея за 1917 год среди поступлений особенно отмечены предметы, переданные В.Н. Пигнатти в археологический отдел, пополнился и отдел этнографии, сельского хозяйства, естественноисторический.

В 1918 г. комендант отряда особого назначения Е.С. Кобылинский передал в музей личные вещи Семьи последнего Российского Императора Николая II. Поступили также изделия из кости, китайские монеты, гербарий, собранный у д. Абрамовой Городковым.

1917-1918 годы были для музея очень трудными, ведь финансовая поддержка от государства в силу объективных причин не поступала. Покупка дров, плата за электроэнергию, за телефон, жалованье служащим – на все нужны деньги.

В ноябре 1917 г. Распорядительный комитет Тобольского Губернского музея отправляет письмо в Департамент Земледелия:

«Департаментом ежегодно ассигновалось 3500 руб. - пособие на расходы по содержанию. Так как и в текущем году музей существует за счет, главным образом, пособий со стороны разных учреждений, то Распорядительный Комитет просит не отказать в скорейшем отпуске упомянутой выше суммы...»

В научном архиве хранится копия письма, отправленного в Петроград 23 ноября 1917 г.: «Губернский музей испытывает ввиду современных условий крайнюю нужду в средствах, почему просит о скорейшем удовлетворении своего ходатайства об ассигновании 3500 руб...»

В декабре того же года Распорядительный комитет снова пишет в Департамент земледелия:

«В виду крайней нужды у музея в денежных средствах Распорядительный комитет вновь покорнейше просит Департамент не отказать в скорейшем ассигновании 3500 руб...»

А 16 января 1918 г. Тобольский Губернский музей получает из Тобольского Губернского управления предписание:

«Ввиду наступления первой половины года, Губернское управление ... просит ныне же уплатить сему управлению 32 руб. 50 коп., причитающиеся за пользование телефонной сетью в течение этой половины года по числу одного аппарата. Абонентская плата увеличена по случаю дороговизны жизни».

Старший лесной ревизор 17 февраля 1918 г. обращается в Тобольский Губернский музей: «3 февраля 1917 г. ... был подан счет на отпущенные дрова для нужд Губернского музея в количестве 80 саж. на сумму 480 руб., которые я просил сдать в казначейство для зачисления их в депозит Управления Земледелия и Государственных имуществ. Не получая до сего времени никаких сведений о сдаче их, вторично прошу Губернский музей не отказать сооб-

О.А. Куминова. Смотритель Тобольского Губернского музея. 1918 г.

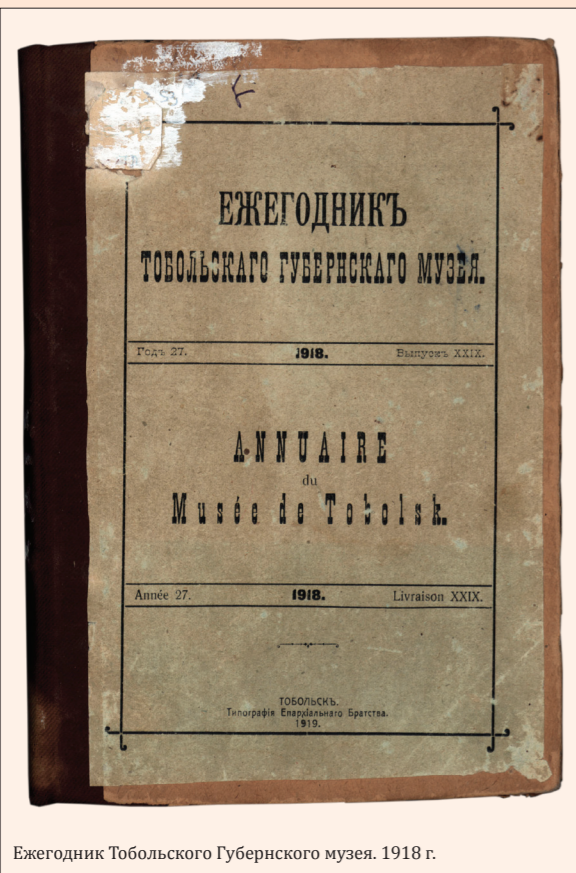
шить мне когда и за каким № квитанции сданы упомянутые деньги в казначейство».

Но платить музею было нечем.

Между тем, работал музей ежедневно, кроме понедельника, с платой за вход со взрослых – 20 копеек, с детей и учащихся – 10 копеек. В фондах музея сохранились корешки билетов того времени. С 1 июня 1918 г. Распорядительный Комитет увеличил плату за вход: с 10 до 20 копеек, с 20 до 50 копеек. Но повышение платы не отразилось на количестве посетителей. Если в 1917 г. в музее побывало 3355 человек, то в 1918 году – 4421. Особенно много желающих приобщиться к истории Тобольской губернии приходило в летние месяцы, причем за август 1918 г. было продано 800 билетов, за июнь - 756.

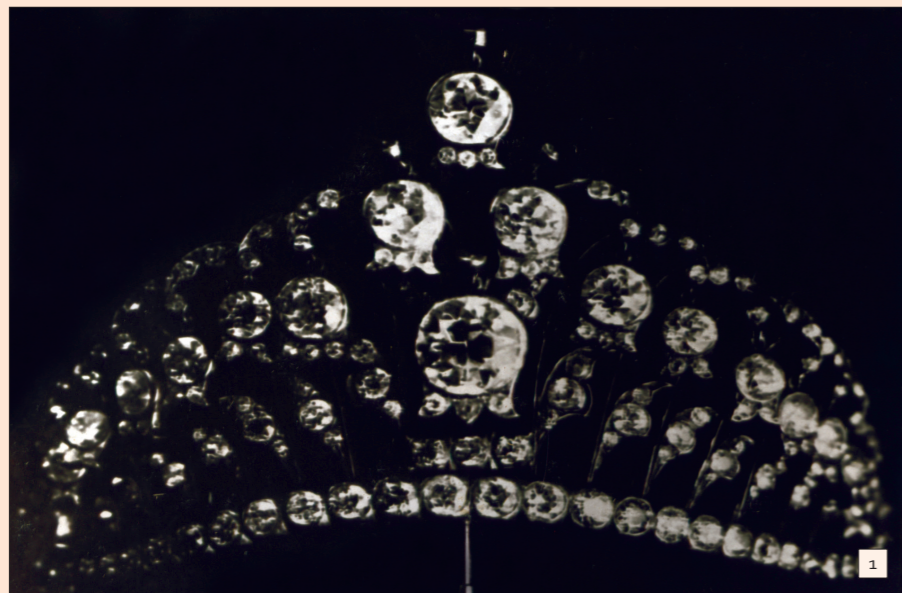
Музей во все времена своего существования был интересен для всех, так и он остается и до сих пор.

Конечно, период с 1917 по 1918 годы деятельность Тобольского Губернского музея не была такой активной, как раньше, поступления предметов очень сильно сократились, экспедиции не организовывались. И все же музей работал, сотрудники, несмотря ни на какие катаклизмы в стране, наводили порядок в коллекциях, проводили сверки наличия, приводя каждый предмет в экспозиционный вид, смогли сохранить бесценные экспонаты от разграбления.

Ежегодник Тобольского Губернского музея. 1918 г.

Сибирские схроны царских драгоценностей

Судьба последнего российского Императора Николая II и его Семьи таинственна трагична. История Царственных Мучеников вот уже на протяжении ста лет окутана множеством тайн, раскрыть которые историкам не удается до сих пор. Одной из неразгаданных тайн династии Романовых стали исчезнувшие драгоценности.

Царская Семья трагически погибла в Екатеринбурге в июле 1918 года, примерно в это же время появился Декрет Совета Народных Комиссаров «О национализации имущества низложенного Российского императора и членов бывшего императорского дома». В 1-й статье этого документа сообщалось, что «Всякое имущество, принадлежащее низложенному революцией российскому императору Николаю Александровичу Романову, бывшим императрицам Александре и Марии Федоровнам Романовым и всем членам бывшего российского императорского дома, в чем бы оно ни заключалось и где бы оно ни находилось, не исключая и вкладов в кредитных учреждениях, как в России, так и за границей, объявляется достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Ниже было указано: «Все лица и учреждения, знающие о месте нахождения имущества, указанного в статье 1-й настоящего декрета, обязаны в двухнедельный срок со дня опубликования настоящего декрета представить соответственные сведения в Народный

Комиссариат по Внутренним делам. За умышленное несообщение указанных в настоящей статье сведений виновные подлежат ответственности, как за присвоение государственного достояния».

На поверку оказалось, что от огромной фамильной коллекции почти ничего не осталось. Семья Императора Николая II, отправляясь в ссылку из Царского Села в Тобольск, забрала все свои ценности, а также множество вещей домашнего обихода и одежды, поместившихся в нескольких вагонах. Без сомнения, в багажах, содержимое которых никто не проверял, покоилась коллекция личных ювелирных изделий, состоящая из нескольких сотен предметов. Чуть позже в г. Тобольск доставили и другие ценности, оставленные в Александровском дворце. Среди них – драгоценные кинжалы, шашки, сабли, бриллиантовые диадемы Императрицы и Княжон.

По понятным причинам не существует полного списка всех царских сокровищ, имевшихся у Семьи Романовых в г. Тобольске. Частично его можно представить опираясь на данные о

Л.З. Каримова,
старший научный сотрудник

найденных драгоценностях в печально известном Ипатьевском доме, а также при сожжении и уничтожении тел погибших в окрестностях Екатеринбурга. Это бриллианты, зашитые в одежды Великих Княжон и Императрицы, и несколько десятков золотых вещей. Все эти предметы комиссар Я.М. Юровский немедленно отвёз в Москву, где сдал коменданту Кремля П.Д. Малькову. Их набралось три тяжёлых огромных ящика. Часть малоценных вещей, ранее принадлежавших Романовым, по распоряжению Уральской коллегии финансов в августе 1918 года была переплавлена в слитки: серебра – 1 пуд 6 фунтов и золота – 1 фунт 21 золотник.

Достаточно много ювелирных изделий, принадлежавших Царской Семье, было обнаружено во время обысков, проводившихся следственной комиссией, образованной по распоряжению адмирала А.В. Колчака (золотые медальоны, кольца, образки, крестики и запонки).

Тем не менее, несмотря на внушительное количество найденных ценностей, это было далеко не все, что привезли с собой Царственные Узники в Сибирь. Как оказалось, основную часть своего состояния Они оставили в Тобольске. Данные факты только приподнимают завесу с тайны, скрывающей историю императорских драгоценностей в древней сибирской столице.

По материалам дела, касающимся поиска «романовских ценностей», известно, что первоначально новая власть не подозревала о спрятанных драгоценностях Семьи. Лишь в 1922 году, когда в стране началось изъятие предметов церковного культа, неожиданно выяснилось, что в Иоанно-Введенском женском монастыре в городе Тобольске, где некогда находилась в ссылке Семья последнего российского Императора, были спрятаны царские сокровища. Масштабный поиск «романовских ценностей» длился без малого 20 лет.

По одной из версий, часть царских сокровищ Императрица Александра

Федоровна в 1918 году передала на хранение игуменье Иоанно-Введенского женского монастыря Дружининой.

Игуменья хранила царские ценности вплоть до весны 1923 г., во время ареста она умерла, не дав никаких показаний. Однако стало известно, что тайну царских сокровищ хранила также монахиня Марфа Ужинцева. Она была арестована в 1933 году, доставлена в город Свердловск. При допросе подтвердился факт укрытия в монастыре царских ценностей. Выяснилось, что камердинер Царя Т.И. Чемодуров тайком вынес из охраняемого Губернаторского дома сверток с драгоценностями и передал его на хранение игуменье Дружининой. После ее смерти хранителем сокровищ на протяжении нескольких лет стала Марфа Ужинцева. Позже она обратилась за помощью к бывшему рыбопромышленнику Василию Корнилову. Царские сокровища были спрятаны в подвале его дома в нижнем посаде на улице Декабристов, № 1. В октябре 1933 года в этом доме были

1. Диадема с бриллиантами белой воды
2. Колье бриллиантовое из жемчуга с бриллиантом в 3 карата
3. г. Тобольск - дом, в котором хранились царские ценности.

произведены раскопки, но, как оказалось, они ничего не дали.

Уже в ноябре 1933 года был арестован В.М. Корнилов. Он действительно принял на хранение царские ценности, «закрывающиеся в бриллиантовых 2 диадемах (коронах), ряде других крупных бриллиантов и золотых крестов». Все драгоценности были спрятаны в две стеклянные банки со свертками, обернутыми ватой и бумагой. При этом Василий Корнилов утверждал, что содержимым этих свертков он не интересовался. Эти банки были опущены в деревянные бочонки и закрыты в подвале под бревнами на глубину в 1,5 метра. После раскулачивания в 1928-1929 годах Василий Корнилов выехал сначала в Свердловск, затем в Казань с женой, а судьбой оставленных царских драгоценностей больше не интересовался.

20 ноября 1933 года в подвале дома Корнилова произвели повторные раскопки. Ценности обнаружили. В результате в руки ОГПУ попала самая богатая и самая ценная часть сокровищ Царской Семьи.

Список найденных ценностей, среди которых находились бриллиантовые броши, диадемы Княжон, булавки, паннагии, кулоны, цепи, часы, кольцо, ожерелья, браслеты, кресты, подвески и тому подобные изделия из драгоценных металлов, украшенные эмалью и усыпанные драгоценными камнями, всего насчитывалось 154 пункта. В общей сложности 8 кг украшений, в числе которых алмаз в 100 карат и брошь в виде полумесяца, полученная Николаем II в 1913 году от турецкого султана к 300-летию Дома Романовых. «Всего изъято ценностей по предварительной оценке экспертов, на сумму в три миллиона двести семьдесят тысяч шестьсот девяносто три золотых рубля (3 270 693 руб.)».

Но и эти сокровища лишь часть утраченного огромного состояния, оставленного в Тобольске. Все дальнейшие поиски не приносили успеха.

По некоторым сведениям, тайну царских ценностей хранил и священник Благовещенской церкви отец Алексей Васильев. Из материалов дела следовало, что в 1918 году он был введен в Дом Романовых по представлению епископа Варнавы. Поскольку о. Алексей Васильев вел церковные службы в Тобольской Благовещенской церкви, которые некоторое время посещали Романовы, он был вхож в Губернатор-

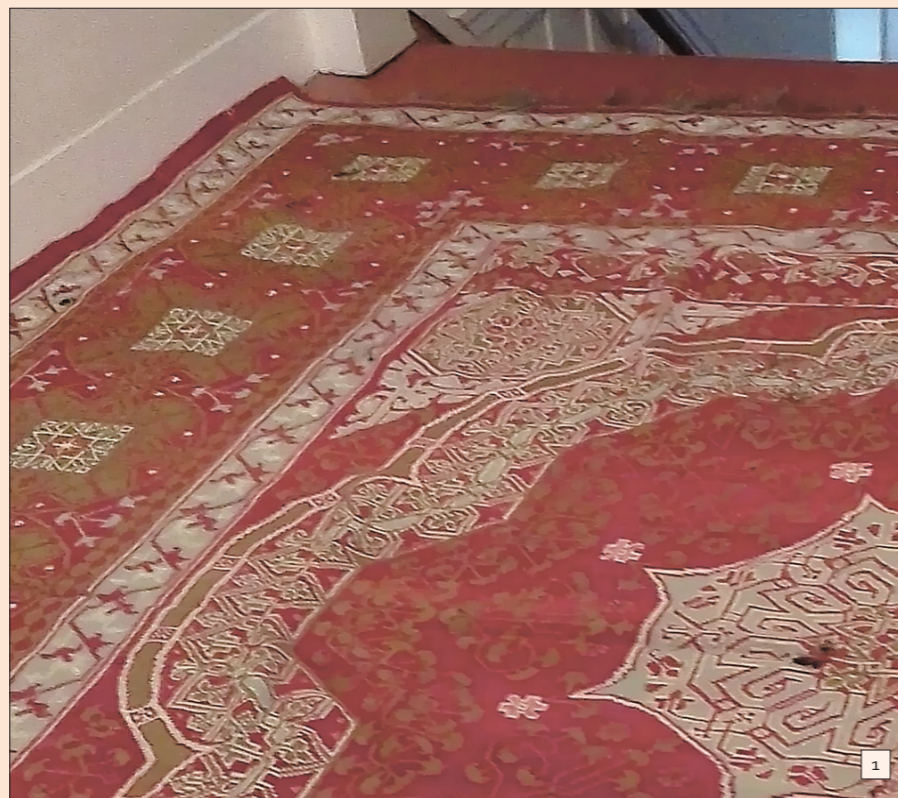
ский дом и получил особое расположение Императорской Семьи. Однако результаты этого расследования ничего не дали. В 1930 году Алексей Васильев умер. На допросах в 1934 году его родные рассказали, что на хранение ему были переданы золотая шпага Наследника Алексея Николаевича и чемодан с золотом и бриллиантами весом не менее пуда. Эти царские предметы так и не были найдены.

По материалам следствия проходил также начальник охраны полковник С.Е. Кобылинский, расстрелянный в 1934 году за контрреволюционную деятельность. Из показаний его жены выяснилось, что из охраняемого «Дома Свободы» С.Е. Кобылинский по просьбе Царя вынес шкатулку, наполненную золотом и драгоценными камнями, которую он в 1918 году отдал на хранение тобольскому пароходовладельцу Константину Печекосу. Сначала он вообще отрицал даже факт знакомства с С.Е. Кобылинским и лишь на очной ставке с женой полковника сознался, что взял у него на хранение пакет с двумя кинжалами и двумя шашками, принадлежавшими Николаю II и Цесаревичу Алексею. Эти вещи он, якобы, спрятал в доме своего брата Александра в Омске по Надеждинской улице, в доме №14, в тайнике, но ни о какой шкатулке с царскими ценностями не знает. После долгих расследований он все же сознался, что действительно получил от полковника Кобылинского шкатулку с царскими ценностями, долго перепрятывал её в разных местах, после чего заложил в тайник дома брата Александра. При этом он настаивал, что все ценности до сих пор находятся там. В сентябре 1934 года констатировали: «В бывшем доме его брата... произведенными розысками... ценности найдены не были».

Поиски царских сокровищ продолжались ещё некоторое время. Свидетелей по делу допрашивали снова и снова, но драгоценностей так и не нашли – следы, ведущие к ценностям Императорской Семьи, оборвались...

Российский Императорский Двор обладал поистине сказочными богатствами. Те ценности, что были накоплены за всю историю существования династии, так называемые коронные, были частью проданы за границу, а частью оставлены в Гохране. Предположительно, значительная часть личных сокровищ, (приобретенных или полученных в дар членами Семьи Императора Николая II), не найдена до сих пор.

История ковра из Тобольска

1

В 2015 году в архиве Музея русской культуры в Сан-Франциско была выявлена переписка правления Музея с неким А.П. Тимофиевичем, проживающим в Ново-Дивеевском монастыре в штате Нью-Йорк.

В октябре 1973 года он написал: «У нас имеется целый ряд реликвий, связанных с Убиенной Царской Семейей, благодаря многолетним контактам с покойными Великими Княгинями Ксенией и Ольгой Александровнами. ... По благославлению Архиепископа Андрея ... хотел бы передать на сохранение одну такую реликвию, а именно большой ковер из Тобольска, на котором всегда молилась Царская Семья. Для доказательства будет прислана и фотография того времени зала губернаторского дома, где видна часть этого ковра, по рисунку которого сразу можно определить идентичность ковра. Это дар Великой Княгини Ксении Александровны».

В этом же письме он спрашивал об условиях хранения экспонатов в нашем Музее и объяснил, что хотел бы быть уверенным в том, что такая ценная для русского человека Царская реликвия будет находиться в сохранности.

В заключительном письме из этой переписки он сообщил, что

8 ноября 1973 года ковер был отослан в Сан-Франциско на имя председателя Музея русской культуры Н.А. Слободчикова.

А.П. Тимофиевич приложил к письму фотографию зала Губернаторского дома (фото 2 слева), опубликованную в Вене в 1921 году Пьером Жильяром, бывшим учителем французского языка наследника Цесаревича Алексея. На фото виден угол ковра, о котором идет речь.

Мы увеличили часть этой фотографии, чтобы разглядеть рисунок ковра (фото 2, справа).

Тщательно обследовав архивные помещения, мы обнаружили сундук, а в нем – ковер и почтовый мешок с адресом нашего музея. На фотографии 3 - деталь этого почтового мешка.

Волнуясь, мы развернули ковер на полу Русского центра перед входом в Музей. Да, это тот самый ковер – свидетель тобольского заточения Царской Семьи!

Судя по всему, он хранился, а затем был прислан в Музей свернутым в не-

Л.В. Андреева,
Музей русской культуры в
Сан-Франциско

сколько раз. На сгибах ковра появились небольшие повреждения. В целом, этот шерстяной, безворсовый ковер оказался в хорошем состоянии. Даже краски не поблекли! На фотографии запечатлен впервые расстеленный нами ковер (фото 1).

После этой находки нам пришлось распутывать большой клубок вопросов.

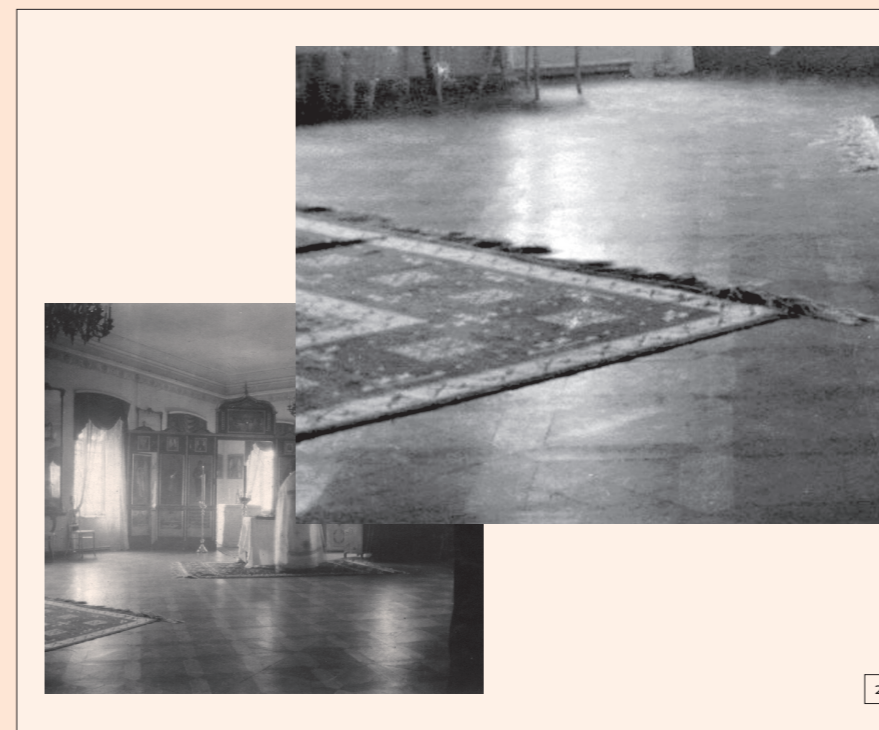
Кто такой А.П. Тимофиевич? К сожалению, о нем известно немного, даже его фотографии мы пока не нашли. В сборнике «Дорожный посох», изданном в Сретенском монастыре (Москва) в 1999 г. есть краткая информация о нем.

Анатолий Павлович Тимофиевич, по профессии врач, в предвоенные годы работал в Киеве, а в годы Второй мировой войны вместе со своим духовным отцом Адрианом Рымаренко, эвакуировался из Киева, так как к Киеву приближалась Красная Армия, оказался в Германии, а затем в США. Протопресвитер Адриан, в последствии Архиепископ Роклендский, основал в 1949 году недалеко от Нью-Йорка Ново-Дивеевский женский монастырь с православным кладбищем, домом для престарелых и госпиталем.

Поселившись в монастыре, А.П. Тимофиевич с благославления отца Адриана был чтецом в церкви, проводил духовные собеседования и безвозмездно лечил весь монастырь. Он - автор духовных очерков. Они были опубликованы в России в 1995 году под названием «Божии люди», а в 1999 году вновь опубликованы в сборнике «Дорожный посох». А.П. Тимофиевич скончался в Ново-Дивеево в 1976 году.

Далее мы приступили к поиску подтверждений контактов Тимофиевича А.П. с Великими Княгинями Ксенией и Ольгой.

Случилось почти чудо. При первом же поиске в архиве близлежащего Гуверовского института (Hoover Institution on War, Revolution, and Peace, Stanford University) оказалась, что длительная дружеская переписка А.П. Тимофиевича с сестрами Императора Николая II хранится

2

именно там. Как случилось, что переписка А.П. Тимофиевича оказалась далеко от Ново-Дивеево – на Западном побережье США – это отдельная тема.

Изучение коллекции Гуверовского института показало, что Великая Княгиня Ольга переписывалась с А.П. Тимофиевичем с 1945 года, а Великая Княгиня Ксения - с 1952 года. Великая Княгиня Ксения последние десятилетия своей жизни провела в Англии, а ее сестра Ольга - в Канаде. Переписка продолжалась до их кончины – обе сестры скончались в 1960 г.

А теперь о самом ковре. Большой удачей стала находка фотографии, где наш ковер виден гораздо лучше, чем на фотографии Пьера Жильяра, присланной А.П. Тимофиевичем. Это фото из книги Чарльза Гиббса – учителя английского языка Цесаревича Алексея. Оба учителя были отделены от Царской Семьи после переезда из Тобольска в Екатеринбург и вместе с Белой армией оказались за рубежом. На фото Ч. Гиббса - настоящий тобольского Благовещенского храма протоиерей Алексей Васильев в большом зале Губернаторского дома. Рождество, 1917 год.

Рассеялись последние сомнения, что этот ковер был с Царской Семейей в Тобольске!

Неожиданностью стала находка еще одной фотографии нашего ковра в книге Ч. Гиббса. На этой фотографии ковер в Тобольске лежит в кабинете Царской Семьи.

Вряд ли в доме оказалось два одинаковых ковра. Известно, что дом обу-

страивался постепенно. Предметы убранства перемещались с места на место. В условиях холодной сибирской зимы для молящихся в зале мог понадобиться ковер и его могли перенести из кабинета в зал.

Еще один вопрос – об истории поступления ковра в Губернаторский дом в Тобольске. Известно, что часть обстановки Губернаторского дома перед приездом Царской Семьи была куплена в Тобольске, а другая - привезена в сентябре 1917 года из Александровского дворца (Царское Село). Наше предположение, что ковер мог быть привезен из Царского Села, не подтвердилось. Дворцовые Управления вели описи всех предметов убранства. У каждого из них был инвентарный номер, нанесенный каким-либо образом на предмет (бумажная этикетка, номер, нанесенный краской, или выжженное клеймо). К сожалению, на нашем ковре мы не нашли следов инвентарного номера. Скорее всего, он был приобретен в Тобольске.

На дальнейшую судьбу ковра проливают свет показания П.А. Жильяра: «обитатели Тобольского дома имели возможность уложить и приготовить в дорогу почти все находившееся в доме имущество, так как они имели право на провоз до 3000 пудов багажа. Уложена была также мебель, принадлежа-

щая Губернаторскому дому». Переезд состоялся в апреле 1918 года.

После гибели Царской Семейей в Екатеринбурге были обнаружены многочисленные предметы, принадлежавшие Царской Семейей - и в доме Ипатьева, и в советских учреждениях, и в домах местных жителей.

ГАРФ недавно опубликовал документы Соколова, касающиеся следствия о расстреле Царской Семейей. Среди них мы нашли цифровые копии Протокола дознания и Сводки сведений на жену пастора Екатеринбургской лютеранской церкви от 2 ноября 1918 года, где сообщается:

«...Ковер и золотые вещи, принадлежащие Государю Императору были в свое время переданы жене пастора на сохранение фрейлиной Высочайшего Двора. Указанные вещи жена пастора возвращать не намеревается...».

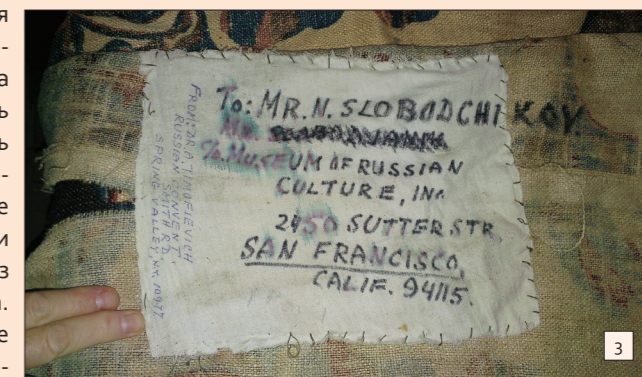
Вполне вероятно, что речь идет о «нашем» ковре. Но для этого потребуются дальнейшие исследования.

Остается один вопрос - как ковер попал в Лондон к Великой Княгине Ксении Александровне? В ходе расследования Екатеринбургской трагедии представителями Белой армии были собраны многочисленные предметы, принадлежащие Царской Семейей. Они были упакованы в 50 ящиков и вместе с другими материалами следственного дела, преодолев долгий и опасный путь по железной дороге, были доставлены во Владивосток. Груз сопровождал Дитерихс, Соколов, Булыгин и Грамотин.

До Владивостока добрались 29 ящиков. Они были перегружены на английский крейсер «Кент» и доставлены Великой Княгине Ксении.

Предметы, принадлежавшие Царской Семейей, Великая Княгиня Ксения передавала частями родственникам, дарила близким, отдавала на хранение доверенным людям...

Одна из этих реликвий теперь хранится в нашем музее.

3

Революционные будни древней столицы

Один из ярких исторических прецедентов – Октябрьская революция 1917 г., изменила исторический ход событий не только в России, но и во всем мире. Основные причины, приведшие к очередным изменениям в положении дел в стране, были определены в исторической науке, как крайнее раздражение действующей властью. Недоверие к ней сформировалось в условиях затянувшейся войны, под давлением экономических трудностей и нараставшего политического кризиса, под влиянием пропаганды со стороны «политических» и умонастроений демобилизованных с фронта солдат.

Э.Г. Бурнашев, к. и. н.,
главный научный сотрудник

Однако, так называемый октябрьский переворот не нашел поддержки большинства населения страны, в том числе и Тобольской губернии. Ко времени указанных выше событий в регионе не существовало крупного индустриального производства, немногочисленные потомственные рабочие ушли на фронт, их места на мелких и средних промышленных предприятиях заняла деревенская беднота, бывшие ремесленники, переселенцы и военнопленные. В классовой структуре населения значительную часть составляли купцы, мелкие фабриканты, чиновничество, духовенство, зажиточные крестьяне, небольшая прослойка пролетариата в городах и чуть более значительная масса деревенской бедноты. Таким образом, основания для зарождения самостоятельных большевистских организаций в регионе до 1917 г. не было.

К тому же, в губернии государственный переворот, совершенный большевиками, резко осуждали даже, казалось бы, ближайšie их сторонники – рабочие и крестьяне, сформировавшие местные советы. После полученных известий о свершившемся в Петрограде событии, Тобольский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в скором порядке принял резолюцию по текущему политическому моменту. В ней утверждалось, что Совет «находит, что вооруженное выступление большевиков и идущих под флагом большевизма всех темных сил против воли всего народа есть МЯТЕЖ, направленный к срыву Учредительного Собрания – единственного полновластного хозяина Земли Русской, гнусная измена родине и завоеванной свободе и удар в спину проливающей свою кровь армии». В резолюции Тобольский совет проявил доверие Временному правительству и со своей стороны выразил поддержку «всей силой своего авторитета и всеми мерами, от него зависящими, бороться с проявлениями большевизма на местах».

В итоге после Октябрьской революции 1917 г. оформление самостоятельных большевистских организаций, и переход власти в руки Советов в губернии проходили с большими трудностями. При этом внимание к данному региону как у представителей свергнутого Временного правительства, так и у новой власти было особым. И причина тому – Российский Император и Его Семья.

По убеждениям руководства новой власти, в Тобольск, где находилась в ссылке Семья Императора Николая II, со всех концов страны прибывали монархисты, оказывавшие заметное влияние на политическую жизнь губернии. В ответ большевистские организации Екатеринбург и Омска присылали в губернию своих агитаторов, устанавливали связь с местными большевиками и следили за происходящим, в том числе и за жизнью Царственных Узников.

В этот период обстановка в губернской столице была относительно спокойной. 11 ноября 1917 г. Губернский комиссар В.Н. Пигнатти, в ответ на обращение Верховного комиссара В.Б. Станкевича из Ставки предоставить точные сведения о состоянии региона, отметил следующее: «В Тобольской губернии выступлений большевиков доселе нет, в общем покойно. Выборы в Учредительное состоятся двенадцатого (ноября) в назначенный срок... Несколько повышенное настроение на юге губернии в связи с проведением твердых цен на хлеб... Особый отряд охраны семьи Романовых в полном порядке».

По воспоминаниям комиссара В.С. Панкратова, возглавлявшего Отряд особого назначения, охраняющего Императорскую Семью, новости о свершившейся революции доходили до города отрывочно. Панкратов писал: «Невозможно было составить истинного представления о том, что творится в столицах. Телеграммы Керенского были очень кратки и односторонни, газетные сообщения отличались яркой партийностью и блистали только полемикой».

Проблему недостатка информации в провинциальном городе о происходящем в России заметил и учитель французского языка Царских Детей Пьер Жильяр. В своей книге «Император

Николай II и его Семья» он отметил следующее обстоятельство: «во время своего пребывания в Тобольске мы были практически оторваны от внешнего мира и не знали, что происходит в стране. Письма доходили до нас нерегулярно и с большим опозданием. Из прессы в нашем распоряжении была только какая-то местная газетенка, отпечатанная на оберточной бумаге, которая сообщала «новости» не самой первой свежести, да и то в сильно искаженном или урезанном виде».

Известно, что Августейшая Семья с особым трепетом следила за положением дел в стране. Кроме местных газет информация для них была доступна из писем, получаемых от родственников и друзей, а также от первых лиц – людей преданных Семье, приезжающих в город, чтобы разделить их участь.

Но даже в комплексе поступающей информации было недостаточно для того, чтобы Венценосная Чета и их окружение могли объективно оценить причины происходящего, а также дальнейшие последствия от всего случившегося, в том числе в отношении Своей судьбы.

По утверждению Пьера Жильяра, после свершившегося «переворота» обстановка вокруг Императорской Семьи стала меняться не сразу. «...Временное правительство пало и большевики взяли власть. Однако это событие не сразу сказалось на нашем положении. Им пришлось в голову вспомнить о нашем существовании только через несколько месяцев». Жизнь Узников продолжала оставаться спокойной и размеренной,

несмотря на существовавшие ограничения, в основном касающиеся их передвижения по городу.

В самой губернии продолжали подготовку к выборам в Учредительное собрание. В избирательные бюллетени были внесены представители от партий социал-революционеров, народных социалистов, кадетов, продовольственного комитета, мусульманской общины. Кандидатами в члены Учредительного собрания от г. Тобольска стали комиссар Панкратов В.С. и его помощник прапорщик Никольский А.В., представлявшие партию эсеров.

Итогом выборов, состоявшихся 12 ноября 1917 г., стала убедительная победа партии социал-революционеров. Голоса в целом по Тобольской губернии распределились следующим образом: кадеты по списку №1 – 6415, социал-демократы по списку №2 – 5614, народные социалисты по списку №3 – 2448, мусульмане по списку №4 – 648, эсеры по списку №5 – 201, эсеры по списку №6 – 10127. Всего было подано – 25453 голоса. По Тобольскому округу были официально признаны избранными – А.С. Суханов, кандидат от списка №3 и 9 человек от списка №5.

По воспоминаниям комиссара В.С. Панкратова, его кандидатура тоже была выбрана в Учредительное собрание. В разговоре с одной из Великих Княжон, на вопрос поедет ли он в Петроград, Панкратов ответил: «...если не пришлют заместителя, должен буду остаться, но употреблю все усилия, чтобы быть в Учредительном собрании». Замену ему так и не при-

1. Коганицкий И.Я. Фотография Шифрина, г. Николаев. 1916 г.

2. Духовное училище, г. Тобольск. 1904 г.

слали, а вскоре пришла новость о разгоне собрания Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом (ВЦИК).

Тем временем идеи большевиков начали оказывать заметное воздействие в регионе. По утверждению Н. Немцова, руководителя Тюменского Губисполкома, уже в ноябре 1917 г. советская власть укрепилась в Тюмени благодаря политической активности железнодорожных, мошаровских и кожевенных рабочих. При этом П.А. Рогозинский, редактор тюменской газеты «Свободное слово», с тревогой писал о грабежах, убийствах, «анархических выступлениях» в Тюмени и приветствовал «твердое решение» местного революционного комитета запретить стихийные митинги и «сборища».

Комиссар Панкратов о стремлении большевиков установить власть в губернии заметил следующее: «...Временное правительство уже пало и рассеялось, его заменили Советы. Только у нас в Тобольской губернии Совет еще не имел полной власти, и у нас еще сохранялась власть губернского комиссара, городского самоуправления и были произведены выборы в Земство. Но натиск со стороны советов, особенно Омского областного, производился с особою настойчивостью. Дважды делалось приказание через военного комиссара Омского совета перевести бывшего царя с семьей в каторжную тюрьму и арестовать губернского комиссара». Но все эти попытки из-за отсутствия у большевиков в Тобольске достаточного числа сторонников оставались тщетными.

В губернской столице тобольские большевики под руководством И.Я. Коганицкого стремились завоевать

доверие сочувствующих рабочих, солдат, учащихся, бывших военнопленных. Призывали их к поддержке советского правительства, к осуждению явных и скрытых недругов революции.

Именно Коганицкий особое внимание уделял агитационной работе среди солдат Отряда особого назначения, и работа эта давала свои положительные результаты. В ряды местной большевистской организации ему удалось привлечь солдат, бывших фронтовиков в количестве 7 человек, среди которых особо отличались – Дураков и Матвеев.

Одним из первых случаев проявления большевистского влияния на Отряд особого назначения был категорический запрет солдат разместить в Губернаторском доме или доме Корнилова приехавшую в декабре 1917 г. в Тобольск баронессу С.К. Буксгевден. София Карловна, фрейлина Императрицы, поддерживала Августейшую Семью во время Их ареста в Царском Селе. Но по состоянию здоровья она не смогла отправиться вместе с Ними в далекую Сибирь. Как только баронесса, перенесшая операцию, почувствовала в себе силы для осуществления длительной поездки, она выехала в Тобольск. В городе ей пришлось самостоятельно искать и снимать себе жилье. Ей было запрещено посещать Царственных Узников, что было большим огорчением для Александры Федоровны и всей Семьи, которые с нетерпением ждали ее прибытия.

В январе 1918 г. солдаты охраны добились отстранения от должности комиссара Панкратова и его помощника Никольского. Вместо них комиссаром был назначен Дуцман, приехавший для этой цели из Омска. Кроме того, в феврале того же года для Узников Дома Свободы было отменено содержание от

казны. Вся Семья была переведена на солдатский паек.

26 марта 1918 г. в город прибыли омские красногвардейцы в количестве 50 человек под руководством начальника штаба Красной гвардии комиссара А.Ф. Демьянова и корнета Дягтерева, которые разместились в здании Тобольского епархиального духовного училища. Несколькими днями позже в Тобольск подоспел отряд тюменских красногвардейцев под командой Никитина.

В городе относились к незванным гостям с настороженностью. В одном из номеров газеты «Сибирский листок» вышла статья М. Костюриной, красноречиво отражающая нависшую угрозу:

«...В наш мирный городок один за другим вошли вооруженные отряды. Первым пришел омский отряд, вооруженный «до зубов» - с пушками, с пулеметами... Они ожидали от тоболяков «сопротивления»? На улицах было пусто, попрятались не только люди, но и собаки. Вслед за ними пришел тюменский отряд.

...известно уж – «тюменцы», у них в Тюмени всегда кражи, убийство, хулиганство... а у нас ведь, слава Богу, «тишина» ...Справедливость требует заметить, что у нас все также «тихо» - ни краж, ни убийств, ни хулиганства, ни расстрелов».

Вскоре Тюменский отряд из-за систематического нарушения дисциплины был отправлен обратно. Император Николай II по этому поводу написал в своем дневнике: «Утром слышали со двора, как уезжали из Тобольска тюменские разбойники-большевики на 15 тройках с бубенцами, со свистом и с гиканьем. Их отсюда выгнал омский отряд».

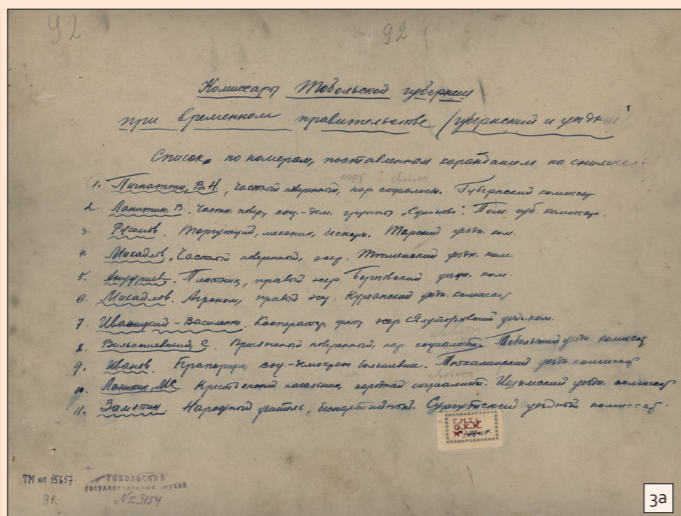
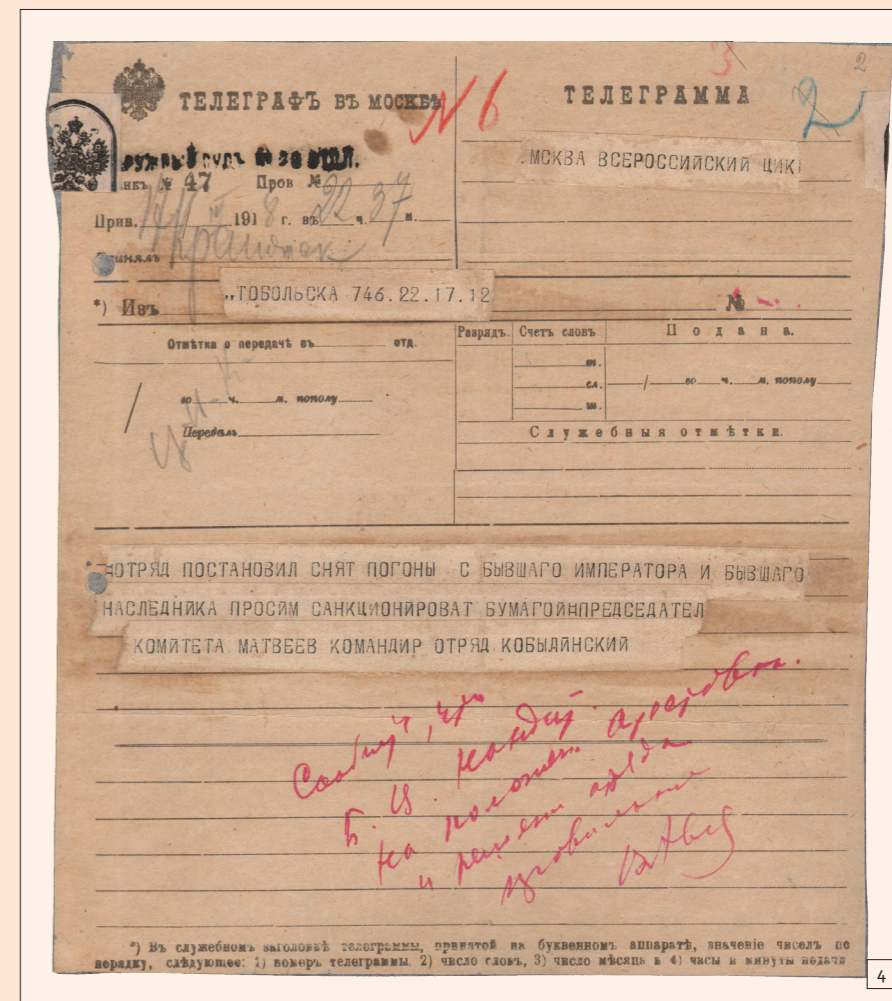
Свет на произошедшее помогла пролить Т.Е. Мельник-Боткина,

дочь лейб-медика Е.С. Боткина, находящаяся вместе с отцом и братом в Тобольске. В своих воспоминаниях об Императорской Семье она отметила, что представители тюменского отряда стали завсегдатями местного «клуба», где они опустошали карманы посетителей и заставляли «кормить себя в этом клубе даром». Следствием подобного неподобающего поведения стало выдворение из города тюменских красногвардейцев «дягтеревским отрядом», который поддержал Отряд особого назначения.

Однако в то же время Уральский областной Совет обратился в Центр, предложив перевести Императорскую Семью в Екатеринбург и, не дожидаясь ответа, направил в Тобольск вооруженный отряд, состоящий из латышских стрелков. По прибытии в город они поступили в подчинение чрезвычайной тройки, куда вошли: П.Д. Хохряков, А.Д. Авдеев и С.С. Заславский.

Баронесса С.К. Буксгевден, проживавшая в Тобольске, вспоминала: «Вслед за ними (омичами) в город прибыл еще один отряд солдат – на этот раз из Екатеринбурга. Большая часть этих солдат была латышского происхождения. Этот отряд оказался для жителей Тобольска настоящим бедствием. Ежедневно они производили аресты состоятельных купцов, чтобы впоследствии родственники арестованных выкупали их за большие деньги. В городе началась экспроприация, и повсюду были вывешены плакаты, извещавшие о необходимости сдавать властям золото, серебро и другие ценные вещи. За неисполнение этого приказа жителям грозила смерть».

Действительно, «визитеры» не заставили себя долго ждать и активно взялись за дело. Были арестованы губернский комиссар Пигнатти и его помощник Ланитин. В одном из номеров «Тобольских Епархиальных Ведомостей» была опубликована статья, описывающая данный эпизод: «Местная власть Временного Правительства в лице губернского комиссара В.Н. Пигнатти и его помощника В.С. Ланитина была не только устранена, но и подвергнута аресту. Названные представители власти несколько дней содержались в заключении в подвальном помещении Духовного Училища. По взносе каждым из них денежного залога они были освобождены из заключения». Через не-

сколько месяцев от перенесенного нервного расстройства, вызванного арестом, В.С. Ланитин скончался.

В этом же здании несколько часов под арестом находился епископ Гермоген. Вечером 15 апреля, в Вербное воскресенье, после праздничной литургии и совершенного крестного хода, представители Исполнительного комитета в сопровождении вооруженных людей арестовали Владыку и сопроводили в «дом духовного училища, где он был заключен в небольшой комнате с окнами на двор». Уже утром следующего дня горожане узнали, что Епископ Гермоген в полномочии «увезен из города по дороге на Тюмень».

В отношении Царственных Узников, находящихся в городе, также последовали распоряжения. И.Я. Коганицкому было Тобольским советом поручено провести разоружение особого гарнизона. О чем впоследствии сам он вспоминал: «С 7-ю человеками из царской охраны, преданными своими людьми, удалось это безболезненно сделать. Оружие было собрано и передано под надежной охраной, а гарнизон распущен».

В первых числах апреля 1918 г. в рядах Отряда особого назначения открыто и активно действовало большевистское ядро, состоявшее из 13 человек. Ими было инициировано принятие решения отрядным комитетом о снятии погон с Императора Николая Александровича и Цесаревича Алексея.

Ранее представителями большевистской власти были инициированы перевыборы Тобольского совета, которые для них увенчались успехом. Из 163 депутатов нового состава 85 являлись большевиками.

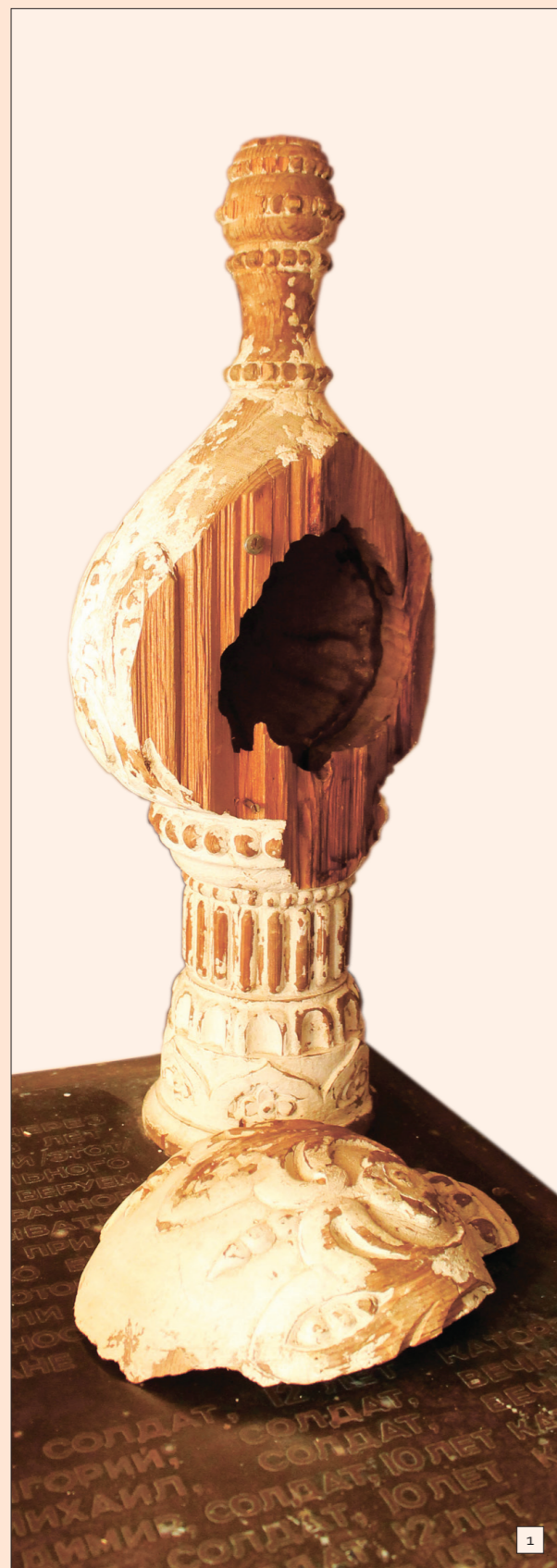
6 апреля 1918 г. Совет избрал президиум, а 9 числа – исполнительный комитет. Президиум городского Совета возглавил Г.А. Дислер. Председателем исполкома уездного Совета стал П.Д. Хохряков. Совет разместился в помещении женской Мариинской гимназии.

9 апреля 1918 г. на долгие годы стал днем победы Советской власти в Тобольске.

3, За. Фотография. Комиссары Тобольской губернии при Временном правительстве. Крайний справа Пигнатти В.Н. Лицевая и оборотная стороны. г. Тобольск. 1917 г.

4. Копия из ГА РФ Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 2

Записка в куполе киота

Я.Г. Загваздина, зав. музейным комплексом «Рентерея, Судебная управа, Архиерейский дом»

Время революции и последовавшей за ней гражданской войны перевернуло судьбы огромного количества людей. Конечно, в первую очередь, историки обращают внимание на ключевые для страны фигуры: представителей Царской Семьи, выдающихся государственных деятелей, лидеров партий, то есть тех, кого знали практически все в стране, кто реально оказывал влияние на ход истории. Ввиду этого, и трагические события, происходящие с ними, известны и вызывают отклик и сочувствие в сердцах многих людей. В жизни обычных граждан Российской Империи, позже, уже Советского государства, происходили не менее радикальные перемены, которые часто оставались без внимания исследователей. Тем не менее, эти люди составляли основную часть населения нашей страны, и именно их жизнь часто характеризует судьбы целых поколений людей. Но история каждого человека уникальна и неповторима.

О жизни Михаила Холопцева мы бы, наверное, так никогда и не узнали, если бы не случай. 4 декабря 1930 года в фонды музея поступило деревянное на вершине от иконостаса (киота). В тот период времени на территории Тобольского Кремля находился детский городок им. Крупской (по сути, детский дом), воспитанники которого нашли резной купол и записку внутри. С ценной находкой дети пришли в Тобольский государственный музей и передали деревянное на вершине вместе с посланием.

Вот его содержание: «28 мая 1908 г. Мы думаем, что через несколько десятков лет, листок бумаги этой попадет в руки вольного человека, и горячо веруем, что тогда наше мрачное время будет забываться и великий народ при полной свободе с благодарностью бу-

дет вспоминать тех мучеников, которые ценой тяжелых испытаний купили ей свободу. К их числу относимся и мы, политические каторжане Тобольской тюрьмы: Дуров Петр, солдат, 12 лет каторги; Григорий Головань, солдат вечный; Холопцев Михаил, солдат - вечный; Соколов Владимир - солдат 10 лет каторги; Логинов Павел солдат 10 лет каторги; Николай Козлов солдат 12 лет каторги; студент Александр Попов 15 лет каторги».

Из текста записки становится понятно, что ее авторы – заключенные, работавшие, по всей видимости, в мастерских, существовавших при Тобольской каторжной тюрьме. Вероятно, иконостас (киот) был изготовлен для одного из храмов, какого, сейчас не совсем понятно. Есть краткая информация о людях, ее написавших.

Петр Тихонович Дуров родился 15 января 1882 года. Украинец, из крестьян Черниговской губернии. Военнослужащий, рядовой 13-го пехотного Белозерского полка. В ноябре 1906 года осужден Одесским военным окружным судом за покушение на разбой и вооруженное сопротивление городскому на 12 лет каторги. Прибыл в Тобольск 1 мая 1907 года.

Григорий Петрович Головань родился в 1885 году. Украинец, сын ювелира Полтавской губер-

нии. Образование получил домашнее. Принимал участие в восстании 21-го саперного батальона в Киеве. Киевским военно-окружным судом 30 июня 1907 года приговорен к бессрочной каторге. В Тобольскую каторжную тюрьму прибыл 1 мая 1907 года.

Владимир Васильевич Соколов родился в 1883 (1884) году. Русский, из крестьян. Окончил сельское училище. Находился на военной службе в Ташкентской конвойной команде. Туркестанским военно-окружным судом 28 июля 1906 года приговорен к 8-летней каторге за нарушение правил караульной службы и «умышленный отпуск арестантов». Преступление совершил 22 апреля 1906 года, в Тобольск прибыл 3 октября 1907 года.

Павел Иванович Логинов родился в 1882 году. Русский, из крестьян Новгородской губернии. Череповецким окружным судом признан виновным в вооруженном нападении с группой лиц на мельницу в ночь на 18 декабря 1905 года и хищении 300 рублей. Приговорен к 10 годам каторжных работ.

Николай Иванович Козлов родился 8 июля 1882 года. Русский, из крестьян Тверской губернии. Учился в сельской школе, но не закончил ее. Находясь на военной службе в Гельсингфорском лазарете, участвовал в восстании солдат и матросов в Свеаборге 17-20 июля 1906 года. Временным военным судом крепости Свеаборг 17 августа 1906 года осужден на 12 лет каторжных работ. В Тобольск прибыл в 1907 году.

Александр Моисеевич Попов родился в 1884 (1885) году. Русский, из мещан Баку, студент Киевского политехнического института. Состоял в партии социалистов-революционеров в Киеве, занимался «устройством забастовок и демонстраций» в октябре-ноябре 1905 г. и 1 мая 1906 г. За участие в революционном сообществе военнопольным судом в Баку 9 ноября 1906 года приговорен к 15-летней каторге. В Тобольск прибыл 20 ноября 1907 года.

За этой скупой и сухой информацией стоит жизнь конкретных людей. Как и почему эти молодые люди оказались преступниками? А они действительно молоды: их возраст на момент прибытия в Тобольскую тюрьму 22-25 лет, а осуждены они были еще раньше. За что они угодили в Тобольскую тюрьму? Как сложилась их жизнь в дальнейшем? Не всегда на эти вопросы можно найти ответы, но судьба одного из бывших каторжников нам известна.

Михаил Холопцев, человек, о судьбе которого мы узнаем, по большей части, благодаря письмам его невестки. Остается только удивляться невероятным, почти фантастическим событиям жизни этого, по всей видимости, неординарного человека. Письма эти тоже были написаны не просто так. Но обо всем по порядку.

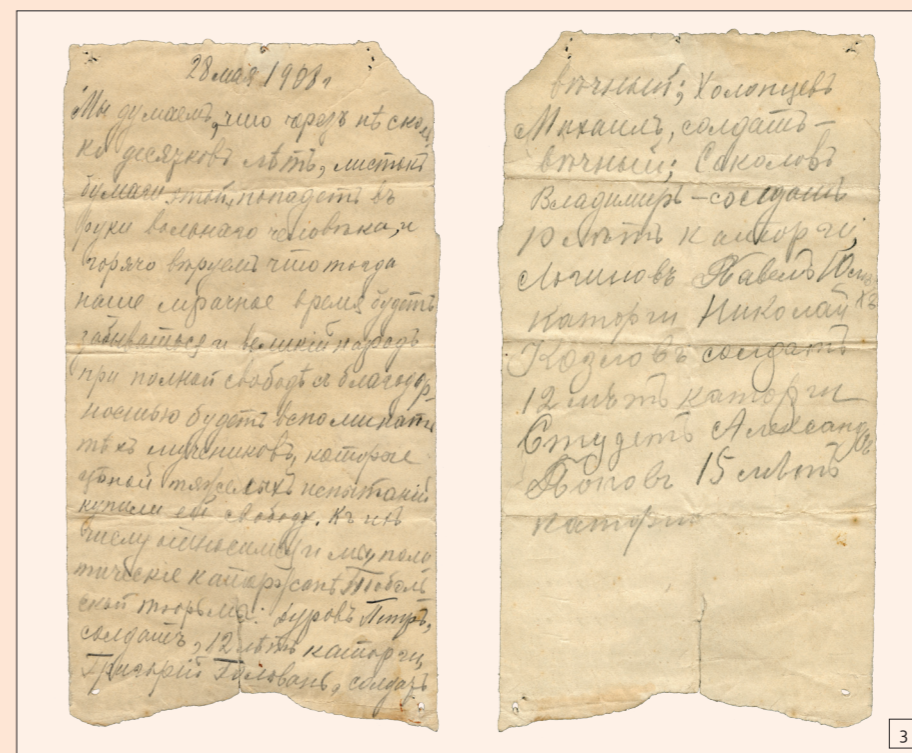
Как уже упоминалось, в 1930 году в музей поступает на вершине от иконостаса с запиской. Эти вещи, вероятно, как имеющие отношение к классовой борьбе и истории политической ссылки

и каторги в царское время, были приняты в фонды музея. Возможно, они были представлены в экспозиции. В 1960-х годах в журнале «Уральский следопыт» появляется заметка, сообщающая о находке, записке и людях, которые ее написали.

Эту небольшую статью прочитал внук Михаила Холопцева Юрий Андреевич Холопцев, проживавший на тот момент в Волгограде. Вероятно, он очень мало знал своего деда, и так как отец его погиб на фронте еще в 1942 году, он отослал страничку из журнала своей матери Полине Ивановне Холопцевой, которая хорошо помнила в музей несколько писем, повествующих нам о жизни Михаила Даниловича. Вот что она сообщила.

Михаил Данилович родился в 1882 году в крестьянской семье в Курской губернии. В 22 года был призван на военную службу, участвовал в Киевском восстании саперов, которое произошло в 1905 году. Оно было подавлено, и некоторые его участники, в том числе М.Д. Холопцев, были приговорены к расстрелу, позднее замененному пожизненной каторгой. Участников отправили в разные тюрьмы, М.Д. Холопцева – в Тобольскую, куда он и прибыл в 1906 (по другим источникам в 1907) году. Из участников этого восстания также в Тобольск попали Г.Головань и

1. Купол киота, в котором было оставлено письмо тобольских каторжан (навершие).
2. Холопцев М.Д. с женой и сыном после освобождения.
3. Записка.

1

Самсонов, причем последний являлся одним из офицеров, руководивших восстанием. Жизнь в тюрьме не называлась легкой, вероятно, поэтому трое бывших сослуживцев договорились бежать. Устроили подкоп, но побег не удался, заговорщиков поймали и высекли. Михаил Данилович получил 75 розог. После физической расправы его на месяц поместили в карцер.

У Михаила Даниловича в деревне Почепное Курской губернии осталась жена с маленьким ребенком. Узнав, что мужа отправили в Тобольскую тюрьму, неграмотная крестьянская женщина взяла трехлетнего сына и уехала вслед за любимым в далекую Сибирь. Тяжело было жене каторжника в чужом городе: чтобы хоть как-то прокормиться, она устроилась работать прислугой, а сына пришлось поместить в тюремный приют. Через три года удалось добиться свидания. Она взяла

из приюта сына и вместе с ним отправилась в тюрьму. Со слов невестки М.Д. Холопцева, мы узнали, как проходили такие свидания заключенных с родными: они могли увидеть друг друга через два ряда решеток, разделенных коридором, по которому ходил часовой. Акулина Ивановна только плакала, глядя на мужа, которому тоже было не легче.

Также в письмах упоминается, что Михаил Данилович был великолепным столяром (об этом можно судить и по намерению), и вся самая ответственная работа в столярных мастерских Тобольской тюрьмы проходила через него, он был старшим в столярной мастерской. Читатели, хоть и немного знакомясь с историей Тобольска, безусловно, слышали о фотографиях, сделанных в фотоателье Марии Уссаковской. Причудливым образом главный герой нашего повествования,

благодаря своему таланту краснодеревщика, оказался связан и с этой известной тобольской семьей.

Уссаковские решили отремонтировать дом, где располагалось фотоателье. Причем хозяин задумал изготовить красивые резные двери, которые привлекали бы внимание потенциальных клиентов. Подходящего мастера Иван Константинович Уссаковский долго не мог найти, и кто-то подсказал ему, что в тюрьме есть хорошие умельцы. И.К. Уссаковский, который был, по всей видимости, довольно влиятельным чиновником, смог добиться разрешения на общение с заключенным. М.Д. Холопцев сначала нарисовал эскиз, а затем изготовил и сами двери. Заказчик был в восторге. Но теперь встал вопрос о том, как мастеру эти двери повесить, ведь он – заключенный, к тому же, приговоренный к вечной каторге. Так как за все это время, пока двери изготавливались, Иван Константинович довольно часто общался с М.Д. Холопцевым и прорикся к нему доверием, то он предпринял попытку решить этот вопрос через самого губернатора, предварительно взяв слово с Михаила Даниловича, что он его не подведет. Губернатор очень удивился просьбе и, на его взгляд, легковерности Уссаковского, но разрешение дал.

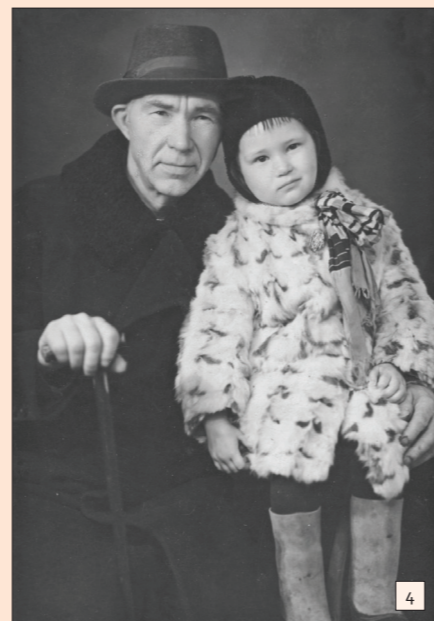
И вот, под конвоем, на санях, Холопцева везут под гору, в дом, где располагался фотосалон. Для установки дверей пришлось с арестанта снять кандалы, но четыре конвоира постоянно за ним следили. Наконец, когда работа была закончена, хозяин пригласил необычного гостя к столу.

2

3

4

При этом Иван Константинович сказал, что хотел бы что-то сделать для Михаила Даниловича, на что Холопцев ответил, что подарков ему не надо, но есть одна просьба. Так как его сын по-прежнему находился в тюремном приюте, то судьба его очень беспокоила отца. Будучи сам не в состоянии о нем позаботиться, М.Д. Холопцев попросил об этом И.К. Уссаковского. Последний обещал взять его сына к себе и обучить ремеслу фотографа. Свое обещание он сдержал, и сын Михаила Даниловича получил специальность фотографа.

Шло время, и в 1917 году, в связи со сменой власти в стране, была объявлена амнистия политическим заключенным. По воспоминаниям Тобольского губернатора Н. А. Ордовского-Танаевского, телеграмма о предстоящем освобождении узников была получена из столицы уже 2 марта 1917 г. В сообщении министром юстиции Временного правительства было предписано выпустить всех политических арестантов из тюрем, а также позаботиться о проезде их в Петербург или в места, куда они пожелают. На следующий день, в 7 часов утра, губернатор отправился в Тобольскую каторжную тюрьму №1, где, посетив камеры с политическими заключенными, озвучил решение новой власти о скором их освобождении. Кроме того, от узников он взял обещание не инициировать в городе волнений и беспорядков.

4 марта из Тобольской каторжной тюрьмы №1 были освобождены первые 98 заключенных. При выходе из тюрьмы бывших узников ждала торжественно настроенная публика, собравшаяся из представителей городской администрации, интеллигенции, учащихся и иного, сочувствующего заключенным, населения. Освободившимся арестантам была дана возможность отправить за казенный счет телеграммы родственникам, а уже через несколько дней все они получили личные документы. Помимо указа об общей политической амнистии, Временным правительством 14 марта 1917 г. было издано постановление о воинской амнистии, а 17 марта – постановление «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления». В этой связи, в Тобольске 22 марта 1917 г. была произведена амнистия заключенных, отбывающих срок по уголовным статьям в каторжных тюрьмах и арестантском отделении. В результате, по подсчетам

5

исследователя истории Тобольской каторги А.П. Михеева, с марта по июнь 1917 г. только Тобольскую каторжную тюрьму №1 покинули 709 арестантов, а на 1 июля в ней оставалось отбывать наказание всего 79 заключенных, которых в скором времени также ждало освобождение. В мае 1918 г. решением исполкома местной власти Тобольская каторжная тюрьма №1 была упразднена.

Таким образом, Михаил Холопцев и его товарищи по несчастью оказались на свободе, получили кое-какие средства. На эти деньги Холопцевы купили дом, и до 1936 (в другом письме указывается 1933 год) года проживали в Тобольске, затем переехали во Владимир. После освобождения случилась еще одна невероятная история, которая позволила Михаилу Даниловичу хоть как-то отблагодарить И.К. Уссаковского, так много сделавшего для его сына. После революции фотографии Уссаковских перешло в собственность государства, жена умерла, а он остался один. Видимо, он испытывал притеснения со стороны новой власти, так как через какое-то время Михаил Данилович узнал его в нищем. Он привел Уссаковского к себе домой, дал одежду, накормил, но тот через какое-то время ушел. Холопцев его снова привел, и так продолжалось несколько раз. В последний раз он был уже сильно болен, прожил у Холопцевых всего два дня и умер. Михаил Данилович сам сделал для него гроб и похоронил как полагают. Эту информацию мы также узнаем из письма невестки Холопцева Полины Ивановны, и она не находит

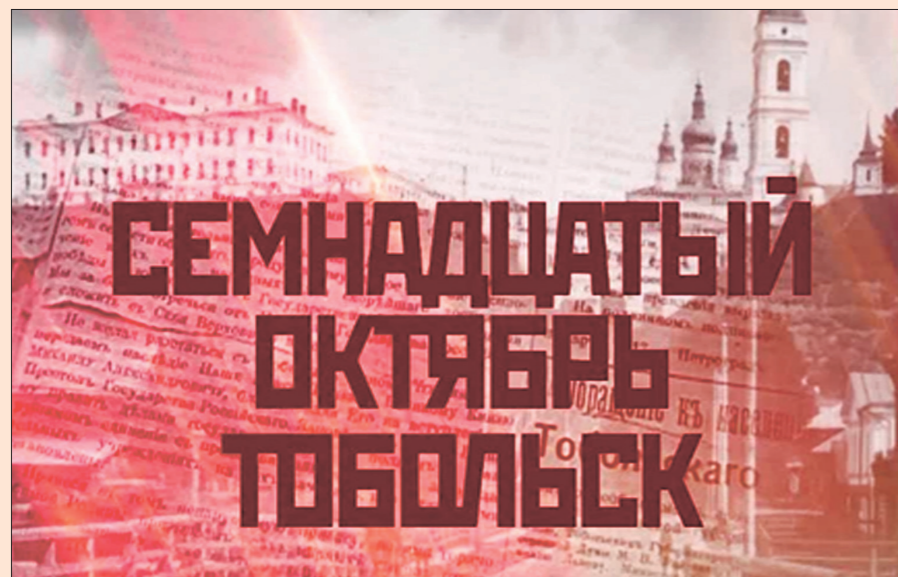
подтверждения в других источниках. Так, потомки Уссаковских сообщают, что в 1938 году Иван Константинович вместе с женой уехал из Тобольска и жил в Подмосковье, где и скончался, был похоронен в Болшево, но кладбище снесли и могила не сохранилась. Возможно, Михаил Данилович обознался и приютил другого человека, похожего на И.К. Уссаковского, а может что-то перепутала или забыла спустя столько лет уже сама Полина Ивановна Холопцева.

В 30-е годы в дом Холопцевых пришли воспитанники детского дома и принесли ту самую записку, которая теперь хранится в фондах музея. Михаил Данилович узнал ее и сообщил, что ими был написан дневник каторги - целая тетрадь, спрятанная в колонне иконостаса Абалакского мужского монастыря. Затем вместе с секретарем ЦК М.Д. Холопцев поехал туда, и нашел эту тетрадь, которая, по словам его невестки, была передана в музей. К сожалению, пока не удалось найти эту тетрадь в фондах музея.

Скончался Михаил Данилович в 1946 году во Владимире, там же похоронена и его жена. А записка и намершие от киота (или иконостаса) до сих пор хранятся в Тобольском музее, как память о событиях жизни одного человека в истории страны.

1. Жилой дом по ул. Мира. На этом месте располагался фотосалон М. Уссаковской
2. Холопцев М.Д. с товарищем. Демиевка
3. Холопцева А.И. с подругами.
4. Холопцев М.Д. с внуком Юрием.
5. Семья фотографа Уссаковского (ул. Мира)

«Тобольский период» Романовых в Тюменской фильмографии

Вслед за серьёзными учёными и исследователями, краеведами и любителями истории к теме «Романовы в Тобольске» обратились и местные «телевизионщики». В рамках среднесрочной ретроспективы рассмотрим несколько телепроектов. Необходимая ремарка: автор не ставит целью сделать рецензию на работы телемастеров, напротив, задача - познакомить и возбудить желание читателей обратиться к ещё одному, визуальному источнику информации по заявленной теме. Итак, в 2007 году увидели свет сразу две работы.

Первая – «Путь на Голгофу. Тобольские дневники Николая II» - результат творчества, без сомнения, профессиональных энтузиастов: Анатолий и Виктор Головкины, Валентина Шилина с небольшой группой помощников взяли в свои руки весь процесс производства телевизионного продукта – от написания сценария, общей режиссуры и продюсирования, до съёмок, монтажа и озвучивания картины. Продолжительность телефильма почти двадцать шесть минут. Хронология основывается на дневниковых записях Николая Александровича и начинается с повествования о прибытии Семейства поездом в Тюмень и пересадкой на пароход «Русь», а завершается записью о воссоединении Супругов и Дочери Марии с остальными Детьми в Ипатьевском доме в Екатеринбурге.

Телевизионный контент – это, прежде всего, «картинка». В качестве визуального наполнения авторы используют архивные фотографии, кадры кинохроники рубежа XIX - XX столетий. Удачно применяется входящая в арсенал ки-

нотворцов того времени компьютерная графика. Приём, позволяющий помещать изображения членов Царской Семьи в современную натуру, заметно оживляет чёрно-белые фотодокументы и облегчает восприятие объективно однообразного видеоряда.

Помимо воспроизведения дневниковых записей бывшего Императора, диктор читывает поясняющий закадровый текст. Передать атмосферу тех лет призваны и воспоминания других участников событий. Так, в повествовании появляются цитирования известного российского политического деятеля Александра Гучкова и воспитателя Цесаревича Алексея Пьера Жильяра.

Для производства фильма авторы заручились благословением двух архипастырей – Тюменского и Тобольского Дмитрия и Екатеринбургского и Верхотурского Викентия.

«Узник «Дома Свободы» - фильм Елены Савельевой – ещё одна работа о Семье Романовых. Документальная лента вышла в эфир телерадиокомпании «Тобольское время» также в 2007

В.В. Лагутин, зав. музейным комплексом «Тюремный замок»

году. В преамбуле автор задаётся вопросами: «почему Николай не искал путей освобождения, и были ли попытки спасти Императора и его Семью из большевистского заточения?»

В качестве экспертов в фильме участвуют научный сотрудник Тобольского музея-заповедника Алексей Ламбин и историк, писатель, драматург Юрий Надточий. «Изюминкой» проекта тобольских теледокументалистов стали воспоминания очевидца тех событий. Анфиса Низовских – «подгорный» старожила описывает облик бывшего Самодержца и то, как жители Тобольска встречали прибытие Венценосной Семьи.

Закадровый текст зачастую исполнен в форме «stand up» (журналист в кадре). Эта телевизионная хитрость с одной стороны позволяет изложить внушительный объём авторского текста в условиях явного дефицита соответствующего видеоматериала. С другой - смена визуального темпоритма не даёт зрителю «устать» от видеоряда, в качестве которого используются кинохроника, многочисленные фотодокументы и фрагменты фильма «Убийство Императора», снятого на студии «Урал-фильм».

По кадрам постановочной съёмки можно говорить об определённой подготовке телевизионного процесса. Для съёмок одного из эпизодов приглашён актёр, в качестве интервьюера использовался мемориальный кабинет-музей Николая II. Огорчает, что авторы не сочли возможным поблагодарить сотрудников и администрацию Тобольского музея-заповедника за помощь в организации съёмок.

В 2013 году государственная телерадиокомпания «Регион-Тюмень» подготовила объёмный телепроект «Сибирский роман». К 400-летию Дома Романовых». Тележурналист Анастасия Жувага в соавторстве с доктором исторических наук, профессором Александром Янковым (который также выступил и в роли соведущего) озвучивают версию мистической роли «первого ссыльного» Тобольска

в судьбе российских правящих династий. Углицкий колокол в 1591 году фактически известил о конце эпохи Рюриковичей и начале царствования Романовых. Дальше - больше. Будучи проездом в Тобольске, престолонаследники Александр Николаевич (в 1837 г.) и Николай Александрович (в 1891 г.) изъявили желание ударить в бронзовый бок мятежного колокола. Впоследствии оба, став Императорами, погибли насильственной смертью. Так, делают вывод авторы, привилегия Высочайшего гостя стала роковой для этих российских самодержцев. Эту сентенцию косвенно поддерживает и режиссёрский монтажный приём закольцовки. Тревожное набатное звучание колокола открывает и завершает телевизионное повествование.

Семье Николая II, в том числе и пребыванию Её в Тобольске, посвящено три четверти эфирного времени фильма, общий хронометраж которого превышает 35 минут. Телекамера повторила путь, который прошли Царственные Узники по Тюменской земле в 1917 году: от станции Тура до Тобольска, и вновь от Тобольска до Тюмени - в следующем, 1918-м. Иевлево, Липовка, Покровское, Борки... В каждом населённом пункте, через который проходил маршрут, сохранились воспоминания, или, скорее уж, легенды о пребывании или оставке Монаршего обоза. Сегодня ими охотно делятся местные жители.

Ещё одна работа 2013 года - фильм Светланы Голяковой «Духовный подвиг Романовых» из телевизионного цикла «Открытая книга», выходящего в эфир на каналах медиахолдинга «Сибинформбюро». В основе этого документального проекта дневниковые записи Николая Александровича и Александры Фёдоровны, которые - хочется сразу отметить – достойно визуализированы посредством оригинальной компьютерной графики в виде винтажного семейного фотоальбома. Видеоряда фильма, продолжительностью 13 с половиной минут, традиционные архивные фотодокументы, кадры кинохроники, разнообразные цифровые копии документальных источников, а также относительно свежая съёмка Дома губернатора, фасады которого уже приобрели вид, воссозданный строителями-реставраторами. Экспонаты Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника и духовно-просветительского центра Екатеринбургской епархии гармонично дополняют визуальное повествование картины.

Экспертами в фильме выступили научный сотрудник Тобольского музея-заповедника Алексей Ламбин и митрополит Тобольский и Тюменский Димитрий. Авторы разыскали ещё одно интересное свидетельство времён столетней давности: семейными секретами-воспоминаниями со зрителями делится коренная тоболячка Августа Логинова – внучка Николая Никитина, кучера, перевозившего Романовых от пристани до Губернаторского дома, когда последний, после всех необходимых работ, был готов принять Царственную Чету.

Самым «свежим» из эфирных творений о пребывании Семьи Романовых в Тобольске стала вторая часть дилогии «Семнадцатый. Октябрь. Тобольск», выпущенная ГТРК «Регион-Тюмень» осенью 2017 года. Устоявшийся тандем доктора исторических наук, писателя Вячеслава Софронова и телережиссёра Людмилы Борисовой представил зрительской аудитории по-настоящему качественный продукт. Филигранная работа со звуком, драматургическая завязка, обилие использованных архивных фото- и кинодокументов, привлечение большого количества экспертов и профессиональных актёров для постановочных сцен создают весьма благоприятное впечатление от просмотра фильма, даже у неподготовленного зрителя. В документальной картине широко используются дневниковые записи и отрывки из писем «тобольских сидельцев», а также упоминания об их пребывании в городе в письмах тоболяков. Это сопоставление свидетельств с одной и с другой стороны - замечательная придумка авторов. Она позволяет почувствовать соприкосновение, а подчас и взаимное влияние на повседнев-

ное течение жизни Семьи Романовых и простых горожан. Фильм длится более тридцати пяти минут, при этом смонтирован легко, как говорят «телевизионщики»: на одном дыхании.

Завершая обзор документальных телевизионных работ, посвящённых теме тобольской ссылки Семьи последнего Российского Императора, необходимо отметить, что представленный список далеко не полный. Пытливый исследователь найдёт ещё немало примеров экранизации трагического завершения царского правления династии Романовых. Подобные работы, бесспорно, есть. Бесспорно также, что долгожданное открытие в Тобольске Музея семьи Императора Николая II станет информационным поводом для телевизионных журналистов и даст дополнительный импульс к продолжению работы над этой темой.

Фильмография:
«Путь на Голгофу. Тобольские дневники Николая II»
ООО «Инфо Плюс» 2007г. А. Головкин, В. Шилина хр. 25'52"
«Узник «Дома Свободы»
ТРК «Тобольское время» 2007 г. Е. Савельева хр. 14'
«Сибирский роман» К 400-летию Дома Романовых
ГТРК «Регион-Тюмень» 2013 г. Анастасия Жувага, Александр Янков, Марина Тугаринова хр. 35'29"
«Духовный подвиг Романовых» из цикла «Открытая книга»
ТРТР (Ладья-СТС) 2013г. Светлана Голякова хр. 13'28"
«Семнадцатый. Октябрь. Тобольск»
ГТРК «Регион-Тюмень» 2017 г. Вячеслав Софронов, Людмила Борисова хр. 35'25"

ЖИЗНЬ в служении музею

Памяти Алексея Вениаминовича Ламбина – научного сотрудника, экскурсовода Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника.

И.В. Сергеева,
экскурсовод

Судьбой Алексею было отведено 38 лет жизни, короткой, но удивительно яркой и неординарной. Родился в Тобольске в 1978 году. После школы поступил в индустриальный институт, но, не прочувшись и двух лет, понял, что химия не его призвание. Решил продолжить учебу в Тобольском педагогическом институте им. Д.И. Менделеева на историческом факультете. Так детское и юношеское увлечение историей города Тобольска и Сибири стало любимой профессией.

В 2006 году Алексей переступил порог Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, но не посетителем или студентом-практикантом, а

в качестве научного сотрудника и экскурсовода. В таких случаях говорят, что попал в свою стихию.

Самым любимым его местом была научная библиотека музея, в которой почти за полтора века собраны и хранятся подлинные сокровища. Редкие и уникальные издания не просто интересовали Алексея, а были источником его вдохновения в написании научных статей и выступлениях на конференциях, в составлении текстов экскурсий. Он умел работать с литературой. Его личная библиотека – это уникальное собрание. Книги он привозил из всех мест, где ему удалось побывать во время служебных командировок, экспедиций и отпусков. Первое, что он делал во время поездок, это посещал музей и книжные магазины. Особенно в Санкт-Петербурге, своем любимом городе.

Наверное, поэтому его экскурсии были особенно интересными и увлекательными. Туроператоры очень часто, заказывая экскурсии, обращались к администраторам музея с просьбой направить для их групп Алексея Ламбина, а руководители турфирм присылали в адрес музея-заповедника многочисленные благодарственные письма за высокопрофессиональное проведение экскурсий. За такую работу его поощряли в коллективе. Но была награда, которой Алексей очень гордился. Директор музея-заповедника Светлана Юрьевна Сидорова направила его в Санкт-Петербург, вручив приглашение на празднование 300-летия Эрмитажа. Рассказ об этом истори-

ческом событии часто можно было услышать в ходе экскурсий.

С уважением к Алексею относились посетители музея. Туристы заворожено слушали его во время экскурсий, погружаясь в глубину веков истории Сибири и древней её столицы города Тобольска. За 10 лет он провел более 5 тысяч экскурсий для почти 100 тысяч туристов.

Своими знаниями Алексей порадовал посетителей музея и охотно делился с коллегами. Была у нашего коллеги любимая тема исследования и изучения – династия Романовых. Особенно период пребывания представителей Дома Романовых в Тобольске. Он с особым интересом наблюдал за реставрацией Губернаторского дома, ждал открытия в нём музея семьи Романовых, мечтал там работать и проводить экскурсии. Уникальный Музей семьи Императора Николая II открывается в апреле 2018 года. Мечте не суждено было осуществиться. Жизнь Алексея Вениаминовича из-за тяжелой болезни оборвалась в 2017 году. Это трагическое известие потрясло его друзей и коллег, но остались яркие воспоминания о совместной работе, о его преданности про-

фессии. Раньше всех приходил на работу, часто свои выходные проводил в музее. В отпуск отправлялся в археологические экспедиции на поиск могилы Ермака, раскопки в Тобольском Кремле и его окрестностях. Из поездок привозил нам особенные сувениры.

Ежегодно 12 августа, в свой день рождения, устраивал особенные

чаепития. Приносил большой торт «Наполеон», испеченный добрыми маминими руками, заваривал необыкновенный чай из своей коллекции и всегда «подчеркивал», что в этот же день отмечается день рождения Цесаревича Алексея Николаевича.

Эти воспоминания не прощаются с Алексеем. Мы ещё увидим

его в документальных фильмах о пребывании Семьи Романовых в Тобольске, в художественном фильме «Тобол» об истории освоения Сибири. Ещё не раз с экрана на нас будет смотреть научный сотрудник, экскурсовод и даже исторический персонаж в костюме шведа – Ламбин Алексей Вениаминович.

ОТКРЫТИЕ ГОДА

ГУБЕРНАТОРСКИЙ ДОМ МУЗЕЙ СЕМЬИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

Музей находится в купеческом особняке, построенном в конце XVIII в., где позже размещалась резиденция сибирских губернаторов. С августа 1917 г. по май 1918 г., на 9 месяцев, дом стал местом заточения Семьи Российского Императора Николая II.

Здесь можно увидеть подлинные экспонаты, многие из которых принадлежали Венценосным Узникам. Это возможность взглянуть по-новому на, казалось бы, уже давно известные факты, раскрыть новые границы частной и государственной деятельности Семьи Императора Николая II и верных Им людей.

Адрес:
г. Тобольск, ул. Мира, 10

Телефон для записи на экскурсии:
+7 (3456) 22-37-13.